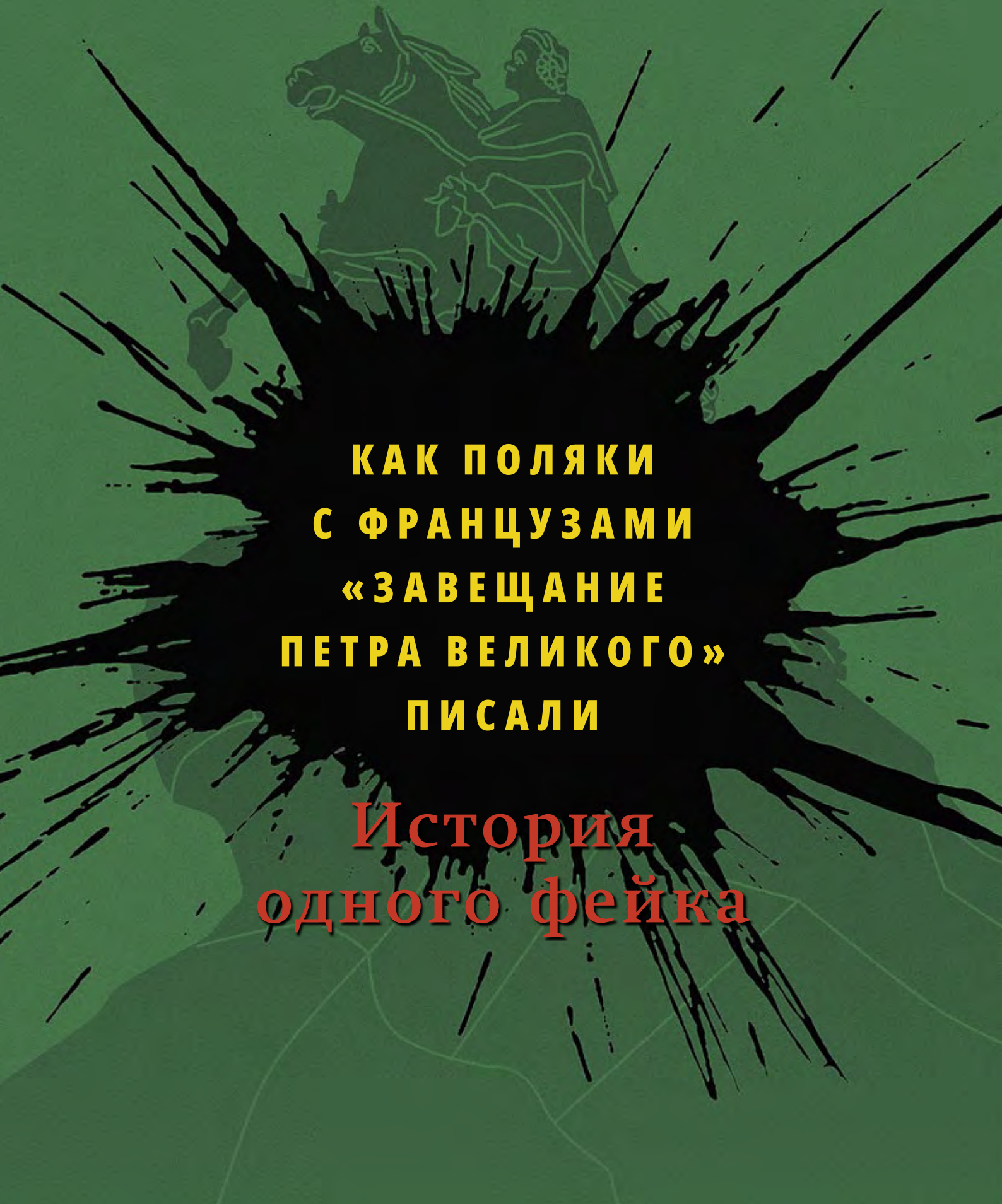
ОКТЯБРЬ | 2022

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ



КАК ПОЛЯКИ С ФРАНЦУЗАМИ «ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» ПИСАЛИ

История одного фейка

ФОНД РУССКИЙ МИР

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

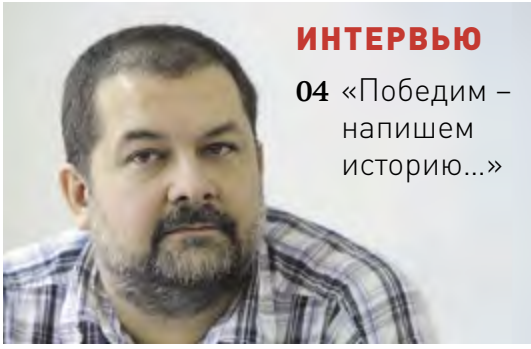
РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:
• информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
• творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

ИНТЕРВЬЮ



04 «Победим – напишем историю...»

ИСТОРИЯ

10 Последняя осада

18 «Лизет Даниловна, лапку приложа...»

24 История одного фейка

НАСЛЕДИЕ

30 Личное на фоне исторического события

36 Вырастить человека

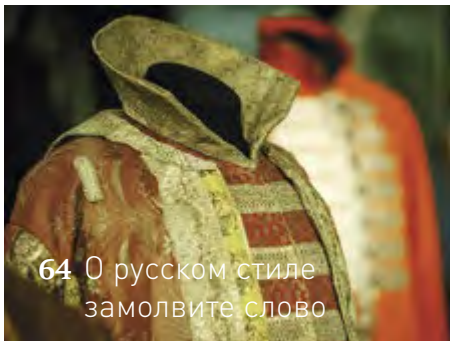
КУЛЬТУРА

58 Время Петра Великого

МУЗЕИ

42 Задушевный музей

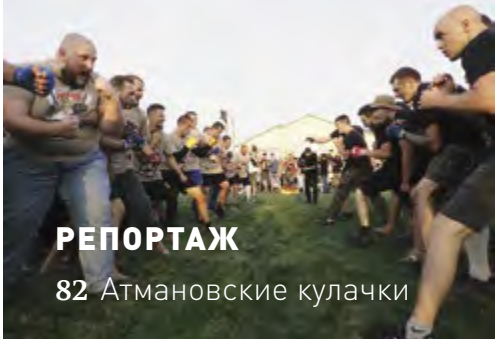
50 Полет «Майского жука»



64 О русском стиле замолвите слово

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Волчатник



РЕПОРТАЖ

82 Атмановские кулачки

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Остров единения

Председатель правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Николай АНДРЕЕВ
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталия ТАНЬШИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
https://rusmir.media

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

АНТОНИЙ (СЕВРЮК А.Ю.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.
Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.
Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.
Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

«ПОБЕДИМ – НАПИШЕМ ИСТОРИЮ...»

БЕСЕДОВАЛА
АРИНА АБРОСИМОВА

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО – ОДИН ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ГЕРОИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОПАДАЯ В ДРУГИЕ МИРЫ И ВРЕМЕНА, ЧТО-ТО ИЩУТ, НАХОДЯТ И ТЕРЯЮТ, ЗАЩИЩАЮТ И СПАСАЮТ, ЛЮБЯТ И СТРАДАЮТ. КОНЕЧНО, УСЛОВНОСТЬ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ УВЛЕКАТЕЛЬНА, НО ОДНОВРЕМЕННО И МЕТАФОРИЧНА: ВСЕ ЭТИ РАССКАЗЫ И РОМАНЫ О НАС – ДОБРЫХ И ЗЛЫХ, СМЕЛЫХ И СЛАБЫХ, ГОРДЫХ И НЕ ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВЫХ, ОШИБАЮЩИХСЯ ИЛИ ДЕЛАЮЩИХ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР.

– СЕРГЕЙ, В ФАНТАСТИЧЕСКИХ произведениях герои часто перемещаются во времени и пространстве и вынуждены действовать в разных временных пластах. Как писатель-фантаст справляется с такими задачами?

– Есть два подхода: фантастика «ближнего прицела», когда что-то вот-вот должно произойти, и фантастика далекого будущего. Сейчас с первым подходом в романе работать гораздо сложнее: описывать нужно текущие события, наши дни, «здесь и сейчас», а мир очень быстро меняется! Пока напишешь книгу, все в реальности может стать совсем другим, и описанные события устареют… Космическую фантастику «ближнего прицела» можно предугадать лет на двадцать-тридцать: скорее всего, человечество уже совершит экспедиции на Луну и на Марс, и это, конечно, будет отражено в литературе. А что будет в фантастике в далеком будущем – предугадать трудно, потому что фантастика не поддается трендам, ее нельзя спрогнозировать. Вернее, только один тренд в фантастике можно обозначить: нужно изменить настоящее, чтобы все исправить и сделать жизнь в будущем гораздо лучше.

– А как писатель-фантаст чувствует время?

– Со временем меняется мое отношение к моим героям. Где-то герой мне кажется наивным, в чем-то неправым – сейчас я написал бы о его решениях и поступках иначе. И даже когда читаю чужие романы, часто бывают мысли: я бы сделал вот в этом месте по-другому! Всегда возникают варианты… Но ничего из изданного я не правлю – все мои герои живут уже своей жизнью.

На самом деле все эти фантастические сюжеты о чудесах, которые творят герои, – это аллюзии на настоящую жизнь. Все, что мы делаем, – это время нашей жизни. Мы превращаем его в какие-то дела, поступки, и в какой-то момент ты начинаешь задумываться: вот то, что ты сейчас делаешь, – оно стоит или нет этого времени жизни? Стоит ли твоего времени жизни визит на какое-то мероприятие? Понимаю, что время, затраченное на какую-то, может быть, полезную, хорошую, но не обязательную деятельность, – это время, отнятое от книг, от семьи и так далее. Вообще считаю, что каждый человек должен все-таки заниматься тем, что нравится ему больше всего. Мне больше нравится писать, потому что, когда я пишу, мной никто не командует. Знаете, это удивительное ощущение свободы, когда пишешь то, что ты хочешь!

АЛЕКСЕЙ ДРУЖИНИН/РИА НОВОСТИ

Два года назад вышла моя книжка «Маги без времени». Она родилась из очень простой идеи: магия, по сути, требует от тебя внутреннего ресурса. Обычно в фантастике маги за свою магию платят силой, энергией, и они стараются впрок накапливать эту силу. И я подумал: а что, если магия требует времени жизни? Ты можешь совершить какое-то маленькое чудо, но в результате постареешь на какое-то количество минут, часов или дней. И каждый раз, когда ты хочешь совершить чудо, ты будешь думать: а стоит ли оно того? Можно ли мне сейчас небрежным жестом зажечь свет либо я лучше подойду, возьму свечку, достану спички и зажгу, потому что это затратит гораздо меньше времени моей жизни? И я, как те маги, стал к времени относиться более внимательно.

– Китайцы не рекомендуют жить в эпоху перемен, но вот ваше поколение уже не первый раз ее переживает. Насколько вам уютно живется сейчас?

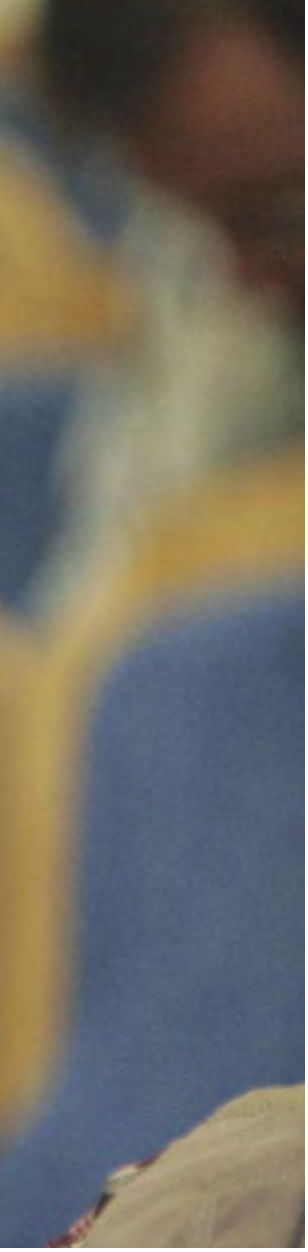
– Ну, что поделать! Как говорится, «времена не выбирают – в них живут и умирают». Я, конечно, надеялся, что перемены в моей жизни будут дальше как-то мягче и аккуратнее, но – как получилось, так получилось. В этом плане я – фаталист. И думаю, что та степень уютности, которую мне хочется иметь, не имеет большого значения по сравнению с судьбой моей страны. Конечно, я бы предпочел, чтобы везде было тихо, хорошо, уютно, мирно. Но время нам другое выпало.

– Сейчас по всему миру пошла волна перемен. Как вы думаете, к чему это приведет?

– Это приведет либо к созданию совершенно нового мироустройства – не с владычеством одних только Соединенных Штатов. И даже, наверное, не с двумя центрами силы, а все-таки к действительно многополярному миру. Либо это приведет к концу человеческой цивилизации в той форме, в которой мы ее сейчас представляем, и к дальнейшему долгому, медленному выживанию, выпутыванию остатков человечества из сложившихся условий.

– Значит, может воплотиться некий футуристический сценарий, который когда-то кто-то в каком-то романе описал. Какую книгу можно привести в пример?

– Тысячи таких книг! Про ядерный Армагеддон, про Третью мировую войну и так далее. Может такое произойти? Да все может быть. Потому что идет очень серьезный военный конфликт в центре Европы, в котором так или иначе завязаны почти все крупные мировые державы. Только Китай все-таки немножко держится в стороне. Разумеется, это в какой-то момент может привести к полномасштабной ядерной войне, что станет для человечества серьезным потрясением. Но люди – удивительные существа: что


ПАВЕЛ ЛИСИЦЫН/РИА НОВОСТИ

бы у нас ни произошло, мы будем продолжать жить обычной жизнью, приспосабливаясь к тому, что происходит вокруг. Собственно говоря, мы это знаем, видим и наблюдаем. Вот произошел такой как бы локальный апокалипсис, все изменилось, все теперь иначе, но люди продолжают жить, продолжают читать книги, смотреть телевизор – все как-то приспосабливаются к этим новым условиям...

– Основной удар сейчас направлен именно на Россию и на Русский мир – это очень часто произносится политиками. Почему так раздражает западную цивилизацию Русский мир?

– Ситуация простая. Как минимум следующие двадцать-тридцать лет западный мир в общем-то собирался жить за наш счет. А потом начал бы «есть» кого-нибудь другого. Но вот тут у них ничего не получилось. Западное общество начало рушиться, а мы с большим любопытством наблюдаем за теми проблемами в экономике, которые у них возникают. Разумеется, и у нас возникает множество проблем – нам тоже несладко. Но мы – та цель, которая должна была быть поглощена и уничтожена, – взяли и воспротивились чужим планам. Поэтому и вызываем ярую ненависть у всего так называемого цивилизованного общества – тем, что не захотели послушно оплачивать жизнь западного мира. Разумеется, Запад рассчитывает на предательство, на пятую колонну. А я надеюсь, что этого не случится.

– Как же нам противостоять и выжить?

– Ну, у нас есть РВСН, и это прекрасно. У нас есть армия, у нас есть общество. И нам нужно подтянуть свою промышленность до необходимого уровня. Для этого все возможности у нас есть: огромные запасы ресурсов, территории, природные ископаемые, вода, энергия. То есть у нас есть все возможности для того, чтобы спокойно выжить, даже если против нас попытаются ввести какую-то тотальную блокаду.

– Сейчас многие высказывают опасения, что наша молодежь утратила представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Сможет ли новое поколение противостоять вызовам, направленным против нашей страны?

– У нас есть множество тенденций – позитивных и не очень. В том числе и среди молодежи, конечно. Но у нас в стране до сих пор нет внятной идеологии. Более того, идеология у нас запрещена Конституцией, что, на мой взгляд, неправильно. У страны должна быть какая-то общая декларируемая цель. Это вопрос создания цивилизационной общности. Так что нам нужно эту ментальность создавать, нам надо формировать поколение новых людей, которые смогут продолжить дело предков и сохранить и страну, и общество.

– Именно создавать или воссоздавать?

– Я думаю, воссоздавать что-то прежнее бессмысленно, потому что время меняется. Сейчас одинаково бессмысленно опираться на какие-то образцы XV, XIX или XX века. Все это было в истории раньше. Можно опираться на опыт, заимствовать какие-то элементы, но пытаться в точности воссоздавать то, что когда-то было и ушло, – это, в общем, заранее проигрышный путь.

– Но и с нуля формировать тоже не очень правильно?

– Конечно, не надо с нуля выдумывать и формировать. Надо просто смотреть на существующие в обществе тенденции: позитивные для государства поддерживать, негативные – наверное, пресекать. Любая попытка искусственно выработать и ввести какую-то идеологию – очень сложна и чревата ответной реакцией, особенно от молодежи. Молодежь крайне не любит, когда ей начинают что-то навязывать. Особенно если это навязывание идет от старшего поколения. Поэтому надо аккуратно управлять процессами и просто поддерживать то, что стоит поддерживать.

– В чем для нас в этой новой реальности заключается национальная идея?

– Ну, если бы я это знал, я бы сейчас бежал бы в Кремль с криками, подобно Левше, что англичане ружья кирпичом не чистят. Я не знаю… Я бы сказал, что все-таки основной нашей национальной идеей должна быть безопасность в широком смысле этого слова – начиная с безопасности людей и заканчивая безопасностью страны, ее границ, ее экономической безопасностью и так далее. Этого резко не хватает в мире. И мне кажется, дальше ситуация в этом смысле будет усугубляться. Собственно говоря, страна, которая может обеспечить безопасность себе и другим, может этой безопасностью, вообще, и торговать. Это самый притягательный экспортный товар мог бы быть. Вот вы с нами – вы в безопасности, вы без нас – ну, тогда это ваш выбор, решайте сами, кто вас съест…

– Россия нередко заступалась за слабых – и не только за славянский мир, не раз освобождала европейские страны и дарила некоторым независимость… Как вы думаете, мы должны пересмотреть такое наше отношение к другим странам? Верно ли мы раньше поступали, спасая и одаривая?

– Я считаю, спасать надо только своих – тех, кто хочет быть с Россией. Их спасать надо. А, условно говоря, какой-нибудь народ, который называет себя братским ровно до того момента, пока ему это выгодно, а потом бежит к тому, у кого бутерброд потолще и кто заплатит побольше, – это, мне кажется, не стоит наших трудов и жертв. Мы очень долго называли многие страны и народы братскими, а эти народы первыми побежали в НАТО, первыми стали поливать нас грязью, проклинать за то, что мы их спасали, потому что спасали, видите ли, неправильно. Мне кажется, нам это не нужно. Хватит особенно вот этого славянского псевдоединства, о котором нам очень

часто любят напоминать тогда, когда это выгодно «братьям». Настоящий брат – это тот, кто хочет быть с тобой и в печали, и в радости, и в горе, а не тот, кто требует «по-братски» помочь: «дайте нам то, дайте это, а потом мы сами решим, что про вас говорить»…

– Но Россия в этом отношении периодически наступала на одни и те же грабли. Вот и сейчас эти грабли намечаются…

– А не надо никого спасать. Ни единого кубометра газа, ни единого пшеничного зернышка бесплатно. За плату – можно, а бесплатно – ничего. Как говорится, наспасались. Спасибо. Их позиция: «придите, нас освободите, постройте нам все, а потом валите отсюда, оккупанты, мы с вами не будем жить»… Другое дело, когда речь идет не о чужом народе, а, собственно говоря, о весомой части русского народа, которая восемь лет отстаивала свое право быть с Россией. Которая просит о помощи, просит официально принять ее в состав России, люди хотят стать частью России – это все-таки совсем другое!

– Сейчас в тренде переписывание и подмена истории. И современную ситуацию тоже будут каким-то образом переиначивать и трактовать?

– Конечно, будут. Ведь история – это очень важная вещь. И хорошо, что сейчас спохватились и в наших школах ее будут преподавать более интенсивно. И законы определенные принимаются насчет искажения истории – это правильно. Но надо не забывать, что историю всегда пишут победители. Победим – напишем историю. Проиграем – напишут историю про нас, да такую, что наши внуки будут в ужасе за голову хвататься. История, давайте честно признаемся, – это, в общем, продукт творчества историков. Историю любой страны можно преподнести как в выгодном, так и в невыгодном свете. Нам важно, чтобы мы свою историю знали правильно – как историю народа-победителя.

– События Великой Отечественной войны и в целом Второй мировой войны сейчас предлагается по-другому воспринимать: уничтожаются мемориалы, настоящие герои отвергаются, фальсифицируются факты, черное обеляется… Почему мы так невнятно противостоим этому?

– В нашей стране мы противостоим этому, а на международном уровне это невозможно, потому что там властвует цензура, там нет никакой свободы слова. И давайте будем откровенны: мы воевали не только с гитлеровской Германией, а со всей Европой – объединенной. У большинства этих европейских стран рыльца в пушку: они точно так же шли вместе с Гитлером в бой против нашей страны либо для них строили, производили оружие, продовольствие. Так что теперь, как только появилась возможность, они с огромным удовольствием будут искажать историю…

– И уже искажают нашу реальность! В противопоставлении «Восток – Запад» сейчас меняется все. Как это коснулось литературы?

– Мы всегда считали Запад более понятным и близким нам, а на деле все оборачивалось не в нашу пользу. Вот сейчас на любые западные международные книжные ярмарки, конференции и подобные мероприятия запретили приглашать авторов из России и вообще хоть как-то представлять там русскую литературу. Но книга – это основа. Это толчок для очень многих явлений в жизни. Я говорю не только об экранизациях, компьютерных играх, комиксах, моде… Я говорю о концепции, которую дает человечеству книга. Недаром же сказано: «В начале было Слово…» Из книги вырастает новая реальность! Читать книги – это трудно. Но чтение тренирует мозг. Ты сам в своей голове создаешь мир, сам представляешь и мир, и его героев. По сравнению с книгой кино – да, пиршество для глаз, но все придумано за тебя, и тебе ничего не надо додумывать и фантазировать. И это – подмена. Поэтому, конечно, если литература оказывается под запретом, это уже не вопрос социальной «свободы слова», это гораздо более серьезное нападение на личность, на цивилизационные коды…

– Вы часто участвуете в отечественных книжных выставках и ярмарках, региональных форумах. И ваши творческие встречи с читателями собирают большие аудитории. А в этом году вы представляли современную русскую литературу на книжной выставке в Иране…

– Иран – страна, вокруг которой сложилось много разных мифов и предубеждений. Многие не понимают и не знают, как там живут люди. Это страна, где соблюдаются сложные религиозные законы. Загадочная Персия... Когда меня пригласили поехать в Иран, я сразу согласился. Оказалось, что это очень любопытная и вовсе не настолько закрытая страна, как у нас многие предполагают. Ну, единственное, там пить нельзя, зато кальяны все курят. Женщины чувствуют себя вполне комфортно, разве что ходят с платком на голове, но при этом красятся. Это как бы срыв шаблона. То есть едешь и думаешь: ну, наверное, там все строго – это же Иран, какая там фантастика! Да нет, все нормально. Люди много читают. Мы побывали на огромной книжной ярмарке, где были представлены даже не сотни, а тысячи больших и маленьких издательств. В Иране издается огромное количество книг. Наверное, не раскрою тайны, если скажу, что там были представители наших издательств, которые на месте изучали возможность печатать какие-то книги в Иране, потому что это в каких-то смыслах получалось интересней. В Иране очень много всего переводится и издается. Издаются и мои книги. Другое дело, что я об этом ничего не знал. Иранцы мне сказали: «Ну, вы же понимаете, мы под санкциями. Вы – недавно, а мы-то уже давно. Мы поэтому заплатить никому из авторов не мо-

СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

жем, поэтому просто издаем – вот вам ваша книжка!» Они издали сборник моих рассказов. Ну, я ее привез домой и поставил на полку.

– А нашу классику там знают?

– Да. И не только знают русскую классику, но и активно издают ее! И это очень востребованная литература. Правда, они не очень любят Грибоедова… Но это понятно, если вспомнить сложности, возникшие тогда между Персией и Российской империей.

– Ну вот – «камень преткновения»… А мы-то очень любим Грибоедова! И если считается, что «Восток – дело тонкое», надо понимать, что он требует и ждет деликатного отношения к себе, но не гарантирует того же в ответ?

– Вполне возможно. До поездки я думал, что Иран – это такая богатая, но сложная, чужеродная и замкнутая культура. Однако когда в Иране начинаешь общаться с местными жителями, то выясняешь, что это любознательные люди, с которыми можно разговаривать на любые темы. Я там выступал в двух местных университетах на кафедрах русского языка. Один из них – женский исламский университет, где молодые девушки в косынках и в более строгой одежде, чем у наших студенток, задавали острые вопросы на русском языке и расспрашивали про фантастику. Это было поразительно. Да, Восток – это интересно, это необычно, и там я был гораздо меньше, чем на Западе. Был в Китае, с удовольствием снова туда поехал бы. Сейчас они взяли для перевода и издания 10 моих книг. Но это не фэнтези, а научно-фантастические тексты. В Китае гораздо больший интерес вызывает именно «научпоп», это у них абсолютный тренд.

– У вас каждый год выходит по нескольку книг – можете параллельно сочинять и записывать разные истории?

– Можно некоторое время работать над несколькими проектами, но, правда, рано или поздно какой-то один из них на себя перетягивает одеяло, и ты занимаешься только им, а все другие откладываешь. И, честно говоря, у меня не получается работать по какому-то строгому графику: например, до обеда писать фэнтези, после обеда – космическую фантастику… Наверное, есть люди, которые так умеют. А мне необходима концентрация на одном сюжете. Написание книги – процесс непрекращающийся. Написал какой-то кусок, выполнил, условно говоря, ту работу, которую запланировал на этот день, а дальше все равно она продолжает у тебя в голове крутиться. То есть ты ходишь, разговариваешь с людьми, что-то другое делаешь, а мысленно в это время сюжет достраиваешь и пытаешься понять – что там будет дальше?

ПОСЛЕДНЯЯ ОСАДА

АВТОР
ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

РИСУНКИ
ВАРВАРЫ ЛАВРОВОЙ

ЭТО БЫЛО ЧУДО. ОНИ ШЛИ, УВЕРЕННЫЕ В ПОБЕДЕ, ПОХВАЛЯЯСЬ МНОГОЧИСЛЕННОСТЬЮ И БЛИСТАЯ НАГЛОСТЬЮ. НО БОЙ ТОЛКОМ НЕ СОСТОЯЛСЯ, А СЛЕДУЮЩЕЙ НОЧЬЮ ОНИ В УЖАСЕ БЕЖАЛИ, ПОБРОСАВ ОБОЗ, ИМУЩЕСТВО, ТЕРЯЯ ЛОШАДЕЙ, ПОГИБАЯ И МЕЧТАЯ О ПОЩАДЕ. ДО КРЫМА ДОБРАЛОСЬ МЕНЕЕ ТРЕТИ ВОИНСТВА И РАНЕНЫЙ ХАН. ТАК 4 ИЮЛЯ 1591 ГОДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ПОСЛЕДНЯЯ ТАТАРСКАЯ ОСАДА МОСКВЫ.

В ТОТ ГОД КАЗАЛОСЬ, что во всем сквозит волшебство – потусторонние силы испытывали Россию. Сначала серия неожиданных смертей и ненастий, потом – внезапная победа без кровопролития. До сих пор многое из событий того времени историки объясняют случайностями.

Все началось ранней весной в Астрахани, покоренной недавно Иваном Грозным. Ранее она входила в ареал татарских ханств, возникших после развала в XV веке Золотой (Большой) Орды, – Казанское, Крымское, Ногайское, Астраханское, Сибирское и пр. Здесь правила своя династия, правда, могуществом она не отличалась, зачастую полагаясь на влияние соседних ногайцев и москвичей. Астрахань русские войска заняли без сопротивления. Однако влияние татар не пропало: они

составляли большинство населения степей и равнин. Верховным сюзереном оставался русский царь, но в местные правители могли назначать представителей знати иноверцев. Так случилось в 1586 году, когда на русскую службу перешел крымский царевич Мурад.

В Крыму тогда бушевала гражданская война, за трон боролись потомки хана Девлет Гирея. Сначала правил его сын Мехмед, но в 1584 году он был свергнут своим братом Исламом и вскоре убит. Сыновья Мехмеда – Саадет, Мурад и Сафа – бежали в Ногайскую орду, откуда совершили ряд нападений на Крым, но закрепиться там не смогли. В итоге пришли к воеводам в Астрахань за помощью, а те отправили их к царю. В Москву от братьев поехал Мурад. Царь Федор согласился покровительствовать ему – принял под свою владычную руку. Как русский подданный, Мурад был назначен новым правителем Астраханского ханства, где должен был править под надзором специально приставленных «товарищей»: «Царь же Федор его пожаловал великим жалованием и посла его на царство Астраханское, а с ним послал воевод своих князя Федора Михайловича Троекурова и Ивана Михайловича Пушкина».

Предполагалось, что Мурад соберет ногайцев и наемников с Кавказа, а затем захватит и подчинит Крым. Но Мураду не удалось договориться даже с собственными братьями. Саадет вскоре умер при невыясненных обстоятельствах, а Сафа уехал в Крым, где признал власть своего дяди Гази Гирея, который унаследовал ханство после брата Ислама в 1588 году. Мурад остался один на один с проблемой мести. А Гази был мудр и решил уладить дело миром. Он предложил Мураду вернуться и стать калгой – наследником престола. Искушение было велико. Астраханский хан несколько раз ездил в Москву советоваться. Ему разрешили обменяться послами с Гази, но потом в дело вмешались бесы.

В начале 1591 года среди крымских визитеров в Астрахань оказались колдуны. Они чем-то опоили Мурада с женами и родственниками, а потом «пили из них из сонных кровь», чем «испортили». Отчет о событиях сохранила летопись. Перепуганные русские воеводы бросились искать мусульманского экзорциста, поскольку не разбирались в магиях иноверцев. Нашли какого-то араба – «многознатца». Тот сказал, что нет шансов спасти пострадавших, если не поймать самих вампиров. Спецотряд охотников, прихватив араба, отправился осматривать окрестные юрты и степь. Упырей выявили. Они быстро сознались, согласившись попытаться все исправить – вернуть кровь. Но уточнили, что поможет только та кровь, что не замерзнет – ею нужно будет помазать больных. Затем при содействии араба и воеводских служащих пленники выпустили из себя всю ту кровь, что забрали у Мурада с близкими. Она замерзла. Вурдалаки развели руками: увы, поздно – царевичу «живым не быть». Действительно, вскоре Мурад, несколько его жен и слуг умерли. Узнав о случившемся, Гази Гирей поклялся отомстить неверным, обвинив во всем москвичей. Это стало главным поводом для татарского нашествия в 1591 году. Но не причиной.

ТЕМНАЯ СМУТА

На самом деле трения с русскими возникали уже давно. Те стали слишком активны в Нижнем Поволжье и на Кавказе. Сам Крым был зависим от Османской империи, хотя и изображал самостоятельность. Этим пользовались и в Польше, и в России, перекупая лояльность хана.

Впервые монголо-татары сожгли Москву в 1238 году. Первый же собственно крымский набег на Русь случился в 1507-м, а в 1521 году крымцы появились у русской столицы. С тех пор нападения стали регулярными. Чаще они затрагивали пограничные области, но нередко крымцы пересекали Оку. В последний раз они спалили Москву в 1571 году. Потом было двадцать лет затишья. И вот крымские орды появились снова.

В конце 1590 года в Бахчисарай уехал московский посол Иван Филатьевич Бибиков. Посла приняли холодно, а людей его ограбили. Возможно, торговались за новые подарки из Москвы, а может, интриговали с подачи поляков. К тому же тогда Москва еще вела войну со шведами, которые тоже пытались натравить татар на русских. В итоге хан не отпустил Бибикова и стал собирать армию вторжения.

В Астрахани в это время продолжали разбираться в случившемся. Из Москвы прислали следователя Остафия Михайловича Пушкина, который опять арестовал и подверг пыткам тех степных вурдалаков, надеясь выяснить, кто их подослал. Все было бесполезно, пока вновь не обратились к тому же самому арабу, который подсказал способ пытать вампиров: подвесить за руки и вставить в рот «удила конские», но бить не по телу, а «по стене против их». После этого упыри заговорили и показали на Крым. В итоге воеводы решили лихоимцев сжечь. Особенностями казни также руководил многосведущий араб. Во время аутодафе «слетелися сорок и ворон многое множество». Они долго кружили над Астраханью, «покамест их жгли», а потом – как души упырей отошли – «все исчезли». Пушкин успешно справился с магической интригой и был награжден. Остаток двора Мурада распределили по другим городам. Но татарского нашествия избежать не удалось.

5 мая 1591 года Гази Гирей вызвал Бибикова и сообщил, что, вняв уговорам царя, собрался в поход на Речь Посполитую, то есть литву и поляков. 10 мая он выступил из Бахчисарая и вскоре встал лагерем на Молочных Водах (в районе нынешнего Мелитополя), ожидая подхода ногайцев. Оттуда в конце месяца он с армией ринулся строго на Москву, о чем в столице узнали 10 июня.

Топорная хитрость не могла устранить традиционную предусмотрительность москвичей. Роспись «заречного розряда» – пограничным полкам по линии Тула–Дедилов–Крапивна – царь объявил еще 4 марта. В случае вторжения крупных сил им было предписано соединиться с «береговыми» полками – основным русским войском, расположившимся на линии Серпухов–Калуга–Алексин, сторожевые отряды которого стояли в Коломне и Кашире. Их роспись появилась 21 апреля. К нападению готовились, но в тот раз все сопровождалось невероятным коли-

чеством трудностей и бед. Казалось, неведомые демонические силы трудятся над тем, чтобы навредить стране, династии, вере.

Прежде всего само распределение войск сопровождалось скандалами, целой серией местнических споров: из десяти «береговых» воевод четверо сразу подали жалобы. Едва с ними управились, грянула жара. Потребовалось дополнительное усиление противопожарных мер в столице, куда начали собирать множество работников из окрестных областей – посоху – для строительства новых оборонительных укреплений. Готовили «гуляй-город» – передвижные дощатые заслоны, большие щиты на колесах, служившие укрытием для стрелков и мешавшие маневрам вражеских всадников. Столица наполнилась крестьянами из далеких сел, стучали топоры, свозили и рубили лес. Спали, разводя костры. В итоге полыхнуло сразу в нескольких местах.

А тут еще весть о новой сатанинской атаке: небрежением был испорчен и погиб единственный наследник престола – царевич Дмитрий. 15 мая 1591 года в Угличе разыгралась трагедия, заставившая содрогнуться Россию и отразившаяся в многолетней Смуте (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2022 год, статья «Гибель царевича Дмитрия». – **Прим. ред.**). Несчастье сопровождалось бунтом, который подстроили родственники матери царевича – Нагие. С гибелью Дмитрия для них исчезла надежда вернуться к власти, от которой их отстранили в 1584 году. Они долго жили этими чаяниями, сводя к ним миропорядок. Теперь, казалось, все рухнуло. Нагие винили во всем Годуновых – приближенных царя Федора. В безумии они подняли восстание, перебив в Угличе местную администрацию, назначенную, как они полагали, Годуновыми. Одним из мотивов ссоры, кстати, был сбор посохи, на которую Нагие не хотели отпускать своих крестьян.

Обычно считают, что это был стихийный бунт, хотя позднейшие репрессии в отношении его организаторов оказались уж слишком жесткими. Казням подверглись не только инициаторы и придворные, но и многие из простого посадского населения. Возможно, после смерти Дмитрия Нагие полагали сделать ставку на его мать, царицу Марию – последнюю супругу Ивана Грозного, единственную на тот момент коронованную особу помимо царской четы. Позднейшее следствие установило, что сторонники Нагих провоцировали пожары в Москве и других городах. Расчет, скорее всего, был сделан на мистический страх, который должен был сопровождать обвинение Годунова в якобы подстроенной смерти царевича. Сами небеса посылали очищающий огонь на причастных к братоубийству. Предполагалось, что царь как минимум удалит от двора своих ближних бояр, виновников ненастий. А может статься, и сам будет свергнут, и на трон взойдет царица Мария. Эти мечтания быстро пресекли. В Углич отправился стрелецкий отряд, всех Нагих арестовали, а Марию постригли в монастырь. Нанятых ими поджигателей казнили. С огнем едва успели справиться к началу июня, когда поступили сведения о приближении татар.

ВЫЗОВ

Первое время была надежда, что степняки растекутся по южным окраинам в грабежах и кутежах. Войска должны были выжидать, прикрывая основные дороги. Тогда же появились сведения об активизации шведов на северных границах. Потребовалось усиление и на том направлении: 20 июня к Новгороду отправили три полка с воеводами.

Но к 26 июня перебежчики принесли весть, что хан не останавливается и, «не роспуская войны», ведет свою 150-тысячную армию на Москву. Всем рассредоточенным на сотни километров воинствам немедленно отдали приказ собраться у Серпухова, а потом отойти к столице и занять лагерь на реке Котел (Котловка) – от Коломенского вплоть до Данилова монастыря. На Оке остался небольшой арьергард.

Народ волновался и роптал. Было немало тех, кто показывал на Бориса Годунова, намекая на его если не прямую, то ментальную вину: дескать, мыслил недоброе и вообще. Многими он уже воспринимался как безальтернативный глава государства. Иностранцы уже именовали его «правитель». Сегодня нам кажется, что политическое поле того времени было зачищено и у Годунова не было конкурентов. Но современники, кажется, думали иначе, прилагая усилия подорвать его авторитет. И Борис вызов принял.

Он лично возглавил подготовку к обороне столицы. Царь поручил ему «обоз поставити за Москвою рекою, за Деревяным городом промеж Серпуховские и Колужские дороги и наряд в обозе поставити, и запасы и пушкарей к наряду росписати, и устроити обоз и наряд совсем готово, как, прося у всемилостиваго бога помощи, стоять и битца из обозу против крымского царя Казы-Гирея». 3 июля эти позиции заняли подошедшие из Серпухова полки. Армией командовал Федор Иванович Мстиславский, которому Борис был назначен «товарищем». Даже знатность конюшего не позволяла ему быть главнокомандующим. Мстиславский был первым боярином в думе, в его жилах текла великокняжеская кровь, по всем местническим разрядам он был первым в стране после царя. Никто не мог оспорить его лидерство, даже Годунов, которому поручалось лишь помогать. Впрочем, право по крови не гарантировало личные таланты. Мстиславский не был выдающимся полководцем, но иного назначить было просто нельзя по понятиям того времени. Кроме того, у него был солидный опыт руководства воинскими подразделениями – с 1576 года, когда был еще жив его отец Иван Федорович Мстиславский – выдающийся воевода Ивана Грозного. Сам Годунов никогда войсками не командовал и в боях не отличался. Его «сочетание» с Мстиславским было оправданно целями политическими, а не военными. Он должен был разделить ответственность в случае поражения и славу в случае победы. Так царь гарантировал упорство своих приближенных и знати, тестировал лояльность.

Воеводе полка правой руки Никите Романовичу Трубецкому в «товарищи» назначили Степана Васильевича Годунова, а в передовой полк к воеводе Тимофею Романовичу Трубецкому в «товарищи» дали Ивана Васильевича Годунова. Клан Годуновых был заинтересован в победе над крымским ханом. Потрясения последних месяцев не оставляли им шансов, грозили не только их власти, но и жизни. Положение было серьезным.

МОСКОВСКОЕ ЧУДО

Накануне царь Федор Иоаннович лично инспектировал лагерь русской армии: «Приехав государь в полки, воевод своих и дворян и детей боярских пожаловал, и здоровье спрашивал, и полков государь смотрел, и в обозе государь мест розсматривал, где полков стояти в обозе; и смотря государь полков и розсмотря мест в обозе, где полков стоять, пошел государь к Москве, а бояром и воеводам всем князю Федору Ивановичю Мстиславскому с товарищи велел государь итти со всеми полки на прежние места и станы в луг против Коломенского». Судя по всему, в ходе этого визита царь посетил также наспех сколоченную в тылах обоза походную церковь, посвященную Сергию Радонежскому. Государь перенес туда из Благовещенского собора Кремля Богородичный образ, которому некогда молился перед походом на Казань его отец. Он был двусторонним: прежде всего лик Матери с Младенцем, держащим голубой свиток, – один из основных типов изображения Богородицы, обозначаемый как «Умиление» («Елеуса»). С обратной стороны иконы представлена сцена Успения Богоматери. Такие иконы удобно было размещать вне стен, чтобы их могли обозревать в движении: идущие в атаку вспоминали о смерти и победе во Христе.

Ранее эта икона находилась в Коломне, а в столицу попала после пожара 1547 года, когда многие храмы лишились убранства и их стали насыщать утварью и образами, свезенными из других городов. Сейчас искусствоведы уверенно датируют создание иконы концом XIV века, а авторство приписывают Феофану Греку. Успенский собор Коломны был заложен великим князем Дмитрием Ивановичем в 1379 году, буквально накануне Куликовской битвы, и освящен в 1382-м. Через Коломну шли полки, отправляясь на битву с татарами, и это не только запомнилось, но и было актуализировано при царе Иване Васильевиче, когда русские перешли в наступление на Восток. Великого пращура стали именовать Донским, как и коломенский храм. А прибывшую в Москву икону стали называть «Донской», то есть имеющей отношение к князю Дмитрию Ивановичу Донскому. В XVII веке родилась благочестивая легенда о том, что она была подарена казаками полководцу накануне сражения на Куликовом поле. При Федоре Иоанновиче было достаточно того, что славные предки молились перед ней о защите родины. И в 1591 году она, кажется, снова помогла.

1 июля Гази Гирей с ордой подошел к Туле, но не задержался здесь: сожгли посад и двинулись дальше. 2 июля враг преодолел Оку «пониже Серпухова под Тешиловым» и заночевал в Лопасне. 3 июля орда была на Пахре, а на следующий день подступила к Москве. Стычки татар с русским авангардом начались уже в 6 утра, а через два часа они вышли по Калужской и Серпуховской дорогам к линии основных войск, оградившихся «гуляй-городами». Спустя много лет голландец Исаак Масса передавал рассказы очевидцев, что неприятель двигался «подобно туче, с таким грохотом, что тряслась земля».

Хан не стал атаковать с ходу: расположился лагерем, а вперед на разведку боем отослал сыновей «со многими крымскими людьми травитися против Даниловского манастыря от Курганов и

от Воробьева». Это была прежде всего перестрелка. Татарские лучники осыпали русские позиции градом стрел: как писал Масса, «казалось, небо усеяно ими». Им отвечали наемники – «немцы» и «литва» – «огненным» и даже «копейным» боем. Но до рукопашной доходило редко. Русская пехота отступала, выдвигая вперед стрелков и прикрываясь «гуляй-городом». К полудню бои стихли. В поле остались разъезды. Татары отправились на отдых, готовясь к главному сражению, которое, надо полагать, планировалось на следующий день.

За происходящим из Кремля наблюдал царь Федор Иоаннович. Потом молился. Молился он, Борис Годунов, Федор Мстиславский, вся Москва, вся страна во главе с патриархом. И ночью случилось невероятное. Слышны были топот, выстрелы, шум, переполох. А потом восходящее солнце осветило опустевший лагерь интервентов – они бежали. Хан «с великим страхованием и ужасом» умчался «тою же сакмою [дорогой] назад к Серпухову». Татары уходили спешно и «в чрезвычайном беспорядке», «лошадей многих и всякую рухлядь метали и лошадей подсекали», так, что «между Москвою и городом Серпуховым, в 12 милях от него, повалили много мелкого леса и передавили несчетное множество своих лошадей и людей, так что вся дорога была усеяна человеческими трупами и лошадьми», – записал Масса. В тот же день (5 июля) Гази Гирей достиг Серпухова и, преодолев Оку, заночевал в 5 верстах от реки: загадочный ужас гнал армию крымчан так, что за 10 часов они – все тысячи – преодолели расстояние примерно в 90 километров, сметая редколесье и не считаясь с потерями. Никакая погоня за ними не поспела бы.

Татары бросали повозки, имущество («рухлядь»), лошадей и погибали сами. «И поиде со многим срамом из Руския земли», – заключил летописец. По сообщению посла Бибикова, который поджидал результатов предприятия в Бахчисарае, в Крым вернулось около трети выступившего оттуда воинства. Многие князья были изранены. Сам хан въехал в свою столицу ночью на телеге с перевязанной рукой. На одной из коротких стоянок на него успели напасть запорожские казаки, пограбили и покалечили.

СПЕЦОПЕРАЦИЯ ИЛИ СИЛА МОЛИТВЫ?

Ошарашенные происшедшим русские полководцы целый день пытались понять, что делать. Только 6 июля двинулись за беглецами. Долго допрашивали свидетелей и искали подвох. Родилось несколько версий происшедшего. Одну из них – о холопе, который потерял коня, – можно найти в Пискаревском летописце: «некий боярский человек еде лошадей поити и оторвался у него конь, и он ста вопити: «Переймите конь!» И от того стался страх в обозе и во всех городех на Москве, и стрельба многая отовсюду; и осветиша городы все от пушек». У историков к таким рассказам доверия немного. Сложно вообразить, что пушкари приняли за команду вопли какого-то пастуха и лошадиное ржание, которые к тому же породили страх у видавших виды кочевников. Попытки рационального объяснения случившегося привели к версии, что татары прознали о том, что русские решили вернуть войска, отправленные на шведов. Якобы скоро должны были подойти свежие силы из

Новгорода. Историк Александр Александрович Зимин даже предположил, что эту «дезу» подкинул степнякам специально засланный лазутчик. И бегство Гази Гирея от Москвы в таком случае предстает акцией спецслужб. Хотя для большинства современников никакой интриги здесь не было: просто молитвы были искренними, и Господь снизошел.

На месте, где стояла походная церковь Святого Сергия Радонежского и куда он принес икону Богоматери, царь Федор Иоаннович приказал построить большой храм и населить вокруг монахов, которые должны будут веками поминать случившееся чудо. Так возник Донской монастырь, который действует в Москве до сих пор и знаменует силу истинных чувств при защите родной страны. Что характерно: именно там сейчас оформился мемориал с захоронениями лидеров Белого движения – Антона Ивановича Деникина и Владимира Оскаровича Каппеля. А рядом – философ Иван Александрович Ильин.

Про Гази Гирея стоит добавить, что никакой 100-тысячной армии у него не было, хотя он сам об этом похвалялся. При такой численности он просто не мог бы так маневрировать и стремительно отступать. Историки полагают, что его войско немногим превышало 30 тысяч. Русская армия под Москвой была сопоставима по численности. В оборонительной позиции победить ее было крайне затруднительно. Хан переоценил свои возможности и мог действительно испугаться разгрома. Впрочем, это не оправдывает беспорядочного бегства.

Вернувшись в Бахчисарай, хан уже в августе 1591 года вызвал Бибикова и в беседе сетовал, что ходил, дескать, к Москве, но ему там были не рады. На это ошарашенный посол парировал, что ходил хан на Москву «через свое слово» и «у Москвы постоял немножко, а если бы постоял побольше, то государь наш умел бы [его] [по]потчевать». Хан стерпел дерзость, а в октябре отпустил Бибикова домой с предложением мира, который был утвержден в 1594-м после согласования с османским султаном. Вплоть до своей смерти в 1607 году Гази Гирей больше никогда не воевал с русскими.

Это фиаско на многие годы упредило крымские набеги. Больше никогда они не достигали Москвы. В самой Руси оно тоже имело важные последствия. Все участники были награждены – вплоть до каждого сына боярского, многие из которых были пожалованы шубами и деньгами. Особенно были отмечены полководцы. Главным героем стал Борис Годунов, который помимо административных успехов теперь мог поставить себе в зачет и военные достижения. Все сюжеты с заговором Нагих и смертью царевича Дмитрия были забыты. Царь Федор мог убедиться, что его придворный круг надежен и эффективен.

Кроме всего прочего, благодаря победе над Крымом в 1591 году возникла Украина – началось возведение крепостей по засечной черте много южнее прежних. В 1593 году появились Валуйки и Старый Оскол, в 1596-м были возведены крепости в Курске и Белгороде, а в 1599-м – построен Царёв-Борисов. Россия победила и наступала на Степь благодаря заступничеству Донской иконы Богоматери.

«ЛИЗЕТ ДАНИЛОВНА, ЛАПКУ ПРИЛОЖА...»

АВТОР
ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I В ПРИДВОРНЫХ СВОИХ, ДОСТАВШИХСЯ ЕМУ ОТ ЕГО МАТУШКИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ, РАЗУВЕРИЛСЯ ЕЩЕ В ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ. УТОМЛЯЛИ ЕГО И ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ ДВОРЦОВЫХ ИНТРИГ, И ПУСТЫЕ СПЛЕТНИ, ОТ КОТОРЫХ ГОСУДАРЬ СТАРАЛСЯ ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ. ПОДЛИННОЙ СТИХИЕЙ ЕГО БЫЛИ ВОЕННЫЕ ПАРАДЫ – МИР, ГДЕ ВСЕМ ПРАВИЛ УСТАВ И ВСЕ БЫЛО ПОДЧИНЕНО РЕГЛАМЕНТУ И СУБОРДИНАЦИИ. В ЛЮБУЮ ПОГОДУ ИМПЕРАТОР ВЫХОДИЛ НА ПЛАЦ, ОГЛЯДЫВАЯ ПРИШЕДШИХ ПОГЛАЗЕТЬ НА ЗРЕЛИЩЕ ЛЮДЕЙ И СТРОЙ СОЛДАТ, ПЕРЕД КОТОРЫМ НОСИЛИСЬ ГОЛОДНЫЕ БРОДЯЧИЕ СОБАКИ.

И.-Г. Таннауер. Петр I в Полтавской битве. 1724 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С ГОДАМИ У ПАВЛА ПЕтровича выработалось правило проведения парадов: народ и собак не разгонять. Пока войска выстраивались для смотра, Павел, орудуя тростью, пробирался сквозь толпу праздных обывателей: «Прошу отодвинуться немного назад», – приговаривал он. Затем стягивал с правой руки перчатку и извлекал из кармана краюшки хлеба – угощение для бездомных псов. Набегали они со всех сторон и, виляя хвостами, окружали монарха. «Ладно, ладно, – ласково приговаривал император, поглаживая собак. – На всех хватит»! А покормив, уговаривал: «Ступайте, ступайте». Псы удалялись, парад начинался.

До 42 лет проживал Павел Петрович в Гатчинском дворце. Склонности к охоте не питал, но собак привечал. Особой его слабостью были собачки невеликие и беспородные. Павел находил особое удовольствие в том, чтобы наблюдать, как они играют и носятся по лужайкам. Тогда-то и появилась у него любимая дворняга по прозвищу Шпиц. С царем пес был неразлучен: ходил с ним на парады и в театр, где наблюдал за спектаклем. В личных покоях государя Шпиц выбрал самое почетное место и возлежал на шлейфе платья императрицы Марии Федоровны. К ночи он перебирался в спальню царя и охранял его покой, лежа в ногах. В ночь на 12 марта 1801 года, когда заговорщики вошли в спальню императора, Шпица рядом с ним почему-то не было. Никогда прежде не покидавший Павла пес бесследно пропал и не смог предупредить несчастного хозяина об опасности…

КОРОЛЕВСКИЕ ЛЮБИМЦЫ

Привязанность людей к животным столь же стара, как сам род человеческий. Они всегда были рядом, появляясь при самых различных обстоятельствах: кто по случаю, кто в качестве подарка, кто по выбору тех, с кем им довелось прожить жизнь. Каждый человек по-своему привязан к собственному любимцу, но одно верно для всех: мы всегда отдаем кошкам, собакам, рыбкам или птицам частичку своего сердца. Сильные мира сего – не исключение. Монархи и их всесильные министры привыкли к тому, что их окружают расчетливые люди, ведущие циничную игру и добивающиеся благосклонности, скрывающие корысть и амбиции под масками преданности и любви. И как тогда, размышляя о подлинности чувств придворных лизоблюдов, не думать о тех, кто привязан и предан вам не по расчету, а искренне и бескорыстно? Домашние питомцы редко привлекают внимание историков, хотя именно в отношениях с ними вершители судеб человеческих раскрываются с самой неожиданной стороны.

Возьмем, к примеру, королевский французский двор, продемонстрировавший яркие примеры странных метаморфоз во взаимоотношениях монархов с домашними питомцами. Вот, например, самый изысканный и элегантный французский король, Генрих III Валуа. Под конец жизни он снискал репутацию клятвопреступника и антихриста, памфлеты изобличали его как «короля наисатанейшего», изображая с кошачьей мордой, рогами козла и ослиными ушами. Мог ли предвидеть столь плачевный финал красавчик-принц, с юношеских лет пестовавший маленьких болонок и получивший в наследство от казненной королевы Марии Стюарт всех ее комнатных собачек? В своих мемуарах герцог де Сюлли писал: государь явился на аудиенцию с мечом на боку, в плаще и в маленькой шапочке, на шее у него «на широкой ленте висела корзина, полная маленьких собачек; и он стоял так неподвижно, что, разговаривая с нами, не шевелил ни головой, ни ногами, ни руками». Тратя ежегодно на своих любимцев до 100 тысяч экю, Генрих более всего любил «маленьких девочек из города Смирна: Лили, Тити и Мими».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генрих III, последний король Франции из династии Валуа

Небезызвестный кардинал де Ришелье, которого современники описывали как человека деспотичного, властного и крайне опасного, последние годы жизни был прикован к постели. Он впал в мизантропию и не покидал свой дворец Пале-Кардиналь, просматривая кипы дипломатических депеш и беседуя со своими кошками. Их было более десяти. Белоснежная ангорская Мириам, черный Люцифер, очаровательная Сумиз, трехцветная Газетта... Кардинал пребывал в уверенности, что все его домашние питомцы наделены душой, беседовал с ними и составлял для каждого отдельное меню.

Кардинал де Ришелье был не единственным любителем кошек. Первенство среди фелинофилов, безусловно, принадлежит королю Людовику XV, прославившемуся фразой: «После нас хоть потоп». Этот представитель Бурбонов был завзятым кошатником, отдавая особое предпочтение белым и пушистым кошкам. Он, конечно, был наслышан о популярных среди простого народа поверьях о сатанинской природе представителей кошачьего племени. Сказки маленькому королю, разумеется, читали и историй подобных он наслушался в достатке. Но вряд ли король принимал всерьез россказни о кошачьих бесах, наподобие трехглавого Габорима или леопардоголового Флауроса. И уж наверняка не лечился от простуды с помощью «чудодейственных» народных средств наподобие крови из кошачьего уха, смешанной с красным вином.

Кошки окружали короля с малолетства. В дневнике одного придворного сохранилась запись от 1 июня 1722 года, где упоминалась королевская кошка

Мария Стюарт, королева Шотландии, а также королева Франции и претендентка на английский престол

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ш.-Э. Делор. Отдых кардинала де Ришелье. До 1885 года

Шарлотта, которая принесла королю четырех котят. Была у него еще дружелюбная милая ангорка, выбравшая местом для отдыха зал Королевского совета: она валялась там на оттоманке. Самым ответственным был кот Бриллиант. Каждое утро он шествовал в королевскую спальню, будил монарха и направлялся к своей мисочке с завтраком, временами оглядываясь и проверяя, следует ли за ним его величество. Кота, кстати, отличал интерес к государственным делам: частенько заглядывая на королевский совет, Бриллиант располагался на каминной полке и наблюдал за дебатами.

Был у короля еще белый ангорец внушительных размеров, дружелюбный и склонный поразмышлять на покое: он подремывал перед камином в зале Королевского совета на подушке из багряной камки. Покладистый нрав этого чревоугодника не давал покоя придворным, и однажды несчастный стал жертвой их нелепой шутки. Некий Шансенэ побился об заклад, что сможет заставить кота танцевать несколько минут кряду. Ударили по рукам. Под смех шутников Шансенэ извлек из кармана флакон с какой-то настойкой и, приласкав кота, смазал ему все лапы. Кот подскочил и, запрыгнув на стол, принялся выделывать всевозможные кульбиты. Все умирали со смеху, когда вошел король. Придворные враз умолкли. «Что вас так развеселило, господа?» – спросил монарх. «Ничего особенного, ваше величество, мы обсуждали одну историю», – ответил Шансенэ. Не успел он ответить, как несчастный кот исполнил очередной пируэт. Король, увидев это, побледнел и нахмурился: «Господа, что здесь происходит? Шансенэ, что с моим котом? Отвечайте!» Шансенэ, поколебавшись, во всем признался. Глаза короля загорелись от ярости: «Господа, я оставляю вас; но если вам угодно развлекаться, я не желаю, чтобы от этого страдал мой кот». С тех пор никто больше не заставлял кота плясать.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В. Холлар (?). Подлинный портрет кота великого князя Московии. Гравюра. 1663 год

ЦАРСКИЕ КОТЫ

Любовь к домашним питомцам не обошла стороной и правителей Московского царства. Известно первое изображение одного из них – любимого сибирского кота царя Алексея Михайловича. Оно сохранилось в коллекции печатных изданий по истории Франции антиквара Мишеля Эннена и находится ныне в Национальной библиотеке Франции. Предположительно автором гравюры являлся чешский рисовальщик и гравер Вацлав Холлар. Под изображением размещена надпись на французском языке: «Подлинный портрет кота великого князя Московии» и поставлена дата: «1663». Экземпляры гравюры хранятся также в коллекциях Государственного Эрмитажа, Российской национальной библиотеке и Дрезденской картинной галерее.

А.-Ф. Депорт. Собака, защищающая охотничьи трофеи от кота

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кот на гравюре выглядит строго: длинные усы топорщатся, взгляд суровый. Всем своим видом он будто бы предупреждает: никаких пустых ласк не допущу! По одной из гипотез, под видом этого кота автор рисунка, Фредерик Мушерон, возможно, иллюстрировавший книгу побывавшего в 1661–1662 годах в Московии барона фон Мейерберга, представил аллегорический портрет царя Алексея Михайловича. Судя по сохранившимся сведениям, русский царь не только любил соколиную охоту, но и жаловал представителей кошачьего племени. Однако если сходство Алексея Михайловича с котом, возможно, и выглядит несколько натянутым, то его сын, царь Петр I, со своими прямыми «кошачьми» усами и впрямь на кота смахивал.

Отношения Петра I с котами обросли легендами. Согласно одной из них, складывались они поначалу непросто. Вскоре после основания Петербурга проживавший при дворе царя Петра кот решил похвастаться своими охотничьими трофеями и принес на кухню пойманного мышонка, полагая, что здесь сумеют по достоинству оценить трофей. Однако глупый повар устроил коту трепку. Тогда, якобы в знак протеста, все коты ушли из города, который в итоге оказался во власти крыс и мышей. Пришлось объявить сбор котов по всей округе – солдат направили ловить котов. Петербург был спасен.

Надо полагать, в этой истории есть доля правды. Ведь одним из своих указов Петр I предписывал «иметь при амбарах котов, для охраны таковых и мышей и крыс устрашения». Они жили в подвалах и на чердаках, ходили на охоту и лишь по вечерам получали миску молока или подкормку из птичьего мяса. Традицию отца поддержала и императрица Елизавета Петровна, распорядившись завести в дворцовых апартаментах «охранников картинных галерей». По ее устному приказу 13 октября 1745 года было велено сыскать «в Казани

здешних пород кладеных самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей, прислать в С.-Петербург ко двору ея императорского величества с таким человеком, который бы мог за ними ходить и кормить, и отправить их, дав под них подводы и на них прогоны и на корм сколько надлежит немедленно».

Что же до отношений Петра с котами, то здесь, по-видимому, пересказчики легенд несколько сгустили краски. Своего любимца, кота Ваську, крысолова высшего разряда и заядлого путешественника, царь заприметил то ли во время поездки в Нидерланды, то ли нашел на корабельной верфи в Вологде. Кот прижился в новой столице, любил сидеть рядом с царем в кабинете и пользовался полной свободой – никто не смел сказать Ваське «брысь!», зная, что за любимца царь может попотчевать обидчика тростью. Впрочем, иногда Василию приходилось отвлекаться на государевы дела. В 1715 году разразился очередной скандал с коррупционными аферами Меншикова, и рассерженный царь решил покончить с произволом светлейшего князя: его собирались лишить чинов и имений и сослать на вечное поселение в Сибирь. Сидя за столом, Петр просматривал бумаги на подпись, а кот как раз проснулся и, сладко потянувшись, узрел в углу комнаты мышонка, запущенного в кабинет шутом Балакиревым. Василий ринулся за добычей, опрокинув чернильницу и залив чернилами документы. Петр, сочтя это за знак Провидения, отменил приговор. Меншиков был спасен.

Василий время от времени наведывался на Васильевский остров, почитая здешние земли за свои владения, грелся на набережной на солнышке, пока не встретил голландскую кошку Марту. Красавица разбила царскому любимцу сердце, он отбросил холостяцкие замашки и остепенился, обзаведясь крепкой петербургской семьей.

Царь Петр I, как и следует человеку широких взглядов, привычные нам сегодня споры «кошатников» и «собачников» не одобрял, искренне любя всякую живность. Равнодушный к охоте, Петр Алексеевич предпочитал собирать вокруг себя живых зверей, обзаводясь парками и зверинцами. И в Летнем саду, и в Стрельне, и в Петергофе строились зоосады, «птичьи палаты» с теплыми амбарами, голубятни и вольеры. Посетители могли гулять по аллеям, наслаждаясь пением канареек, жаворонков, попугаев и любуясь черными и белыми лебедями, плавающими на пруду. В одном из писем Екатерине Петр с гордостью сообщил, что послал ей «две пары голубей да лисицу: голуби гораздо хороши, а лисица зело смирна и игрелива...».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.Е. Маковский. Петр Великий в своей мастерской. 1870 год

ТИРАН, СТРАУСЫ И КАЗЕАРИУСЫ

Для Петра сад с прудами, водопадами, террасами, фонтанами и животными всегда оставался познавательным полигоном, микромоделью Земли, выстраиваемой в соответствии с научными технологиями времени. Любопытный ко всему новому, он готов был бросить все дела и мчаться сломя голову на другой конец Петербурга, чтобы лицезреть живую диковину. В одном из писем Петру I Александр Меншиков, например, сообщал, что «сюда привезен от князя Александра Черкасского зверок, которой зело чуден, и когда ево разсердят, то выпущает из себя перья и ими ранит». И можно не сомневаться, что дикобраз привел царя в восторг.

Рационалист во всем, Петр I и отношения с миром животных выстраивал по институциональным управленческим технологиям, вникал во все тонкости и детали, писал указы, систематизировал. Едва он в 1707 году узнал, что его собака Лента ощенилась, как тотчас сотворил план выучки щенков и написал адмиралу Федору Апраксину, чтобы тот немедля велел бы искать иностранцев, охотников до собак, дабы они стали дрессировать малышей «носить поноску, шапку снимать, под птицами в воду ходить, через палку скакать, чтоб умела есть просить и сидеть».

По указу царя со всей России в Петербург везли животных: из Астрахани доставляли зайцев, журавлей, казарок, гусей и уток, из-под Азова – лосей, оленей, коз,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Витрина Санкт-Петербургского Зоологического музея Российской академии наук

сайгаков, аистов, уток красных, из Воронежа – зубров. Интересовали царя и чужеземные животные: в Ост-Индии купцам поручалось закупать экзотических пернатых «струсов, казеариусов (казуар – большая нелетающая птица, вторая по величине после страуса. – **Прим. ред.**), и что носы большие имеют, какие у меня были, и прочих всяких птиц и зверьков». В списке надлежащих к покупке товаров в 1717 году в Лондоне, данном графу Александру Апраксину, английские собаки стояли в одном ряду с пушками, обоями, мебелью, карандашами, кроватями, сюртуками, записными книжками и каминными заслонами. Закупкой собачек для царицы в Венеции занимался дипломат Савва Рагузинский.

Некоторые из этих приобретений сохранились в летописях Петровской эпохи. Известно, например, что, когда в 1697 году царь в составе Великого посольства прибыл в Нидерланды, он приобрел мартышку и повсюду носил ее на плече. Обезьянка клеток не признавала, а потому проживала в комнатах царя и скакала где вздумается. Такие вольности едва не привели к дипломатическому скандалу. Приехав 11 января 1698 года в Лондон и поселившись на Норфолкской улице, Петр был застигнут врасплох неожиданным визитом: 12 января к нему инкогнито явился король Англии Вильгельм III, застав царя едва ли не в нижнем белье. Пока монархи садились за стол, мартышка, раздосадованная тем, что ей не уделяют внимания, с победным кличем кинулась на короля и вцепилась в его роскошный парик. Вильгельм испугался не на шутку. Визит, разумеется, был сорван, так что обсуждение вопросов высокой политики пришлось перенести. Покидая Европу, царь увез обезьянку в Россию, и она еще несколько лет проживала в царских дворцах.

Как звали обезьянку, неизвестно. Зато сохранилось имя грозного фландрского булленбейсера, которого царь признавал за самого «верного своего друга». Волкодава устрашающих размеров звали

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С. Хлебовский. Ассамблея при Петре I. 1858 год

Тираном. Как верный телохранитель, он повсюду ходил за государем. Правда, несколько опасался громкой стрельбы и имел обыкновение незаметно исчезать, как только замечал, что его хозяин преисполнен желания палить из пушек. Но Тиран был искренне предан государю и обладал удивительной способностью запоминать в лицо вельмож. Потому его часто использовали для доставки писем и депеш: тяжелой поступью грозный пес входил в залу, всматривался в лица собравшихся, а затем направлялся с бумагой к нужному человеку. После смерти тело Тирана забальзамировали и поместили в экспозицию Кунсткамеры. Сейчас его чучело экспонируется в Зоологическом музее Санкт-Петербурга.

В феврале 1705 года Петр, прибыв в Воронеж, узнал, что Меншиков присмотрел ему в Полоцке еще одного булленбейсера, «щеночка», «дивного собой», еще, правда, глуповатого, но очень боевого, который никакой стрельбы не боится и «на того, который стреляет, бросается». Признательный Петр написал Александру Даниловичу: «За присылку собаки благодарствую, за что взаимно посылаю нечто вам своих трудов».

Ловкий царедворец, светлейший князь Меншиков знал все слабости царя. В начале марта 1705 года, находясь в Полоцке, он также презентовал монарху веселого маленького рыжего терьера «англинской породы». Собачка сразу привязалась к царю и, едва заслышав его голос, бежала к Петру, виляя хвостом. Сердце грозного монарха растаяло. Петр дал малышке имя Лизет, именуя ее по случаю Лизеткой или, если речь шла о церемониальных делах, Лизет Даниловной. Это имя нередко встречается в переписке Петра со светлейшим князем: от имени Лизет Даниловны царь передавал Меншикову поклоны и посылал шутливые поздравления. Подписывал он их так: «Лизет Даниловна, лапку приложа, челом бьет». Когда царь засыпал, Лизет Даниловна тихонько пристраивалась рядышком, чутко охраняя покой хозяина, и бросалась на каждого, кто подходил слишком близко.

ЗАГАДКА ЛИЗЕТ

Такая привязанность к домашним питомцам для России была еще в новинку. Свидетельством тому стала история, случившаяся с попом Кочетковской слободы Козельского уезда. В январе 1708 года он, прибыв в Москву, видел, как царь выезжал из дворца князя Меншикова: «Зело чуден и непонятен: ростом якобы мало помене сажени, лицом мужествен и грозен, в движениях и походке быстр, аки пардус, и всем образом, аки иноземец, одеяние немецкое, на голове шапочка малая солдатская, кафтан куцый, ноги в чулках и башмаки с пряжками железными». А дальше разы-

гралась сцена, повергшая попа в изумление: со двора за каретой выскочила «собачка невелика, собой поджарая, шерсти рыжей, с зеленым бархатным ошейничком и с превеликим визгом начала в колымагу к царю проситься… И великий царь, увидя то, велел колымагу остановить, взял ту собачку на руки и поцеловал ее в лоб, начал ласкать, говоря с ней ласково и поехал дальше, а собачка на коленях у него сидела». Поп рассказал обо всем своим домочадцам и прихожанам, после чего пошли разговоры о том, что царь, дескать, и есть подлинный антихрист, коли собаку целовал. В общем, кончилось для попа все плохо: завели дело, направили его в Преображенскую канцелярию, и как несчастный ни доказывал, что злого умысла не имел, а все говорил «с сущей простоты», был он наказан плетьми и отослан домой.

Андрей Нартов, сын любимого токаря Петра Великого, в своих воспоминаниях также упоминал Лизет и даже пересказал содержание услышанного его батюшкой разговора царя с собачкой: «Государь, возвратясь из Сената, видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее и притом говорил: «Когда б послушны были в добре так упрямцы, как послушна мне Лизета, тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побой. Знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое невежество».

Шею благородной Лизет Даниловны украшал красивый темно-зеленый бархатный ошейник, к которому был прикреплен вызолоченный обруч. Цвет ошейника, разумеется, был выбран не случайно: он соответствовал темно-зеленой форме мундира старейшего петровского гвардейского Преображенского полка, полковником которого с 3 августа 1706 года был сам государь. Ошейник и обруч сохранились, их показывают в залах Зимнего дворца Петра I, где Лизет Даниловна и проживала на правах хозяйки.

Подобно коту Василию, Лизетка также могла повлиять на государственные дела. В рассказах Якоба Штелина приведена такая драматическая история. Один из вельмож (уж не сам ли Меншиков?) был обвинен в серьезном преступлении и брошен в крепость – ему грозило бичевание и лишение прав. Все просьбы о помиловании царь счел неуместными, и тогда царица Екатерина Алексеевна решила прибегнуть к хитрости. Она приказала написать от имени Лизет Даниловны челобитную, в которой собачка будто бы «представляла государю свою бескорыстную верность» и доказывала невиновность осужденного, требуя пересмотреть дело. Бумагу засунули собаке за ошейник. Вернувшись во дворец, император начал гладить подбежавшую к нему Лизетку, увидел свернутое трубочкой послание, вынул его, прочитал и расхохотался: «И ты, Лизет, ко мне с челобитными подбегаешь? Я исполню твою просьбу, потому что она от тебя еще первая». После этой истории он якобы заказал серебряную печатку в виде собачьего носа, оттиск которой ставил на документах о помиловании.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Любимая лошадь Петра Великого Лизетта

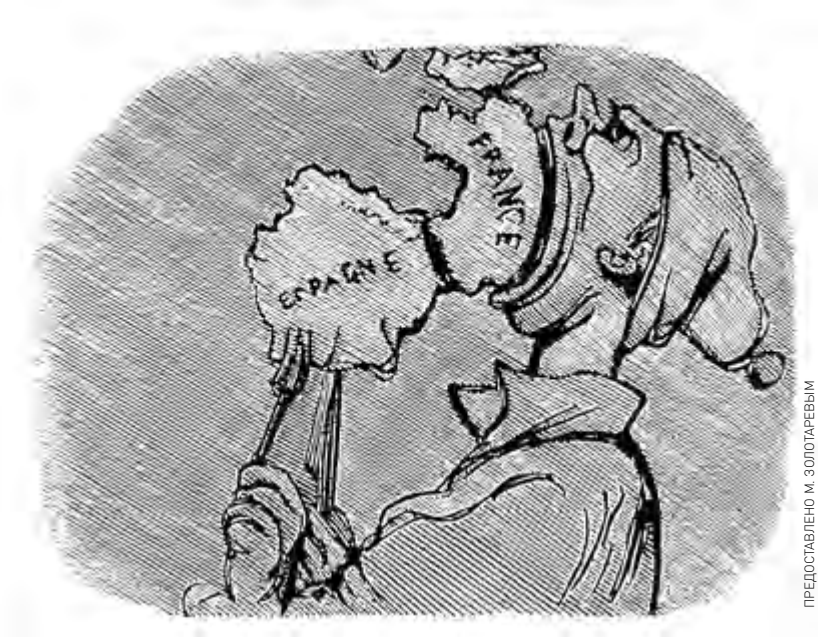
Умерла Лизет в 1721 году. Царь тяжело переживал ее смерть, не находил себе места, приказал в память о верной собаке изготовить ее чучело, а на обруче ошейника сделал позолоченную надпись «За верность не умираю». Память о Лизет сохранилась и на русском флоте. В честь Лизет монарх назвал «новозачатой карабль Лизет» – изящную и быстроходную 16-пушечную трехмачтовую шняву. Она была заложена 30 ноября 1707 года – в день памяти покровителя русского флота святого апостола Андрея Первозванного – на петербургской верфи по проекту корабельного мастера Федосея Скляева и самого государя. Судно спустили на воду 14 июня 1708 года и, как явствует из письма Петра Меншикову, «сошла зело изрядно; ныне будем оную искушать на море. При пуске оной гораздо веселились». Название нового корабля было впервые упомянуто Скляевым в письме Петру от 14 октября 1705 года, в котором корабельный мастер писал: «Не изволишь ли приказать на 2-х палубный корабль шпангоуты там выписывать, так мочно зимой на немногих подводах перевесть, а на «Лизетку» как-нибудь здесь наберем».

16-пушечная шнява «Лизет»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Казалось бы, сомневаться не приходится: любимая шнява Петра была названа в честь терьера Лизет. Ведь собачка появилась у царя в марте 1705-го, и осенью того же года у судна уже было это название. Кроме того, на кормовой части корабля было помещено изображение самой Лизет. Однако есть два «но»: на воронежской верфи в конце XVII века уже было судно с таким названием, а в августе 1705 года у Петра появилась еще одна Лизет…

Окончание следует.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Г. Доре. Петр I, видящий сон о том, как он пожирает Европу. Карикатура из книги-альбома «История Святой Руси». 1854 год

ИСТОРИЯ ОДНОГО ФЕЙКА

АВТОР
НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ИЗВЕСТНО НЕМАЛО ФАЛЬСИФИКАЦИЙ, ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ. ФАЛЬШИВОК, КОТОРЫМ БЫЛА УГОТОВАНА ДОЛГАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА И КОТОРЫЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ВОСПРИНИМАЛИСЬ КАК ДОСТОВЕРНЫЕ ДОКУМЕНТЫ. ЧАЩЕ ВСЕГО ИХ БЫЛО ВЫГОДНО СЧИТАТЬ ТАКОВЫМИ, ДАЖЕ ЕСЛИ В ИХ ПОДЛИННОСТИ ИЗНАЧАЛЬНО СОМНЕВАЛИСЬ. ВЕДЬ ЕСЛИ ФАЛЬШИВКА ИЗОБРЕТЕНА, ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-НИБУДЬ НУЖНО.

«Константинов дар» и «Протоколы сионских мудрецов» – это, пожалуй, самые известные примеры. Но есть в мировой истории еще один фальшивый документ, сыгравший важнейшую роль в формировании негативного имиджа нашей страны. И имя ему – «Завещание Петра Великого».

МИФ О РУССКОМ ЭКСПАНСИОНИЗМЕ

В основе так называемого «Завещания Петра Великого» лежит один из важнейших антирусских мифов – миф о русском экспансионизме и стремлении подчинить себе весь мир. Формироваться этот миф начал гораздо раньше – еще во времена «открытия» далекой Московии иностранными путешественниками на рубеже XV–XVI веков и особенно в годы Ливонской войны. Именно она вызвала у европейских монархов опасения по поводу возможной русской экспансии. Они задавались вопросом: не окажется ли со временем русская угроза даже сильней турецкой? Русские в глазах ряда европейских политиков выглядели варварами, стремящимися уничтожить западную цивилизацию.

Эти страхи усилились с началом петровских преобразований, особенно после победы России в Северной войне. Если допетровская Россия воспринималась европейцами как тиранническая страна и варварское захолустье, то с победой под Полтавой все изменилось. Когда Петр I прорубил «окно в Европу» (кстати, эта метафора восходит к письму, написанному другом Вольтера графом Франческо Альгаротти лорду Гервею в 1739 году. Пушкин популяризировал ее в «Медном всаднике», прямо указав на Альгаротти как на источник. – **Прим. авт.**), европейцы во второй раз «открыли» для себя Россию. Европа увидела неожиданно мощную Россию, стремительно выходившую на европейский уровень. И это не только вызвало изумление, но и посеяло в душах европейских политиков страх перед русской угрозой.

Французских просветителей с полным правом можно считать пионерами в области россики. Именно они заложили в Европе не прекращающуюся по сей день дискуссию о роли и месте России в мире, о системе ее государственной власти, о ее способности или неспособности приобщиться к европейским ценностям. Именно в XVIII столетии в среде французских просветителей обозначились два взгляда на Россию, которые

Шарль Луи де Монтескьё, французский мыслитель, философ эпохи Просвещения

условно можно обозначить как русофобский и русофильский. Соответственно Запад создавал для себя и два мифа, два образа России, причем России воображаемой. Вольтер, ранний Дидро и их последователи стояли у истоков так называемого «русского миража» – идеализированного представления о России и ее просвещенных правителях. Эти мыслители восхищались деятельностью Петра I и Екатерины II и приветствовали возвращение России в семью европейских народов после нескольких столетий вынужденного отчуждения от нее. Кстати, щедрые пансионы императрицы Екатерины являлись приятным подспорьем в этой работе.

Однако преобладающая часть интеллектуальной элиты Франции с середины XVIII века прочно усвоила высокомерно-враждебный взгляд на Россию, сформированный Шарлем Луи де Монтескьё и Жан-Жаком Руссо. Это взгляд через «оптику превосходства» как на варварскую страну, не имеющую ничего общего с европейской цивилизацией и стремящуюся к мировому господству. «Российская империя пожелает покорить Европу – и сама будет покорена, – писал Руссо. – Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими, повелителями...».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жан-Жак Руссо, франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения

ФАЛЬШИВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Страхи перед Россией усилились в конце XVIII столетия, выдавшегося в Европе очень напряженным. Просветители во многом подготовили французское общество к революции. А революция принесла войны – сначала революционные, а потом и наполеоновские. И именно в это время появляется «документ», ставший основой фальшивого «Завещания Петра Великого». «Завещание» можно рассматривать как апогей страхов перед Россией, причем, говоря словами американского исследователя Ларри Вульфа, «страхов фантазии» – то есть воображаемых страхов перед так называемой русской угрозой и русским экспансионизмом.

Эта фальсификация обросла легендами. И даже после ее разоблачения продолжала жить и служить подтверждением якобы неизменного стремления России к мировому господству. Удивительно, насколько живучим оказался небольшой «документ», состоящий из 14 пунктов, которому было суждено стать знаменем антирусской пропаганды. О нем написано много работ, исследователи долго спорили о том, кто был автором мистификации.

Начнем с того, что император Петр I никакого завещания не оставил, а фальшивые завещания в XVIII веке были весьма распространенным явлением. Но кто же был автором этого «документа»?

В 1958 году американский историк Раймонд Макнелли, а в 1967 году французская исследовательница Симона Блан пришли к выводу, что автором первоначального текста «документа» был польский генерал Михал Сокольницкий, в 1792 году принимавший участие в кампании против русских войск в ходе Русско-польской войны. После подавления восстания Тадеуша Костюшко он был отправлен в Россию и занимался там научными изысканиями. На родину он был отпущен после смерти императрицы Екатерины. А в 1797-м Сокольницкий уехал в Париж и поступил на службу во французскую армию. Никаких симпатий к России он не испытывал, более того, Россия была для него главным врагом его родины. В том же году Сокольницкий написал документ под названием «Общий обзор России» и предложил его правительству Директории. Это был страстный призыв поляка к Франции, забывшей о своей традиционной политике союзницы и защитницы Польши и не ведающей, что не только Польше, но и всей Европе угрожает опасность в лице России. В конце этого текста содержался «план увеличения России», разработанный Петром и добытый,

Михал Сокольницкий (1760–1816), польский генерал

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

по словам автора, в русских архивах, захваченных в 1794 году в Варшаве. Правительством Директории этот «документ» тогда был проигнорирован, поскольку внешнеполитические задачи были иными.

Однако спустя много лет об этом «документе» вспомнил мастер политической пропаганды Наполеон Бонапарт, ставший в 1799 году первым консулом, а в 1804-м – императором. Он стремился к мировому господству – не мифическому, а вполне реальному – и готовился к войне с Россией. В 1811 году генерал Сокольницкий был вызван в Париж, где принял активное участие в секретных приготовлениях к войне. Именно Наполеон, просмотрев и отредактировав текст Сокольницкого, приказал включить его в книгу историка и сотрудника Министерства иностранных дел Шарля-Луи Лезюра «О нарастании русской мощи от ее истоков до начала XIX века». Книга должна была выйти накануне Русской кампании, а «Завещание» было призвано обосновать необходимость отправиться в военный поход в далекую Россию. Несмотря на то, что реальная цель Наполеона заключалась в том, чтобы «проучить» императора Александра I, заставить его присоединиться к «континентальной блокаде» и совместно действовать против Великобритании, пропаганда должна была убедить солдат, что они отправляются в Россию сражаться против варваров, дабы предупредить русскую экспансию. Однако работа была опубликована только в октябре 1812 года, когда ситуация для Наполеона была уже совершенно иной.

В конце главы, посвященной императору Петру Великому, на двух страницах приведено резюме «плана Петра I», лишь незначительной редакторской правкой и очень небольшими изменениями отличающееся от текста генерала Сокольницкого. Это не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами один и тот же «документ».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шарль-Луи Лезюр (1770–1849), французский историк, публицист, писатель и драматург

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Книга Ш.-Л. Лезюра «О нарастании русской мощи от ее истоков до начала XIX века» (1812). Титульный лист

«КОЧЕВОЙ И СВИРЕПЫЙ НАРОД»

По словам Лезюра, «преждевременная смерть Петра, может быть, спасла континент от большой катастрофы; но его проекты не сошли в могилу вместе с ним». Он сообщает читателю, что в Петербурге в личных архивах русских императоров хранятся секретные записки, написанные рукой Петра I, в которых он изложил потомкам свой план. Согласно ему, Петр I советовал своим преемникам неуклонно преследовать в своей внутренней и внешней политике ряд задач, направленных на достижение заветной цели – мирового господства России.

«Документ» можно разделить на две части. Первые 12 пунктов являются весьма сухим изложением принципов действий России, а также последовательных и конкретных внешнеполитических шагов, направленных на подготовку к установлению мирового господства. В соответствии с намеченной программой Россия должна: приглашать из Европы «различных людей, особенно ученых», для использования западного опыта и укрепления своего потенциала; «поддерживать государство в системе непрерывной войны, для того, чтобы закалить солдата в бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности к выступлению по первому знаку»; «всевозможными средствами расширять свои пределы к северу, вдоль Балтийского моря, и к югу, вдоль Черного моря»; «поддерживать в Англии, Дании и Бранденбурге недоброжелательство к Швеции» с целью ее окончательного покорения; «заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы; под этим предлогом содержать постоянную армию и основывать по берегам Черного моря верфи и, постоянно подвигаясь вперед, достичь Константинополя»; «поддерживать анархию в Польше, влиять на ее сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждом удобном случае и, наконец, покорить»; «заключить тесный союз с Англией и поддерживать с нею прямые отношения посредством хорошего торгового договора» с целью «благоприятствовать усовершенствованию и увеличению русского флота, при помощи которого тотчас же надлежит добиться господства над Балтийским и Черным морями»; овладеть торговлей с Индией; «углубиться до Персидского залива и озаботиться восстановлением прежней левантской торговли через Сирию»; «вмешиваться, невзирая ни на что, силою или хитростью, в распри Европы и особенно Германии»; «заискивать и поддерживать союз с Австрией, убаюкивать ее любимой ее мыслью о преобладании <…> с целью постепенного ее ослабления, временами даже помогать ей, а между тем втайне создавать ей врагов в Европе и особенно в Германии»; «в супруги русским монархам избирать германских принцесс и путем родственных отношений и выгод умножать союзы для увеличения русского влияния в этой империи»; «пользоваться религиозным влиянием на греко-восточных отщепенцев или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южных частях Польши, привлекать их к себе всевозможными прельщениями, навязываться в

их покровители и добиваться над ними духовного главенства», подчинив в итоге Турцию и Польшу.

Последние пункты, 13-й и 14-й, посвящены непосредственно планам европейского господства России и являются откровенной русофобской фантазией, никак не связанной с объективной реальностью, но отражающей уже ставшие традиционными европейские страхи перед русским «варваром у ворот»: «необходимо втайне приготовить все средства для нанесения сильного удара, действовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европе времени прийти в себя». Сначала сделать предложение версальскому двору, потом венскому «относительно раздела между собой власти над всем миром». «Этот проект увлечет их и вызовет между ними войну насмерть, которая вскоре сделается всеобщей». И вот тогда «среди этого всеобщего ожесточения к России будут обращаться за помощью то та, то другая из воюющих держав», а Россия тем временем выдвинет свои войска на Рейн, вслед за которыми вышлет туда свои несметные азиатские орды. «И лишь только последние углубятся в Германию, как из Азовского моря и Архангельского порта выйдут с такими же ордами два значительных флота под конвоем двух вооруженных флотов – Черноморского и Балтийского. Они внезапно появятся в Средиземном море и океане для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов, которые наводнят Италию, Испанию и Францию; одну часть их жителей истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность свержения ига. Все эти диверсии дадут тогда полный простор регулярной армии действовать со всей силой, с полной уверенностью в победе и в покорении остальной Европы».

Понятно, что Петр Великий никак не мог мыслить категориями «несметных азиатских орд», «кочевых, свирепых и жадных до добычи народов», «греко-восточных отщепенцев или схизматиков», равно как не мог писать о «пустынях Сибири», не говоря уже о допущенных в тексте фактических ошибках. В целом «Завещание» отражает внешнеполитические реалии конца XVIII века, но не Петровской эпохи. И прежде всего в этом «документе» прослеживаются политические интересы Польши и Франции. Однако поскольку содержание «документа» было созвучно традиционному взгляду на Россию и ее внешнюю политику, да еще в условиях войны, на такие «мелочи» не обращали внимания. В результате, мешая правду с вымыслом, Лезюр завершал формирование стереотипа «русской опасности», соединявшегося в сознании европейцев с мифом о «русском варварстве».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Страж европейских порядков. Французская карикатура на казаков (La Caricature, 1830)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Турция в опасности. Английская карикатура на российские планы по завоеванию Константинополя. 1853 год

МНОЖЕСТВО ЖИЗНЕЙ ФАЛЬШИВОГО «ЗАВЕЩАНИЯ»

Какое-то время книга Лезюра и содержавшийся в ней «план Петра I» оставались достоянием весьма узкого круга лиц. Во всяком случае, ничего не известно о первых откликах на публикацию этой работы. Но позже этот «документ» оказался очень востребованным.

Почему эта фальшивка понадобилась в 1830-е годы? По окончании Наполеоновских войн и триумфального вступления русских войск в Париж Россия превратилась в ведущую силу на континенте. Однако ее могущество начало вызывать страхи у других участниц «европейского концерта». Одно дело совместная борьба против общего врага в лице Наполеона Бонапарта, когда русская военная мощь была необходима, другое – активное участие России в делах Европы в рамках Венской системы международных отношений, закрепленной на одноименном конгрессе. Дальнейшие успехи России европейские пропагандисты начинают интерпретировать в духе «русской угрозы» и «врага у ворот», нагнетая страхи о том, что Россия, начав укреплять свои позиции на Востоке, обратит свой завоевательный пыл на Европу. Конечно, надо понимать, что, как и прежде, это были «страхи фантазии», поскольку Россия вовсе не собиралась завоевывать Европу, но ее активная внешняя политика преподносилась именно таким образом. Адрианопольский договор по итогам Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и особенно Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, заключенный между Россией и Османской империей, – все это укрепляло позиции России на Востоке и в Зоне проливов и не могло не вызывать раздражения у «коллег» по пентархии, то есть пятерке европейских лидеров.

Июльская революция 1830 года во Франции и приход к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского вызвали у императора Николая I, убежденного защитника

принципов легитимизма, на котором была основана Венская система, взрыв подлинного негодования. В эмоциональном порыве государь был готов отправить во Францию войска для восстановления на французском престоле «легитимного» короля Карла X. Точно так же он был готов оказать вооруженную помощь королю Нидерландов после происшедшей в августе 1830 года революции в Брюсселе и отделения Бельгии от Голландии. В итоге Николай I признал новый французский режим, и российские войска в Европу не были отправлены, однако в глазах европейских либералов российский государь стал восприниматься как новый Аттила, а русские – как гунны, готовые заполонить Европу. Французы же полагали, что от русской интервенции их спасло восстание в Польше, поглотившее силы России на целый год. Действительно, подавление Россией восстания 1830–1831 годов в Польше (а как иначе российские власти могли отнестись к мятежу на территории империи? – **Прим. авт.**) произвело крайне неблагоприятный эффект на общественное мнение Европы. Россию стали воспринимать как душительницу свободы, а поляков – как мучеников и борцов с русской тиранией. О том, что император Александр I в 1814 году даровал царству Польскому конституцию и предоставил широкую автономию в составе Российской империи, в Европе думать было не принято. В результате поляки стали любимцами «прогрессивной европейской общественности». Обратной стороной европейской любви к полякам стала ненависть к России.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай I оказывает военную помощь австрийскому императору Францу-Иосифу во время революции 1848–1849 годов. Карикатура

ВАРИАЦИИ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Неслучайно в 1830-е годы появляется целый ряд новых версий «Завещания Петра Великого». Упомянем лишь самые важные. В 1836 году увидели свет так называемые «Мемуары кавалера д'Эона», изданные Фредериком Гайарде, популярным тогда писателем, конкурентом и соавтором Александра Дюма. Почему «так называемые»? Потому что Гайарде, по сути, составил очередную мистификацию, соединив реальные записи одного из знаменитых авантюристов века Просвещения, французского дипломата кавалера д'Эона, с вымыслом. Якобы кавалер д'Эон во время пребывания в дипломатической миссии в Петербурге в 1756–1760 годах переодевался в женское платье и фигурировал под именем девицы Лии де Бомон – эту легенду выдумал сам д'Эон, а Гайарде дополнил и разнообразил его фантазию вымышленными подробностями. Под видом девицы д'Эон будто бы раздобыл в секретных архивах Санкт-Петербурга текст «Завещания» Петра. Эта книга стала очень популярной и в 1866 году – после Польского восстания 1863–1864 годов и нового всплеска антироссийских настроений в Европе – была переиздана. Правда, Гайарде убрал из этого издания сочиненные им от лица д'Эона рассказы о якобы романтических похождениях шевалье.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж.-Ж. Гранвиль и Э. Форе. Порядок правит в Варшаве. Французская карикатура по поводу террора в Варшаве, устроенного российскими властями после подавления Польского восстания (Le Charivari, 1832)

В 1839 году текст фальшивого «Завещания» был опубликован в книге польского историка, активного участника Польского восстания 1830–1831 годов Леонарда Ходзько «Историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная Польша». Именно Ходзько впервые связал планы «Завещания» с реальной внешнеполитической деятельностью Петра I. Книга стала очень востребованной и только за 1839–1847 годы выдержала шесть изданий, сыграв решающую роль в популяризации в европейских странах идеи о завоевательных намерениях русских государей. Под названием «Завещание Петра Великого» текст многократно использовался в антирусских политических целях и регулярно переиздавался на английском и французском языках, а штампы и стереотипы об «азиатских ордах» и «пустынях Сибири» воспроизводились с завидной регулярностью.

Начиная с этого времени ни один серьезный кризис между Россией и Западом не обходился без текста «Завещания», использовавшегося как серьезный аргумент в дискуссиях против российского «экспансионизма». Его поднимали на щит в ходе участия России в подавлении революции в Венгрии в 1849 году, активно использовали в годы Крымской войны. В частности, император Наполеон III приказал вывесить текст «Завещания» на общественных зданиях в Париже и по всей Франции.

Известный французский художник и график Гюстав Доре в 1854 году опубликовал книгу «Чрезвычайно образная, увлекатель-

ная и причудливая история Святой Руси». Эта сатирическая, даже язвительная иллюстрированная история России – своеобразный прообраз современных комиксов. И в этой книге Доре, обыгрывая тему «Завещания», сообщает о том, что Петр Великий оставил своим потомкам в наследство самое дорогое, что у него было, а именно «могучий свой аппетит», и заявил перед смертью: «Вам, думаю, известно, что Европа – это всего лишь провинция России. Управляется же она несколькими сомнительными господами, вообразившими себя, с позволения сказать, монархами. Вам надлежит сорвать с нее печать, притом без всяких формальностей, и входящие в нее страны принять в состав нашей великой державы». И вывод Петра таков: «Губите Европу, бог с ней, но не Россию!»

Интересно, что при анализе деятельности Петра I Доре ссылается на «высокоуважаемого Франсуа Рабле, лучшего из знатоков российской истории, в особенности того периода, когда страной управлял Петр Первый». Он иронично подчеркивает, что «неважно, что родился мэтр Франсуа почти на двести лет раньше русского властителя, ибо гению дано быть пророком». Тем более что Рабле действительно ставил в один ряд «московитов, индейцев, персов и троглодитов». Ирония иронией, но Доре – вероятно, не желая того – озвучил очень важный тезис: у Запада была и есть своя Россия, вовсе на нашу страну непохожая. Образ этой России является не результатом ее тщательного и вдумчивого изучения, а лишь продуктом европейской фантазии, «конструктом воображаемого». И в этом «творческом» деле можно хоть всю историю России, вплоть до настоящего времени, изучать, ссылаясь на «мэтра Франсуа».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сей забалканский граф уж слишком здесь шустрит, он будет – под «Ура!» – намылен и побрит. Немецкая карикатура в связи с Польским восстанием в России

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Даже после того, как в 1879 году было доказано, что «Завещание Петра Великого» является фальсификацией, на этот «документ» продолжали ссылаться в пропагандистских целях. Ведь в пропаганде важна не истина, а формирование нужного мнения. Поэтому этот «документ» активно использовался в годы Первой мировой войны. Потом этот текст был переиздан в нацистской Германии.

Фальшивое «Завещание» оказалось очень востребовано сразу после окончания Второй мировой войны и с началом холодной войны. Например, в 1945 году о нем вспомнил президент США Гарри Трумэн в беседах с американским дипломатом, автором «доктрины сдерживания» (а впоследствии и автором книги о маркизе де Кюстине) Джорджем Кеннаном.

Сторонники фальшивого «Завещания Петра Великого» оказали непосредственное влияние на Уинстона Черчилля, произнесшего в 1946 году знаменитую Фултонскую речь о железном занавесе. Эта же мистификация была востребована в Соединенных Штатах в эпоху разгула маккартизма.

Как видим, этому «документу» была уготована долгая историческая жизнь, поскольку он оказался универсальным средством в антироссийской пропаганде. Как только отношения между Россией и Западом обостряются, как только Россия начинает усиливать свои позиции или активно заявлять о защите своих национальных интересов, так сразу раздаются крики о «варваре у ворот», «русской экспансии» и «русской угрозе». В феврале-марте 2022 года европейские обыватели всерьез ожидали прихода «русских варваров» и «азиатских орд», готовых в который уже раз завоевать Европу, поработить ее жителей и угнать их в «пустыни Сибири».

Конечно, пройдет какое-то время и о фальшивом «Завещании Петра Великого» европейцы позабудут, но лишь для того, чтобы в нужный момент достать его из закромов исторической памяти в очередной раз. И снова поскачут жадные до добычи «орды» по пылающим страницам русофобской пропаганды.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Уинстон Черчилль произносит Фултонскую речь. 5 марта 1946 года

ЛИЧНОЕ НА ФОНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

АВТОР
НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

ГОРЖУСЬ, ЧТО Я ОБЛАДАТЕЛЬ УНИКАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ – ДНЕВНИКОВ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ПРИШВИНА. НА ПОЛКЕ СТОИТ 19 ТОМОВ – ОТ ПЕРВОГО, ЗА 1905 ГОД, И ДО ПОСЛЕДНЕГО, ЗА 1954 ГОД. ПРИМЕРОВ ТАКОГО ПОДРОБНОГО ЛИЧНОГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ У НАС В РОССИИ НЕТ И ВРЯД ЛИ БУДЕТ. В МИРЕ ЕСТЬ ПОДОБНЫЕ ВАРИАНТЫ, ЗНАЮ О ДНЕВНИКАХ БРАТЬЕВ ГОНКУР, КОТОРЫЕ ИЗДАНЫ В 22 ТОМАХ...

РИА НОВОСТИ

КАК ПИСАТЕЛЬ ПРИШВИН забыт. А в советские времена был знаменит. Издавался тогда много, в основном это были детские книги. Писал о природе, об охоте – он сам был страстным охотником. Помню тоненькие книжечки, которые читал в детстве, и небольшую повесть «Кладовая солнца». Его маленькие рассказики обязательно входили в «Родную речь» – был такой учебник в советское время. А сейчас смотрел в книжных магазинах – нет книг Пришвина. Не издают. Но Пришвин останется в истории не как писатель, а как автор гигантской дневниковой эпопеи, в которой отражена история России и Советского Союза первой половины XX века.

ВОСТОРГ ОТ ПОДШТАННИКОВ

Первая запись за 1905 год: «Что было бы, если бы я сошелся с этой женщиной? Непременное несчастье разрыва, ряд глупостей…» Последнюю запись Михаил Михайлович сделал 15 января 1954 года: «Деньки, вчера и сегодня (на солнце – 15), играют чудесно, те самые деньки хорошие, когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым». На следующий день писатель умер.

В течение полувека писатель почти ежедневно заносил в тетрадки записи о том, что видел, слышал, чувствовал, с кем встречался и разговаривал, о чем размышлял, чем восторгался и что презирал… Сам так сформулировал, почему этим занимается: «Надо писать дневник так, чтобы личное являлось на

ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ/РИА НОВОСТИ

В 1946 году Пришвин купил в поселке Дунино возле Звенигорода дом. Он признавался: «Впервые мне удалось сделать себе дом, как вещь»

фоне великого исторического события, в этом и есть интерес мемуаров». У него это получилось: много личного, земного, человеческого, и в то же время представлена эпоха, общество, власть, руководители.

Дневник представляет собой записи о подробностях бытовой жизни, встречах с известными, а чаще неизвестными людьми, о любви, воспоминания о прошлых годах, описания охоты, философские размышления, раздумья о своем месте в обществе, в литературе. Много размышлений о том, как остаться независимой личностью при большевистском строе, который оставлял для свободы весьма ограниченное пространство.

Удивительно вот что: дневники сохранились и их автор уцелел. В советские времена вести откровенные записи было опасно, они могли стать причиной отправки на Колыму. Пришвин писал, не озираясь на опасность: как думал и чувствовал, так и ложились строки на бумагу. Хотя учитывал опасность этого занятия, вот запись 4 декабря 1936-го: «До чего совестно жить становится! Никакое настоящее общение невозможно, потому что боишься труса в себе и противно говорить с человеком, имея в виду, что он, может быть, для того и беседует с тобой, чтобы куда-то сообщить. Поведение в Москве: нельзя говорить о «чем-то» и с какими-то людьми. И весь секрет поведения в том, чтобы чуять везде это «что-то» и тех людей, которые этого ждут. Надо совершенно уничтожить в себе все остатки потребности отводить душу».

Но потребность отводить душу сильна, и Пришвин использовал для этого страницы дневника. Не принял он ни коммунистическую идеологию, ни большевистскую власть и прямо писал об этом. Рефреном из года в год проходит мысль: «Нельзя жить по жестоким и бессмысленным принципам коммунизма…» Он не верил официальной печати: «Больше всего ненавижу газету «Правду» как олицетворение самой наглой лжи, какая когда-либо была на земле».

А уцелел Пришвин в годы террора потому, что органы не обращали на него внимания: пишет чудак о природе, ну и пусть детей развлекает, никто и предположить не мог, что от писателя исходит опасность правдивого и точного описания жестокой действительности. Хотя, скорее всего, досье на него составляли, Пришвин хоть и далек был от политической борьбы в 1920-е годы, но какое-то время был близок с Бухариным, с симпатией относился к нему. Они переписывались. Когда шел процесс над Бухариным, Пришвин достал его письма: «…прочел их, и оказалось, он тогда был прав и написал их как исключительно хороший человек. Надо было уничтожить письма, но мне стало неудобно делать это в то время, когда самого автора уничтожают. Да и нет ничего дурного в этих письмах! Эти письма приблизили ко мне самого человека». Смелый поступок.

Писатель зафиксировал время. В записях масса фактов, из которых складывалась действительность и можно понять, как жил народ. Один мой знакомый сказал: «Мои родители говорили, что они никогда не жили так хорошо, как перед войной». Имелась в виду Великая Отечественная. Я тут же достал с полки том дневников Пришвина за 1938 год и привел запись: к писателю неожиданно заявились друзья, а в доме из продуктов шаром покати, он побежал в гастроном, что в знаменитом Доме на набережной, а там в продаже только шампанское и хрен. Показал знакомому эту страницу дневника, а для закрепления материала и запись от 30 декабря 1939 года: «В магазинах нет ничего, даже сахара, десятки людей простаивают дни и ночи в очередях, каждому хочется достать что-нибудь к празднику, и хоть нет ничего, но надеются, что «выкинут»… Как же бедно-бедно живут советские люди, вот уж серая-то жизнь. А по радио целый день стараются воспевать счастливую жизнь, и так это всем надоело!»

Мой знакомый выслушал и сказал: «Вранье все это». А родители его были, между прочим, из номенклатуры – понятно, что у них было иное представление о реальности, они получали продукты из распределителя. Пришвин и об этом пишет: он, как член Союза писателей, тоже был прикреплен к кормушке где-то четвертого разряда. Вот что там выдавали: «Павловна ездила в распределитель, приехала в восторге: достала для меня две пары подштанников. – Да ты посмотри, какие!» Восторг от кальсон! Павловна – первая жена Пришвина.

Эту книжку Пришвин написал на одном дыхании. И она сразу завоевала любовь читателей

САВОСТЬЯНОВ ВЛАДИМИР/ФОТОХРОНИКА ТАСС

Редкий кадр: Пришвин на трибуне. Он не любил собраний, публичных выступлений

ВСЕОБЩАЯ ГОТОВНОСТЬ К ЖУЛЬНИЧЕСТВУ

Любимая фраза обожателей Сталина: «При Сталине был порядок!» Из дневника Пришвина ясно видно: не было порядка! Страх был, а порядка не было. Приведу только один эпизод из дневника. Пришвин отдавал свою машину в ремонт на какое-то автопредприятие. И однажды наблюдал там такую картину. В гараж с Горьковского автозавода пригнали грузовик и не назначили сразу шофера. И новенькую машину принялись растаскивать: кто-то фары открутил, другой – магнето, потом сняли баллоны, до двигателя дело дошло, и через неделю от газика осталась только рама. В записи от 16 июня 1934 года писатель фиксирует: «Гаражи все на один лад, везде пьянство и ничего нет: какая-нибудь иголка для вентиля понадобится, так бегают, бегают... Но если приедет кто-нибудь со стороны и умеючи подойдет, то для него все явится: если это шина, то сейчас же с казенной новой машины снимут шину... Утром в гараж все запаздывают после выпивки, и начинается разговор о том-сем, потом начинают искать чего-нибудь: непременно у каждого чего-нибудь не хватает». Шоферы выезжают в рейс пьяные, калечат машины, давят людей.

Пришвин описывает случаи разгильдяйства, воровства, мошенничества, взяточничества, бракоделов. В одной записи припечатал: «Всеобщая готовность к жульничеству».

Жгучая боль в записях Пришвина конца 1920-х – начала 1930-х годов о том, что творила власть с селом, с сельским тружеником. Он же прекрасно знал, что такое сельское хозяйство: по образованию агроном, сам занимался всеми работами на земле. И пришел в ужас от того, что творит коллективизация с человеком и с деревней. Главное – коллективизация уничтожает трудолюбивого крестьянина. Вот типичная запись: «Василий Иванович Качалов считается кулаком, потому что умный, умеет работать. Говорит: «Для чего работать, если государство личное старание отвергает?» Пришвин долго не понимал значения ожесточенной травли «кулаков». А потом до него дошло: «Все они даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня».

ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ/РИА НОВОСТИ

Пишущая машинка писателя. Писал он ручкой, а потом перепечатывал на машинке

Впрочем, совестливого труженика травили не только в деревне, но и на промышленном производстве. «Как-то задал вопрос: «Почему у нас ничего нет?» Мне ответили: «Потому, что наши рабочие не хотят работать...». И писатель делает вывод: «Новый строй стремится к тому, чтобы чувство удачи, расчета вынуть из души рабочего и каждого сделать *рабом*, не Бога, не царя, не государства, не народа, даже не человечества, а просто какой-то никому не понятной партийной выдумки бездушной системы махового колеса, без передачи к живой душе человека».

БЕЗДАРЕН И ЧЕСТЕН, КАК ЧУРБАН

Для Пришвина большевистский строй – это данность, которую нужно принять, бороться с ним бесполезно, а вот понимать необходимо. Из года в год он возвращается к мыслям о революции, о народе, о судьбе России. Горестные это мысли. Вот некоторые записи: «Несомненный и очевидный факт катастрофического понижения жизни в Загорске: дети на улицах – сплошь воры, колхозники в чайных – сплошь матерщина небывалая…» «Опять тупое время: вся страна гниет за «идею». «Никто ни на какой войне таких раздирающих душу страданий не выносит, как выносят теперь люди в борьбе за свою жилплощадь»… «Почему строительством коммунизма называются стройки каналов и заводов, но не человеческого понимания?»… «Выращивается особый государственный оптимизм, как гособман».

В размышлениях писателя о судьбе России неизбежно возникают фигуры Ленина и Сталина. Пришвин написал сусальный рассказик «Ленин на охоте», Ильич в нем этакий добрый бог, любящий простого человека, понимающий природу. На самом деле почтения к вождю у Пришвина не было, Ленин для него, если судить по записям в дневнике, чуждый России, русскому народу политик. В записи 27 декабря 1924 года Пришвин отмечает: «Есть много добрых людей, которые ненавидят Ленина», а ведь и года не прошло, как вождь упокоился. Вот еще: «Ленин гениален потому, что перешел черту, которую всякий другой не смел перейти: нажал гашетку взведенного народом курка». «Перешел черту» надо понимать так: развязал Гражданскую войну. А весь Ленин у писателя в одной ленинской фразе: «Выжать интеллигенцию как лимон и выбросить». В конце жизни Пришвин хладнокровно анализирует эту политическую фигуру. Записи из дневника за 1952 год: «Ленин был не мыслитель, а революционный делец… Вдруг понял Ленина: он сектант, один из обыкновенных русских сектантов, коих я на своем веку повидал предостаточно».

А.АРТЕМЬЕВ/РИА НОВОСТИ

Лес, в котором писатель чувствовал себя как дома

А вот со Сталиным сложнее. Пришвин разгадывал этот феномен с начала 1930-х годов, когда Сталин вошел в силу, и до последнего дня своей жизни, да так и не разгадал. Впервые он упоминает Сталина в записи 30 ноября 1924 года: «Сталин выпустил брошюру против Троцкого «Троцкизм или Ленинизм» – невозможно выговорить, а Каменев назвал свою брошюру: «Ленинизм или Троцкизм» – это выговаривается. Каменев, наверно, литературнее Сталина». То есть оценивал эту фигуру с точки зрения словесной, а не политической. И далее в дневниках походя упоминает эту фамилию – просто фиксирует факты: «Говорят, что Сталин гонит всех правых, а потом сделает все ихнее сам». А 31 июля 1927 года в дневнике знаменательная фраза: «Читал «Известия», с большим трудом одолел огромную статью Сталина и не нашел в ней ничего свободного, бездарен и честен, как чурбан». Многие тогда были похожего мнения о Сталине: серый, бездарный… Сильно они ошиблись.

И Пришвин поначалу ошибался. Но чем больше входил Сталин в силу, тем внимательнее всматривался в него писатель. 1929 год развеивает все надеж-

КУЛЕШОВ НИКОЛАЙ/ФОТОХРОНИКА ТАСС

Пришвин долгое время жил в Сергиевом Посаде. В дневнике многогранно отражена и его жизнь, и жизнь окружающих

ды на изменение жизни в лучшую сторону: «Политическая атмосфера сгущается до крайности… Кончилась «передышка» Ленина. Начинается сталинское наступление». И в 1930 году делает вывод: «Личная диктатура должна завершить революцию неизбежно… Теперь это Сталин, человек стальной… С другой стороны, восхваление Сталина, превращение его в бога есть тоже разрушительное дело».

Отмечает Пришвин стиль выступлений вождя: «Слушал в парткабинете доклад Сталина. Конец речи был похож на грузинский тост: чем хуже говорит грузин по-русски, тем милее выходит у него тост. Грузинский акцент еще помогает юмору, Сталин этим пользуется: если бы русский сказал – не было бы смешно, а у кавказца смешно. При всем том простота речи, непретенциозность, речь для дела, но не дело для речи. По славной русской традиции примеры из Щедрина и Гоголя. Живая речь живого человека». Очень верная оценка: выступления Сталина магически действовали на человека, и не только благодаря привлекательному грузинскому акценту, но и простым предложениям, понятным образам и сравнениям. И в то же время на просьбу «Известий» написать впечатление от речи Сталина просит жену ответить телеграммой: Пришвин на охоте и связи с ним нет...

В 1947 году Пришвин отмечает: «…мысль моя не покидает Сталина: он, конечно, тем гениальный и единственный, что совершенно скрыл лицо свое человеческое в делах общества: для нас всех Сталин – не человек, а какая-то центральная сила нашего времени. Он и Ленин-то к этому шел (как, может быть, и вся наша довоенная революция, а может быть, история вся), но Сталин все собой завершил и, как грузин, в своем усердии идейном, воздвиг на пьедестал безликое имя в мраморной шинели».

ЮРИЙ АРТАМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Любимое место писателя в Дунине – терраса. С нее открывается захватывающий вид на Москву-реку, на дали за рекой

НЕ СЛЕДУЕТ ПЕЧАТАТЬ ЭТУ ВЕЩЬ

Изначально Пришвин задумывал дневник как творческую лабораторию: заносить в него наблюдения над людьми, жизненные сценки, живой разговор, наброски сюжетов, из которых потом можно будет сложить книгу. Однако записи переросли литературные заготовки, то, что писатель заносил в тетради, стало Дневником. Заготовки остались, но они стали частью дневника. И вот какая поразительная вещь получилась: то, что писатель пытался сложить в записях, как раз заканчивалось неудачей. Самый яркий пример – работа над романом «Осударева дорога», сюжет которого основан на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Власть пропагандировала эту стройку как идею превращения заключенного в идеального человека нового общества, который должен был появиться в процессе строительства канала. На строительство канала отправилась большая группа писателей – 120 человек! – во главе с Горьким, чтобы потом литературно отразить столь чудесное превращение.

И какие имена поехали смотреть результаты перековки! Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Борис Пильняк, Леонид Леонов, Валентин Катаев, Ильф и Петров… Поездка была комфортной. Участник поездки Александр Авдеенко вспоминал: «С той минуты, как мы стали гостями чекистов, для нас начался коммунизм. Едим и пьем по потребностям, ни за что не платим. Копченые колбасы. Сыры. Икра. Фрукты. Шоколад. Вина. Коньяк…»

Результат творческой поездки: вышла книга-панегирик.

ЮРИЙ АРТАМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Кабинет писателя. Он любил, чтобы на столе был порядок, каждая вещь знала свое место

Пришвин уклонился от этой литературной толпы. Через год он поехал на стройку один. Встречали его чекисты вежливо, но коммунизма не устраивали. И Пришвин увидел строителей-заключенных Беломорканала как они есть. Действительность его ужаснула. Он написал: «В таком сцеплении всех, совершенно бесчеловечном, и происходила постройка канала. В том-то и есть неприятность и глубокая фальшь сборника «Канал им. Сталина», что авторы чекистов хотят сделать человечными». Он задумал роман, главной темой которого стала бы свобода и необходимость. И в течение более чем десяти лет время от времени в дневник заносил записи, каким должен быть роман, какими – герои, какие конфликты возникают… И по записям чувствовалось: не складывается вещь. Но все же Пришвин написал роман. Читал отрывки знакомым – они кисло воспринимали текст. Предлагал издательствам – вроде и не отвергают, но и не включают в планы. Почему не включают – внятного ответа нет.

И Пришвин приходит к выводу: боятся печатать. Вещь острая, потому и боятся. Сначала хотел послать рукопись Сталину, чтобы он определил судьбу романа, но решил не отвлекать его, послал Председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Ивановичу Калинину. Калинин прочитал «Осудареву дорогу». Пригласил Пришвина в Кремль. Разговаривали они около часа: о литературе, о писательском мастерстве, о творчестве Чехова и Горького… Наконец Калинин высказал свое мнение о романе – Пришвин передает его в дневниковой записи: «Взял мою тетрадь и стал мне говорить, как Онегин Татьяне.

– Вашу книгу, – сказал он, – не следует печатать, и не по цензурным условиям. Люди плохо описаны. Вообще слабая вещь. Скорее это наброски автора для большой книги, сам он понимает, а другой не может понять. Что это? Если символика, то недоразвито…»

ВЛАДИМИР САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

Михаил Михайлович Пришвин останется в истории как автор грандиозной дневниковой эпопеи

Согласен с Калининым. Прочитал я этот роман – он все же был издан, уже после смерти писателя, в собрании его сочинений. Слабая вещь. Несмотря на то, что работал он над ней более десяти лет. И пример обратного свойства: одна из лучших вещей Пришвина – повесть «Кладовая солнца». Она стала очень популярной, выдержала десятки изданий. А в дневнике нет заготовок для нее, Пришвин просто сел и написал ее. То же самое с повестью «Женьшень». Писатель отправился в поездку на Дальний Восток, в дневнике много интересных записей о путешествии, но ни слова о том, что будет писать повесть. А вернулся в Москву – и написал в один присест. Получилась изящная, романтичная вещь.

ЮРИЙ АРТАМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Валерия Дмитриевна – жена писателя. Благодаря ей дневники были сохранены, подготовлены к печати и, когда наступило подходящее время, изданы

БЕЗ ДНЕВНИКОВ ПРИШВИНА НЕ ПОНЯТЬ РЕАЛИИ ВРЕМЕНИ

Мне многое открылось из дневников Пришвина. По-иному предстал 1937 год – и страшнее, и объемнее, в живых образах и ситуациях. Уже сложилась приблизительно такая картина того страшного года: всеобщий страх, каждый ждал ареста, был наготове «чемоданчик арестанта». В доме в Лаврушинском переулке, в котором жили люди искусства и литературы, тоже ночью не спали, прислушивались: не на их ли этаже остановился лифт? Однако Пришвин жил именно в этом доме и ничего подобного не отмечает.

Разнообразно предстают революционные дни 1917 года, годы Гражданской войны – Пришвин был свидетелем событий и в Петербурге, и в провинции. И по нему прокатилась революция: жил в своем поместье Хрущёво в Тамбовской губернии, основные сельхозработы делал сам, нанимал одного работника. Когда грянул Октябрь, пришли к нему окрестные крестьяне и сказали: «Иди, Михаил Михайлович, на все четыре стороны. Теперь эта земля наша». Пришвин пытался сказать, что он как раз и боролся за счастье народное. Но ему в ответ: «Иди-иди, пока вилы в бок не воткнули». И пошел Пришвин с женой и двумя малолетними детьми куда глаза глядят.

А сколько историй! Сколько человеческих судеб!

Не стоит думать, что Пришвин фиксировал только негативные стороны жизни. В записях много веселого, смешного. Много хороших людей. А природа – какие картины выписывает Пришвин! Много об охоте.

Если глубоко заниматься историей первой половины XX века, то обязательно нужно изучить дневники Пришвина. Без этого не понять тогдашнюю реальность.

Чекисты проводят перепись беспризорников

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЫРАСТИТЬ ЧЕЛОВЕКА

АВТОР
МАРИНА ЯРДАЕВА

ЦЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ – СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ. НО РАДИ ВЕЛИКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЖЕРТВУ ЧАСТО ПРИНОСИТСЯ НАСТОЯЩЕЕ. ИТОГ – ЗАГУБЛЕННОЕ ДЕТСТВО И ПОЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ. ТАК БЫЛО В ЗАРОЖДАЮЩЕЙСЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОДНИМ ИЗ СТРАШНЫХ СЛЕДСТВИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ СТАЛИ МИЛЛИОНЫ СИРОТ, БЕСПРИЗОРНИКОВ, А ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ДОСТИГЛА ЧУДОВИЩНЫХ МАСШТАБОВ.

РЕВОЛЮЦИЯ СТАЛА причиной этого хаоса, ей следовало его и обуздать. Как? Путем революции в умах, конечно. С помощью новой системы воспитания. Утверждавшаяся советская идея была полна самых грандиозных замыслов и проектов: электрификация, коллективизация, индустриализация. Но воспитание нового человека объявлялось задачей важнейшей и первостепенной. Хорошо лепить новых людей из материала податливого, благодарного, но где его взять, когда вокруг столько изувеченных душ? И вот в 1918–1919 годах по стране развернулась сеть детских домов, школьных коммун, трудовых колоний для подростков.

Эксперимент получился неоднозначным. Это ведь уже много позже Макаренко стал классиком советской педагогики, а детские коммуны и колонии вообще – великим завоеванием социального воспитания. В действительности все шло со скрипом. И Антона Макаренко, и легендарного Викниксора – Николая Сорока-Росинского, и многих других громили чиновники и сама Крупская. А директор агропедагогической коммуны «Красные зори» Игнатий Ионин и вовсе поплатился жизнью...

Как началось это грандиозное движение? Сначала всех посчитали – все прежние дет-

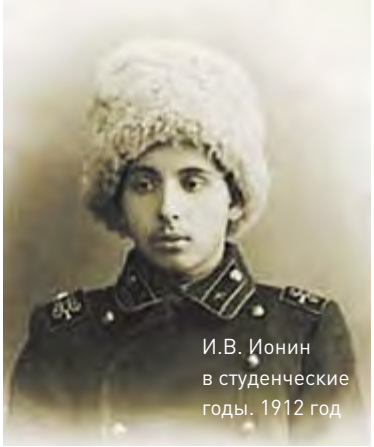
ские приюты, благотворительные общества призрения, новые стихийные детские дома, прикинули число беспризорников. Посчитали и прослезились. Решили то, что есть, реформировать, то, чего нет – создать. Основные задачи советской педагогики и новой школы были изложены в Положении о Единой трудовой школе в октябре 1918 года. «Основой школьной жизни, – говорилось в документе, – должен служить производительный труд не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только как метод преподавания, но именно как производительный общественно необходимый труд». То есть выкрутились: дескать, дело не в том, что денег нет, а число нуждающихся в призрении – от 4 до 7 миллионов детей, дело в том, что труд облагораживает. А что, разве нет? Очень даже.

С 1918 года стали создавать первые опытно-показательные учреждения (ОПУ): школы-коммуны, опытные станции Наркомпроса, детские городки и колонии. Первыми стали Знаменская школа-коммуна Яранского уезда Вятской губернии, открытая вместо женской монастырской второклассной школы, и школа-коммуна им. П.Н. Лепешинского в Гомельском районе. Позже последняя переехала в Москву. Практика открытия трудовых коммун для подростков быстро распространилась в обеих столицах.

Плакат 1920-х годов

ЛИБО ЖИТЬ, ЛИБО ПРОПАДАТЬ

Одна из удивительных историй случилась в Стрельне под Петроградом. Здесь, на бывшей Михайловской даче, бурная историческая стихия самым невероятным образом проявилась в особо концентрированном виде. Все началось с того, что Игнатий Вячеславович Ионин открыл в бывшей императорской усадьбе агропедагогическую коммуну, просуществовавшую 22 года и изменившую жизни сотен беспризорников.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

...Он родился в селе Ропша в семье местного врача и акушерки. Затем Ионины перебрались в Стрельну: детям – Игнатию, Сергею, Татьяне и Валентине – пришло время учиться. Сыновей отдали в Петергофскую мужскую гимназию. Окончив гимназию, Игнатий поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В 1916 году он был мобилизован в армию и направлен в школу летчиков. В 1918–1919 годах Ионин служил летчиком в Красной армии, получил ранение и контузию и был демобилизован. Вернулся в Стрельну. В Земотделе Петроградского губсовдепа ему предложили работу инструктора по пчеловодству. А затем он стал... педагогом. Грамотный? Что ж, учи других! А заодно подумай, как бы школы могли обеспечить себя провизией: в стране разруха, голод, надеяться не на кого. Так Ионин стал инструктором по агрономизации школ. В 1918–1919 годах в пригородах Петрограда развернулась сеть летних трудовых колоний. Одна из них разместилась в Михайловской усадьбе. Осенью 1919 года здесь было решено создать колонию круглогодичного пребывания детей. Понятно, не от хорошей жизни: городские детские дома и распределители буквально трещали от наплыва новичков, беспризорников негде было содержать, не на что кормить, а на земле, на просторе, быть может, что-нибудь да придумается.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Усадьба Михайловка в Стрельне. Конец XIX века

21 ноября Игнатий Ионин привез в Михайловку 27 разновозрастных сирот и детей из неблагополучных семей, смутно представляя, как пережить грядущую зиму, как обустроить быт и что вообще делать. Все, что им дали с собой на первое время, – это мешок перловки, ящик сушеной воблы, мешок черных сухарей. Никакого инвентаря, инструментов, одежды и обуви.

Сил, чтобы привести в порядок полуразрушенную усадьбу, не было. К тому же во дворце еще жили матросы Балтийского флота, и это усложняло ситуацию. Моряки к суровому быту были привычны, а учитывая временность своего вынужденного квартирования, менять ничего не хотели. И тогда Ионин с подопечными решили обустроить для проживания бывший домик садовника, его было проще отремонтировать и утеплить.

Решили – это не преувеличение. С первых дней жизни коммуны Ионин стал выносить все важные решения на голосование. Сейчас это кажется немыслимым: что могли понимать, какую ответственность могли взять на себя дети 7–10 лет? Но Ионин просто не видел иного выхода. Давить авторитетом было бесполезно, дети могли просто разбежаться, как убегали они из многих наспех организованных колоний. Да и дети эти были как будто не совсем дети, жизнь на улице заставила их повзрослеть очень рано. Или, правильнее сказать, – заматереть. Заслужить доверие этих ребят было непросто.

И не сказать, что все получилось за счет невероятного педагогического таланта новоиспеченного директора коммуны. Просто положение было совсем уж отчаянным: на носу зима, снабжение скудное, реальной власти над беспризорниками никакой, рычагов контроля – тоже, никаких волшебных методик воспитания таких детей в подобных условиях просто не существует. А когда деваться некуда, остаются только голая честность и человечность. Вот Игнатий Ионин и описал положение, в котором оказались дети и немногие привлеченные им педагоги, как есть, без прикрас. Вместе с вариантами выживания. Вариантов, собственно, было немного: либо держаться друг за друга, справедливо распределять крайне ограниченные ресурсы, вместе работать и учиться, либо пропадать. Так и была создана агропедагогическая коммуна «Красные зори».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Школа-колония «Красные зори» в Михайловке. 1926 год

«МАМА ПОДУМАЛА, ЧТО МЕНЯ УБИЛИ»

С первых же недель Ионин развил бурную деятельность. Он мотался по различным учреждениям Петрограда, бесконечно кого-то в чем-то убеждал, пытаясь выбить то одно, то другое: дрова, керосин, мыло, продукты, буквари, белье, полушубки. А потом, уставший, возвращался в Михайловку и сталкивался с кучей новых проблем: то с бунтом, то с воровством, то с азартными играми. И каждый узел приходилось развязывать заново своим оригинальным способом – готовых решений не было.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Игнатий Вячеславович Ионин

Когда однажды подростки отказались колоть дрова, Ионин поднял на эту работу девчонок, включая совсем маленьких, а во главе отряда, взявшись за топор, встал сам. Наблюдать эту абсурдную картину забастовавшие парни не смогли, усовестились. Сейчас скажут: манипуляция. Любопытно, что позже в колонии под Харьковом точно с таким же вызовом, с таким же дровяным бунтом, столкнется Макаренко. Его решение проблемы будет другим, совсем неоднозначным, и его потом будут долго склонять за ту пощечину в разных инстанциях.

Но нельзя каждый раз действовать по ситуации, как ни крути, а нужен какой-то фундамент. Однако чтобы понять, как работать, прежде всего надо узнать, с чем работать. Не очень-то рассчитывая узнать что-то из личных дел, характеристик и справок, Игнатий Вячеславович стал вслушиваться в разговоры и всматриваться в своих подопечных. И Ионин подобрал ключик к каждому. Но что за рассказы прорвались из детских душ, не рассказы – боль!

«Папа умер в августе 1918 года, и мы с мамой остались одни. Она не имела специальности и нанялась домработницей к бывшей генеральше. Жить нам пришлось в полутемной комнатушке, где зимой было очень холодно. В школу я пошла не столько учиться, сколько из-за питания. Нам тогда выдавали четверть фунта черного хлеба с рыбной икрой. А у генеральши мы питались лепешками из картофельной шелухи и кофейной гущей от ее стола. Мыла не было, и мы подолгу не ходили в баню. Потом я уговорила маму и пошла записываться в детский дом… А еще я хотела пойти в балетную студию, так как очень люблю музыку и танцы», – рассказывала 12-летняя Лиза Семенова.

«Отца убили на германской войне. Мать-пьяница приводила разных мужиков. Когда была Октябрьская революция, я убежал из дому и попал в воровскую шайку. Меня, как самого малень-

кого и тощего, подсаживали в форточку, чтобы открывать квартиру. Нас поймали. Взрослых посадили в тюрьму, а меня отправили в распределитель», – поведал Миша Фролов.

«Голодали. Пошли с мамой в деревню, за Пороховые, менять вещи на продукты. На обратном пути нас задержали солдаты из продотряда. Мама остановилась, а я побежал с картошкой. Солдат крикнул: «Стой!» – и выстрелил в воздух. Я со страху упал, мама подумала, что меня убили, и потеряла рассудок. Ее увезли в психиатрическую больницу. Отца тоже положили в больницу, а нас троих определили в детский дом. Я вот здесь, а сестренки – Люда, ей 8 лет, и Рая, ей 7 лет, – в Гатчинском детском доме. Мне их очень жалко. Наверное, они умрут без меня… Товарищ заведующий, сделайте, чтобы мы все трое были здесь, очень прошу», – плакал Кирилл Волков.

Как с этим всем справиться? Чем утешить каждого? Да еще в такое время! Не одной же работой отгонять морок? Нужен был досуг. Те самые музыка и танцы, о которых грезили девочки, потерявшие семьи, рисование, спорт, праздники. Как бы ни было тяжело, но конец жуткого 1919-го провожали наряженной самодельными игрушками елкой, сыгранным собственными силами спектаклем, загадывали желания, мечтали.

Первую зиму пережили. Никто не убежал. Напротив, коммуна пополнилась новыми детьми. Весной тоже было трудно, но все были полны надежд. Ионин не хотел работать в школе для «дефективных», как тогда говорили. Он мечтал развивать школу с сельскохозяйственным уклоном, в которой могли успешно учиться все без исключения дети. Ему казалось, что если каждого ребенка выхватить из тьмы, поселить среди красивых пейзажей, показать, как богата и благодарна земля, то его можно воспитать достойным человеком. На ребят, переживших со своим наставником первое трудное время, уже можно было рассчитывать.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обучение беспризорников. 1926 год

РАБОТАЛИ С МУЗЫКОЙ

У директора «Красных зорь» были грандиозные планы развить в усадьбе огородничество, животноводство, пчеловодство, птицеводство, развести в прудах рыбу. Одна проблема: не было ни чем пахать, ни что сеять. Решили поговорить с крестьянами из окрестных деревень. Дети ходили по огородам, выпрашивали семена и любые инструменты. Крестьяне не особенно откликались. Во-первых, у самих почти ничего не было. Во-вторых, не верилось в то, что мечтам какого-то интеллигента-энтузиаста суждено сбыться. Да и эта беспризорная публика им крайне не нравилась. Но дело все же продвигалось. И первый урожай был собран. В честь этого в усадьбе был дан концерт. Благо из дворца растащили не все – оставили рояль.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

День птиц в школе-колонии «Красные зори»

Музыка, живопись, литература – всему этому воспитанники учились с первых дней существования коммуны, не одной ботаникой да садоводством жили. Литература, к слову, заняла особое место в учебном плане и в сердцах учеников. К новому учебному году в школу прибыла новая учительница русского языка и литературы – Нина Китаева. Молодая, добрая, умная. Вся коммуна тут же в нее и влюбилась. При ней наполнилась читателями школьная библиотека, открылся литературный клуб. Влюбился в Нину Китаеву и директор. Вскоре она стала его женой и помощником. Жизнь семьи была неотделима от жизни коммуны. Сыновья Иониных тоже воспитывались в «Красных зорях», что, конечно, не могло не подкупать воспитанников коммуны.

За три года число колонистов выросло до 200, в 1925 году прибавилось еще 300. Это был очень разношерстный контингент, включавший много малолетних преступников. Один из таких новоиспеченных краснозорьцев чуть не всадил в Ионина нож. Нужно было срочно что-то делать. Для начала – установить строжайшую дисциплину, пресечь воровство, расхлябанность, растление, обман и при этом не превратить коммуну в тюрьму. Ионин давил на совесть, чувство вины и стыда, использовал в качестве оружия моральное осуждение или осмеяние проступков коллективом. Украл в соседнем магазине банку соленых огурцов – будешь есть этот консервированный овощ на завтрак, обед и ужин, пока сам не попросишь о возможности исправить ошибки. Схватил яблоко во время работы на кухне – на обеде об этом узнают все коммунарцы. Сейчас скажут, что это унижение, насилие над личностью. Тогда понимали: личность нужно еще вырастить, а это огромная, прежде всего внутренняя, работа. И большинство уроки все же усваивали. Конечно, новеньких сразу включили в работу. Чтобы никто не остался без дела, затеяли большую стройку, распахали еще

больше лугов. Обустроили скотный двор, организовали рыбоводное хозяйство, создали собственную электростанцию, метеостанцию, разбили огромные поля с капустой, возродили царские оранжереи – розы из «Красных зорь» с огромным успехом продавались в магазинах Ленинграда. Как, собственно, и вся остальная продукция. А заработанное вкладывали в досуг: в коммуне появились спортивные площадки, открылся кинотеатр, организовали оркестр, установили сотрудничество с ТЮЗом. Образовался и туристско-экскурсионный клуб: колонисты выезжали в походы по Ленобласти и Карелии, выпускники, отлично сдававшие экзамены, отправлялись в Крым.

В 1928 году «Красные зори» посетил профессор Колумбийского университета Джон Дьюи. Он был поражен, что все это было создано силами педагогов-энтузиастов и детей, которым когда-то жизнь не сулила ничего хорошего. «Существование детских приютов для сирот есть заурядное явление во всех странах, но нигде в мире мне не пришлось встретить таких счастливых детей <...> В моей памяти запечатлелось не то, чем именно они занимались, а то, как они работали и как относились к своим занятиям. <...> У меня создалось впечатление, что потенциальные способности русского народа неимоверны», – писал он в статье в «Нью Репаблик».

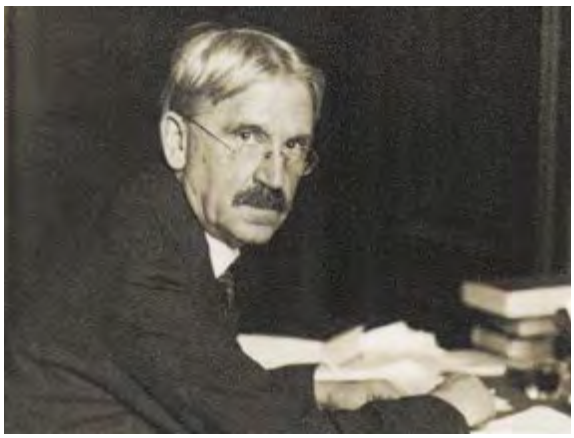
А если бы Джон Дьюи приехал на год-два позже, он изумился бы еще больше. В 1929 году Ионин воплотил в жизнь еще одну свою мечту: открыл на базе коммуны агропедтехникум для обучения детей из окрестных деревень. Зачем? Хотел нести знание в массы. Он видел, что крестьянство занимается хозяйством по старинке и дела у деревенских идут неважно, через новое поколение можно было изменить ситуацию. С поколением этим, впрочем, тоже пришлось поработать. Когда новоиспеченные студенты столкнулись с краснозорьцами, возник конфликт. Последние были просто шокированы, насколько сельские ребята были лишены самых простых социальных навыков и бытовой культуры. Вчерашние беспризорники, «дефективные дети», оказались вдруг на несколько уровней развития выше тех, кто рос в семьях. Краснозорьцы вынуждены были поднимать вновь прибывших до своего уровня. Вновь прибывшие активно сопротивлялись. Кто знает, сколько анонимок было отправлено в Наркомпрос по поводу каких-нибудь классовых противоречий, пока ребята из коммуны и деревни не научились сосуществовать мирно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Педагоги школы-колонии «Красные зори». Слева сидит И.В. Ионин

БОРЬБА С «ХЛЕВОЛОГИЕЙ»

Противоречия были устранены, техникум заработал, хозяйство развивалось и ширилось. В 1930-е годы «Красные зори» превратились в огромный и успешный агрохолдинг. Действуя согласно заветам 1920-х годов о «строе цивилизованных кооператоров», коммуна сама сделалась чуть ли не отдельной цивилизацией, развилась в крепкое независимое хозяйство.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Джон Дьюи, американский философ и педагог

Одна беда: агрокооператив заработал тогда, когда это стало уже неактуальным. В начале 1930-х самостоятельность и независимость были уже не в чести, успешная коммерческая деятельность вообще становилась крамолой. И никак не увязывалась со школой, с самой идеей образования. Специализацию и профориентацию в школе объявили «ненужной обузой», почти все трудовые школы прикрыли. Само собой, и деятельность Ионина в новых условиях вызывала все больше вопросов, ее критиковали как непедагогическую, отдельные коллеги и вовсе высмеивали основателя «Красных зорь» за то, что он развел какую-то «хлевологию».

И никого не волновало, что краснозорьцы без труда поступали в вузы, демонстрируя таким образом, что образование в коммуне они получили вполне универсальное. Никого не интересовало, что многие выпускники коммуны сами становились педагогами и переходили работать в подведомственный агропедтехникум.

Впрочем, в коммуне на критику особого внимания не обращали. Ну критикуют – эка невидаль. Критиковать школу дозволялось и самим ее воспитанникам, в школе выпускалась даже оппозиционная газета «Буза», и никто ее не запрещал. Напротив, сам директор не только всегда с интересом ее читал, но и сохранял номера для архива вместе с «Правдой» – официальным изданием колонии. Наверное, Ионин был слишком беспечен. Казалось, что на него лаяли мелкие собачонки – кто от зависти, кто по глупости.

Гром прогремел в 1937 году. «Красные зори» были обезглавлены. В ночь на 17 сентября на территорию школы нагрянули сотрудники НКВД, у них уже был список фамилий. Забрали 11 человек: самого Ионина, завуча школы, заведующую дошкольным отделением, заведующего мастерскими и нескольких учителей. Всех обвинили по пресловутой 58-й статье, ин-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Выпускники 1939 года средней школы «Красные зори»

криминировали контрреволюционную деятельность, подрыв государственной промышленности и кооперации.

А что писали тогда в газетах – уму непостижимо. По всему выходило, что почти двадцать лет в коммуне орудовала шайка отъявленных садистов, измывавшихся над сиротами. Придумали, что в школе в подвале был устроен карцер, что в мастерских детей запирали в печи-сушилки, что педагоги-самодуры выгоняли детей босыми на мороз, засовывали им в рот лягушек. А труд, конечно же, был не созидательным и воспитывающим, а каторжным, работать детей заставляли будто бы по 10 часов в день.

Никакой вины Ионин за собой не признал, вместо покаяния произнес на суде китайскую пословицу: «Сидеть лучше, чем стоять, лежать лучше, чем сидеть, умереть лучше, чем лежать». Его приговорили к расстрелу. Краснозорьцы обратились с ходатайством о восстановлении чести своего директора к Калинину, приговор изменили на десять лет лагеря. Бывшего директора отправили под Ташкент, где он умер в лагерной больнице 19 февраля 1939 года.

После такого вся система работы в «Красных зорях», конечно, пошатнулась. Но коммунарцы все же собрались с силами, чтобы продолжить дело, которое строилось двадцать лет. И, пожалуй, тот факт, что школа не развалилась без своего некогда бессменного директора – лучшее подтверждение тому, что все было организовано правильно. Работа остановилась только с приходом в Петергоф и Стрельну немцев. В июле-августе 1941 года большинство воспитанников были эвакуированы в Ярославскую область, старшие ребята ушли на фронт. Немногие оставшиеся, в основном девочки-подростки, успели в сентябре 1941-го собрать последний урожай и увезти его в Ленинградский детский дом №6, где и остались, запертые блокадой.

В сентябре 1941 года одни выпускницы «Красных зорь» были назначены воспитательницами в дошкольный детский дом №30, другие отправились в райком комсомола. Последние дежурили на крышах, откуда сбрасывали «зажигалки», навещали в госпиталях бойцов, следили за фронтовыми новостями. Известия приходили все печальнее, в том числе и о краснозорьцах: многие погибли в сражениях.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Игнатий Вячеславович Ионин. 1936 год

После войны коммуна не возродилась. От формата школ-коммун государство отказалось еще раньше, было бы странно ожидать, что власть вернется к этому эксперименту. Однако когда краснозорьцы стали возвращаться в Ленинград и Стрельну, всех неудержимо влекло в Михайловку. Там бывшие коммунары писали послания на стенах дворца, оставляли адреса и номера телефонов. Писали мелом, углем, осколками кирпича и карандашами. Многие хотели встретиться со своими друзьями и педагогами. Однажды появилось объявление: «Собираемся в первое воскресенье июля».

Ежегодные встречи у дворца проходили в течение нескольких десятилетий. А в 1985 году в Михайловке отметили 60-летие со дня первого выпуска «Красных зорь». Разве было бы это возможно, если бы годы, проведенные в коммуне, ее выпускники не считали счастливой порой своей жизни? Бывшие воспитанники на встречах рассказывали друг другу о том, кем стали, как сложилась судьба. Многие окончили университеты, стали инженерами, биологами, учителями, строителями. Были среди выпускников доктора наук, артисты, поэты, художники. Разве было бы это возможно, если бы школа-колония ничему этих людей не научила?

После распада Советского Союза велось много споров о школах-коммунах, о том, был ли этот эксперимент удачен и не было ли это все профанацией, очковтирательством или еще хуже – своеобразным сектантством. Откуда-то появилось множество всезнающих специалистов, уверенных, что все было организовано неправильно и совсем неподходящими людьми. Но разве не перекрывает всю эту глупую досужую болтовню история «Красных зорь»?

ЗАДУШЕВНЫЙ МУЗЕЙ

АВТОР
ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ШАЦКОМ РАЙОНЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ МЕСТА – КРАСОТА, РАЗДОЛЬЕ, ПРОСТОР... И НАЗВАНИЯ СЕЛ ГОВОРЯТ САМИ ЗА СЕБЯ: К ПРИМЕРУ, ЗДЕСЬ ЖЕЛАННОЕ ПЛАВНО ПЕРЕХОДИТ В ЗАВИДНОЕ. И ГДЕ-ТО НА ЭТОЙ НЕВИДИМОЙ ЖЕЛАННО-ЗАВИДНОВСКОЙ ГРАНИЦЕ РАСПОЛОЖИЛСЯ НЕОБЫЧНЫЙ ДЛЯ ТАКИХ МЕСТЕЧЕК МУЗЕЙ. ЖЕЛАННОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ РАЗМЕЩАЕТСЯ В БОЛЬШОМ ПРОСТОРНОМ ДОМЕ, ПОСТРОЕННОМ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ МУЗЕЯ. А НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ...

ДОБРАТЬСЯ ДО ЭТИХ отдаленных местечек Шацкого района не так-то просто – до городской цивилизации километров двести. Но при этом Желанное хорошо знают и в разных уголках Рязанской области, и за ее пределами. А славу родному селу принес именно музей. Он действительно уникальный. Музеи такого уровня в глубинке встретишь не часто.

Более шестидесяти лет назад директор местной школы, учитель истории Николай Панин, загорелся идеей создать в Желанном музей. Идею поддержали и коллеги-педагоги, и ученики. Учителя и школьники пошли по селам Шацкого района собирать предметы старины – глиняную посуду, орудия труда, предметы обихода. Словом, все, что могло бы рассказать о жизни родного края в прошлом. Собранные экспонаты бережно расставляли на полочках в классах школы. Так в 1958 году начал свою историю Желанновский краеведческий музей.

Очень быстро экспозиция разрослась до серьезных масштабов, на школьных полочках стала ощущаться катастрофическая нехватка места. И директор школы предложил построить для музея собственное здание. За дело взялись всем селом, точнее, сразу двумя селами, ведь разделить Желанное и Завидное практически невозможно. Работали с энтузиазмом – ездили в лес, заготавливали материал для нового музея, рубили, пилили, строили...

История Желанновского музея началась в 1958 году со школьного уголка – учителя и ученики собирали в окрестных селах предметы старины

Когда места на школьных полочках стало не хватать, решили строить отдельное здание для музея – возводили его всем селом

17 ТЫСЯЧ ЭКСПОНАТОВ

«Здание возводили в 1964–1968 годах. Потом занимались внутренней отделкой и оформлением – надо было подготовить экспозиции, продумать наполнение музея, – рассказывает старший научный сотрудник Желанновского краеведческого музея Марина Савинова. – 15 октября 1969 года состоялось торжественное открытие, много гостей приехало, односельчане собрались. А годом основания музея считается 1958-й, когда появился школьный краеведческий уголок, ведь именно из этого уголка и вырос наш музей». Вырос он с того времени серьезно. Такой коллекции, как в Желанном, мог бы позавидовать и районный музей, да и некоторые городские музеи не могут похвастаться такой разнообразной экспозицией. За шесть десятилетий здесь накопилось около 17 тысяч экспонатов. Складывался фонд по крупицам и вырос в серьезное собрание, вобравшее в себя все грани местной жизни и способное впечатлить даже искушенных посетителей.

«Вот здесь у нас фотографии тех людей, благодаря которым появился наш музей. Николай Илларионович Панин – основатель и идейный вдохновитель, – показывает Марина Савинова на размещенные на стене портреты. – Вот это Николай Терентьевич Кошелев, он тоже внес огромный вклад в создание музея. Весь отдел природы создан благодаря его стараниям».

Надо сказать, отдел природы здесь очень серьезный, в нем представлено, пожалуй, все разнообразие флоры и фауны Шацкого района. «Николай Терентьевич был участником Великой Отечественной войны, после которой судьба забросила его в наши края и он работал в местной школе учителем труда. Он очень любил природу, лес, птиц». Даже на фотографии он запечатлен с птицей на плече. Практически все чучела в Желанновском музее выполнены его руками.

В Желанновском музее работают настоящие энтузиасты – каждый работник предан своему делу

Зал природы – предмет особой гордости жителей Желанного, и это заслуженно, ведь не каждый областной музей обладает такой экспозицией

ПОСЫЛКИ С МИНЕРАЛАМИ

В Желанновском музее собрана богатая геологическая коллекция: более 3 тысяч минералов. Чего здесь только нет! Всем этим изобилием музей обязан Виктору Панину – брату директора школы. «Виктор Илларионович был геологом, трудился на этом поприще не один год, потом приехал сюда и стал работать учителем географии в местной школе, – продолжает Марина Савинова. – Коллекцию минералов он с учениками собирал со всего Союза. Отправляли письма в разные геологоразведывательные экспедиции и на геологические станции, просили прислать образцы горных пород». Из разных уголков большой страны в Желанное отправлялись посылки с минералами всех видов. Так удалось собрать действительно мощную геологическую подборку: флюориты, галиты, пириты, халькопириты, горный хрусталь, малахит, яшма, змеевик, гранат, мрамор, гранит… Посетители, кстати, охотно пополняют эту коллекцию. Благодаря гостям в собрании появились различные жеоды, необычный коралл и другие «уникальности». Коллекция музея признана одной из самых интересных не только в Рязанской области, но и среди других краеведческих музеев страны.

«А вот фотография супруги директора школы, Александры

Практически все чучела в музее выполнены руками учителя труда Николая Кошелева

Федоровны Паниной, – продолжает знакомить с основателями музея Марина Савинова. – Она работала учителем русского языка и литературы. Водила ребят в экспедиции по селам и деревням, чтобы собрать произведения устного народного творчества. Благодаря ее трудам был создан отдел искусств нашего музея».

Рядом – портрет Софьи Ивановны Кошелевой, проработавшей в музее всю жизнь. Супруга Николая Кошелева, того самого, кто отвечал за отдел природы, трудилась здесь научным сотрудником, проводила экскурсии, комплектовала музейные фонды. Она – единственная из оставшихся в живых создателей Желанновского музея. Сейчас здоровье уже не позволяет ей вставать с постели, а когда-то Софья Ивановна, как и другие желанновские энтузиасты, проводила в музее, пожалуй, больше времени, нежели дома. «Наш музей необычен тем, что его создатели жили им. Может быть, даже собственным домом занимались меньше, чем хлопотали о музее, – говорит Марина Савинова. – Все свои силы они тратили на создание музея».

ГЛАВНЫЙ ЭКСПОНАТ – ДУШЕВНОСТЬ

За год желанновскую экспозицию посещает около 8 тысяч гостей! И это притом, что места эти находятся далеко от привычных туристических маршрутов. И, несмотря на это, в Желанное едут. Наверное, потому, что здесь можно окунуться в удивительную атмосферу душевности.

Сотрудники музея проводят уроки для детей, всевозможные мастер-классы, готовят разные программы. А в середине лета в Желанном проводят фестиваль самобытной культуры «Под синим небом желанновских раздолий». Здесь выступают песенные и танцевальные коллективы, дети играют в старинные игры, мастерят обрядовых кукол – словом, желанновские раздолья позволяют повеселиться от души. Кстати, не только на фестивале, но и в другие дни гости музея могут смастерить Желаннушку – куклу в яркой пышной юбке. Ее придумала одна из сотрудниц музея – Татьяна Сафронова. Создавая образ, мастерица хотела, чтобы Желаннушка стала символом радушия и доброжелательности ее земляков. А они и правда доброжелательные и гостеприимные. Потому и музей отличается такой душевностью.

Желанновский музей учит внимательно относиться ко всему, что нас окружает

Конечно, как и в большинстве краеведческих музеев, центральную часть занимает отдел животного и растительного мира – это главное музейное богатство. Здесь можно увидеть едва ли не всех представителей местных лесов, полей и рек. «Это орлан-белохвост. Хищник, который летает над крупными водоемами, вылавливает рыбу. Размах его крыльев достигает полутора метров, – объясняет Савинова. – А это цапля. В селе Выша, что неподалеку от нас, есть целый цапельник: как только наступает тепло, цапли прилетают туда и живут в своих гнездах на верхушках сосен до самой осени. Так что там почти заповедник – местные жители оберегают цапель, следят, чтобы их никто не беспокоил».

Каких только птиц не увидишь в Желанновском музее! Зеленушка, щегол, овсянка, кукушка, зимородок, длиннохвостая синица, сова болотная… Хищники всех калибров – подорлик побольше, малый ястреб совсем небольшой, но от этого не менее хищный: в желанновской экспозиции он замер с добычей. Два сокола – чеглок и канюк – тоже представители хищного семейства. Дубоносы, мощные носы которых позволяют вышелушивать зер-

нышки из вишневых косточек. Золотистые щурки – яркие зелененькие птички, похожие на попугайчиков, на самом деле являются настоящим наказанием для пчеловодов, ведь они уничтожают пчел. О не менее колоритных иволгах с ярко-желтым оперением в Желанном тоже можно узнать интересные факты: оказывается, самцы этой породы очень красиво поют, а пение самочек похоже на мяуканье кошки. А вот очень оригинальное гнездо синицы-ремез – как фонарик, висящий на ветке. Вход в гнездо синичка делает узким, чтобы сохранить тепло для птенцов.

В музее взрослый человек может почерпнуть немало новых знаний. Что уж говорить о детях! «Рядом с нами очень много птиц, просто зачастую мы не замечаем этого разнообразия, – говорит Марина Савинова. – Николай Терентьевич много ходил с ребятами по лесам, знакомил их с богатством нашей природы. Он и сам не мог жить без леса, и учеников приучил заботиться о том, что нас окружает».

Можно сказать, что в период своего становления музей был своего рода исследовательским центром, в котором одним из педагогов для школьников стала сама природа. Ребята много времени проводили в лесу, изучали повадки птиц, учились распознавать их голоса, отслеживали пути миграции, разгадывали следы разных животных. В таких природных экспедициях было сделано немало открытий. К примеру, в заброшенном дупле дятла ребята как-то нашли лесную соню – до этой находки ученые считали, что похожий на мышь зверек с пушистым хвостом живет южнее. Еще одна неожиданная для рязанских краев находка – сова сипуха, которая, как правило, обитает в западных регионах нашей страны. Обнаруживали школьники и редкие виды цветов и деревьев, а как-то удалось совершить и вовсе уникальную находку – череп мамонта.

Фигуры животных выглядят настолько живыми, что гости частенько норовят погладить экспонаты

Диорамы показывают природу Шацкого края в разные времена года. Диораму, посвященную весне, в числе других птиц украшает журавль. Это экспонат с интересной судьбой. «Как-то давно пастух из соседнего села пас стадо и наткнулся на журавленка со сломанной ножкой. Он забрал его, вылечил, и журавленок так его полюбил, что даже в теплые края не улетал со своими сородичами – так и ходил по двору вместе с домашней птицей, – рассказывает Марина Савинова. – Журавлик жил так несколько лет. Пастух очень любил своего Журку, а тот везде следовал за хозяином. Как-то пошел с ним на ферму и, видно, наклевался протравленного зерна, да от этого и погиб. Хозяин принес своего Журку к Николаю Терентьевичу и попросил сделать чучело. Так у нас появился этот экспонат. Хозяин частенько приходил потом в музей, разговаривал с Журкой».

Трогательная судьба Журки навсегда запечатлена в истории Желанновского музея

Между прочим, до недавнего времени в Желанном был один очень неординарный экспонат – единственный на всю область. Когда в Желанном появился верблюд Вася, то быстро стал одной из главных достопримечательностей здешних мест. Василий был очень приветливым, хорошо шел на контакт с посетителями. Все сотрудники до сих пор с грустью рассказывают о потере своего «коллеги». Год назад Вася заболел, вылечить его не удалось, и теперь музей остался без одной из своих изюминок. Пони Ночка и ослица Маша как могут развлекают посетителей, особенно маленьких. Но до Васи им, конечно, далеко – все-таки не часто увидишь верблюда в глубинке Рязанского края.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

После знакомства с природой Шацкого края гости музея переходят к истории. Этот зал начинается с самых далеких времен – здесь можно увидеть тот самый череп мамонта, который когда-то был найден школьниками. Каменные топоры, скребки, долота, осколки керамики – все это находили в разных уголках района. Кстати, именно здесь, у села Польное Ялтуново, археологи обнаружили стоянку человека 35-тысячелетней давности – это самые древние следы человеческого пребывания на территории Рязанской области.

В музее бережно относятся ко всем этапам родной истории

Череп мамонта много лет назад нашли школьники во время одной из своих экспедиций

В соседних витринах – семейный альбом крупнейших местных землевладельцев Нарышкиных и охотничий дневник управляющего их имением Байкова. Красивым аккуратным почерком в нем записано, кто приезжал, сколько было добыто глухарей, тетеревов, зайцев. Еще один любопытный экспонат – художественное досье, которое принадлежало графу Воронцову-Дашкову. «Потом граф подарил этот альбом земскому врачу, а много лет спустя дочь врача передала альбом в музей, – объясняет Марина Савинова. – А вот здесь у нас земельная грамота от потомственного дворянина Алексея Яковлева – он дарит землю своему бывшему крепостному Ивану Палагину. Его родственники передали

эту грамоту в музей, теперь эта реликвия хранится у нас. Так постепенно в нашем музее появлялись ценные документы».

Не менее интересны экспонаты крестьянского быта: ручная мельница, дуга с поддужными колокольчиками, цеп для обмолота зерна, амбарные ключи внушительных размеров, ступа, огромная картофелемялка, которая помогала готовить еду и делать крахмал… Балаболы, которые носили на шеях здешние коровы, вилы необычной конфигурации, соха, безмены, зернотерки – чего здесь только нет. Некоторые сотрудники музея еще помнят, как ездили в недалеком прошлом на выборы на телеге, причем обязательно с колокольчиками.

И маленьким, и взрослым гостям интересно посмотреть, как наряжались наши предки. Тем более что костюмы здесь самые настоящие, с историей

Любопытный экспонат – косалитовка. «По указу Петра I к нам присылали специальных учителей из Курляндии и Лифляндии – они обучали крестьян пользоваться такой косой. А поскольку учителя были литовцами, то и косу прозвали литовкой, – разъясняет Марина Савинова. – Дальше в экспозиции представлен щеподральный станок. Этот старинный агрегат, который отдал в музей один из жителей Желанного, напоминает о том времени, когда крыши крыли щепой. На этом станке обдирали с пеньков щепу, а потом покрывали ею крыши Желанного, Завидного и прочих окрестных сел и деревень».

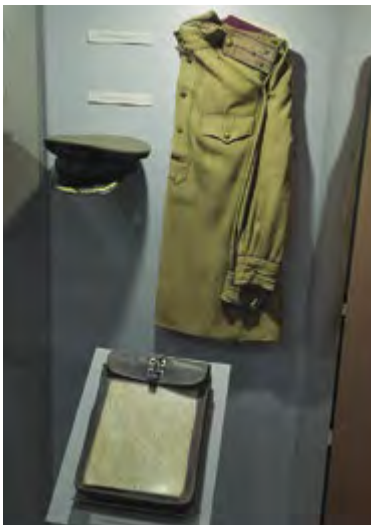
Интересны представленные в музее экспонаты крестьянского быта

Примерно так выглядел в старину уголок молодой мамы – она пряла и одновременно качала люльку с малышом

«В ЖЕЛАННОМ ВСЕ СПОКОЙНО»

Еще один интересный предмет – стукалка, или колотушка. В старину с такими ходили по деревне. Если вдруг замечали пожар, стукалка оповещала односельчан о беде.

В каждой избе была, конечно, зыбка – колыбелька. Не обходился дом и без подцепок – они были нужны мамам, чтобы одновременно качать ребенка и продолжать заниматься домашними делами, например прясть. «В некоторых домах до сих пор сохранились штыречки в потолке – крючки, на которые вешали зыбки, – объясняет Марина Савинова. – У женщины всегда было много дел, приходилось крутиться». Есть здесь и погремушки, и «мобили» того времени – куколки, которые вешались над зыбками. «Позже на помощь женщинам пришли самопрялки, это было хоть каким-то облегчением тяжелого труда, – показывает экскурсовод на образец обновленной прялки. – В соседнем селе Конобеево жили мастера, которые славились изготовлением самопрялок». Есть в экспозиции музея и нарядные народные костюмы. «Праздничные костюмы дожили до нашего времени, потому что хранились в сундуках, надевались очень редко, – говорит Марина Савинова. – Это вот костюм женщины Тамбовской губернии, это – мордовская рубаха, праздничные лапти. А вот здесь у нас костюм просватанной девушки Шацкого уезда. Невест в наших краях наряжали в рубахи-длиннорукавки. Такие называли печальными или плакательными рубахами. Девушки плакали, прощаясь с девичьей жизнью, и утирали слезы рукавом, чтобы потом в замужестве слез не видеть, все отплакать заранее». Здесь же и сундучок с «приданым», в нем хранятся образцы одежды, похожие на настоящие наряды наших предков. Любой желающий может примерить кокошник, кичку и прочую одежду позапрошлого столетия.



Военные страницы музея хранят много историй земляков, защищавших родину

От бочонков для сбивания масла, старинных утюгов, от кочедыка (инструмента для плетения лаптей), от экспозиции, демонстрирующей различные промыслы – от изготовления саней до вязания носков, – посетители перемещаются в зал революции. Эту страницу истории в Желанном перевернули в ночь с 31 декабря 1917 года на 1 января 1918-го. Здесь все, чем жили после этой даты в Шацком районе – первые советские деньги, портреты вождей, кулацкие обрезы.

Следующий этап – военный. Из деревень и сел ушло на фронт 18 тысяч жителей Шацкого района. Портреты некоторых из героев заняли места на стенах музея. Среди них можно встретить знакомое лицо – это один из основателей музея, тот самый любитель природы Николай Терентьевич Кошелев. В 18 лет он ушел на фронт, всю войну прошел разведчиком. В военной части экспозиции можно увидеть... старинное пианино. Оно здесь не случайно. Инструмент передал музею житель Шацка: его родственник привез такой трофей после войны из Германии. Есть в сельском музее своя история матери солдата. Агафья Филатова отправила на фронт пятерых сыновей, и одна за другой в ее дом пришли похоронки. Последняя – в конце апреля 1945-го...

* * *

С одной стороны, в Желанновском музее все по-сельски просто, с другой – серьезно, продуманно, грамотно. Да и атмосфера и искреннее гостеприимство, с которым встречают здесь всех гостей, не могут оставить равнодушным ни одного человека. Неудивительно, что посетители любят это место. Удивительно другое: как этот небольшой и уютный музей собирает и хранит память поколений, чтобы у нас всегда была возможность прикоснуться к прошлому.

ПОЛЕТ «МАЙСКОГО ЖУКА»

АВТОР
МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ ПЕТЕРБУРГА В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА НЕМЕЦКАЯ РЕЧЬ ЗВУЧАЛА ПОВСЕМЕСТНО: ТУТ ЖИЛИ НЕМЦЫ. УЧИТЕЛЯ, ВРАЧИ, ЛАВОЧНИКИ. НА ОСТРОВЕ РАСПОЛОЖЕНЫ УНИВЕРСИТЕТ, КУНСТКАМЕРА, АКАДЕМИЯ НАУК И ЕЕ БИБЛИОТЕКА, АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ, ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ, МОРСКОЙ И СУХОПУТНЫЙ КАДЕТСКИЕ КОРПУСА. ОДНАКО СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖИТЕЛИ ОСТРОВА МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЛИШЬ В ОДНОЙ КАЗЕННОЙ ГИМНАЗИИ, А ТАКЖЕ В МУЖСКОМ УЧИЛИЩЕ ПРИ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ.

Педагогическая система в казенных школах нуждалась в пересмотре: дети не получали необходимых знаний, соответствующих их способностям. Эту проблему поняли островитяне–выходцы из Германии – и обратились к молодому педагогу Карлу Ивановичу Маю, тоже жителю Васильевского острова, с предложением открыть собственное учебное заведение. Он согласился. Дом 39 на 14-й линии не помнит знаменитого педагога, но сегодня здесь музей, который возглавляет выпускник школы 1949 года Никита Владимирович Благово. Школа получила название «Реальное училище на степени гимназии», этому этапу посвящен первый стенд в зале, отражающем историю учебного заведения в 1856–1918 годах.

Карл Май появился на свет в 1820 году в Санкт-Петербурге в семье бронзовых дел мастера. В 1845 году окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Но учить других начал гораздо раньше: с 14 лет Май зарабатывал репетиторством. Позже преподавал в начальном учебном заведении, продолжал давать частные уроки и изучал современную педагогику. В 34 года поступил на службу в Лесной и межевой институт (ныне Лесотехническая академия) преподавателем географии.

На стендах в первом зале можно увидеть семейные фотогра-

В первом зале представлена экспозиция, рассказывающая о дореволюционном периоде школы Мая

фии основателя школы с женой и внучками, записную книжку учащегося, календарь учителя, фотографии педагогов и учеников. «Карл Иванович Май – скромный, до недавнего времени совершенно забытый педагог, в действительности уникальный учитель, создатель школы гуманной педагогики, где благодаря уникальной системе воспитания и образования были достигнуты фантастические результаты», – говорит Никита Благово.

ЛАТИНИСТЫ И НЕЛАТИНИСТЫ

Занятия в новой школе начались 1 сентября 1856 года по адресу 1-я линия Васильевского острова, дом 56. На занятия пришли 10 мальчиков из немецких семейств. У Карла Мая было требование: в школу принимались дети, до этого не посещавшие иных учебных заведений, то есть не подвергавшиеся влиянию других педагогов. К концу первого учебного года в школе Карла Ивановича числились уже 32 воспитанника. Ученики были разделены на два класса: в первом – 13 человек, во втором – 19. В школе были классы рисования, лепки, пения. В музее сохранились экспонаты из кабинета физики – их можно рассмотреть в первом зале. При кабинетах действовали кружки: авиационный, литературный, этнографический, географический, исторический, фотографический и другие.

Карл Май взял за основу план немецкого педагога Карла Магера, сумевшего соединить преподавание древних языков и точных наук. Май прекрасно понимал: «физики» не склонны к «лирике», а «лирикам» скучна «физика», важно вовремя рассмотреть наклонности питомца и дать им развиться. Правда, «гуманитарии» и «прикладники» в школе на Васильевском звались поначалу «латинистами» и «нелатинистами», позже – «гимназистами» и «реалистами». Своего расцвета, считает Никита Благово, школа достигла в 1910–1917 годах.

До 1882 года преподавание большинства предметов в заведении Мая, кроме русского языка, литературы, истории и некоторых разделов физики, велось на немецком языке. Первоначальный чисто немецкий состав класса вскоре стал пополняться мальчиками других национальностей. Им, скорее всего, было непросто изучать греческий или латынь на немецком.

В школе Мая делался упор на изучение языков: гимназисты изучали два древних языка (латынь и греческий), два новых языка (французский, немецкий), английский – по желанию. На одном из стендов хранится школьная записка от Шуры Бенуа Константину Сомову, написанная то по-французски, то по-латыни. «В мемуарах одного ученика я прочел об изумлении, с которым столкнулся мальчик, получивший начальные знания в русской православной семье, –

Никита Благово проводит экскурсию

учить греческий язык на немецком. Я спрашивал Дмитрия Сергеевича Лихачева, как же он и его одноклассники изучали языки. И он ответил: «Мы не придавали этому значения. Подумайте, меня мама послала в лавочку за нитками, а продавщица – француженка. Неужели я не смогу с ней объясниться?» – рассказывает Никита Благово.

Карл Май полагал, что детей младшего возраста проще увлечь учебой, если привнести в урок элементы игры. Школьный день состоял из шести уроков в старших классах, в младших – из четырех или трех: три урока – с 9 до 12 часов и три – с 13 до 16 часов. Часовой перерыв отводился для обеда и получасовой гимнастики.

В первом зале музея стоит фисгармония. На подобном инструменте играли для учеников школы. Иногда сопровождали музыкой утренние молитвы. Говорят, директор сам был неравнодушен к пению.

Здесь же кружка для сбора пожертвований. «Она подлинная. С ней ученики собирали средства для оказания помощи бедным, больным, раненым. Доброта и милосердие – важнейшие качества, которые прививали детям в школе», – говорит директор музея.

Фисгармония. На подобном инструменте играли при Карле Мае, а он был неравнодушен к музыке

ПАРТА И ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

Девизом школы Карл Май считал слова чешского педагога XVII века Яна Амоса Коменского «Сперва любить – потом учить» и принимал детей, исповедующих любые религиозные взгляды. Здесь учились русские, немцы, финны, китайцы, итальянцы. Батюшка не удалял из класса мусульманина на уроке Закона Божьего и не заставлял молиться.

Если ученик провинился, директор не подавал руки при встрече на лестнице – а это был ежедневный ритуал приветствия. Проступок он объяснял мальчику лично. Провожатым учеников из обеспеченных семей могли указать на то, что подопечного нужно оставлять за два квартала от школы, чтобы не демонстрировать сословного и имущественного превосходства. В столовой школы учителя и дети садились за общий стол. Было одно меню для всех. Заведение Мая было частным, но плата позволяла отдавать в учение своих детей и извозчику, и слесарю, и крестьянину, и дворянину, и офицеру, и священнику, хотя в основном здесь учились дети из семей интеллигенции.

Чучела пингвинов – подарок музею от вдовы ученика школы, работавшего в Арктике

Над рабочим столом директора висит плакат, на котором написаны педагогические принципы работы школы. Один из них: ученика нужно развивать умственно и нравственно, этически и физически. А вместо привычной учительской имелся «зал заседаний педагогического совета» – 70 квадратных метров. В углу зала у окна – дореволюционная парта, сделанная в Ревеле: высота пюпитра и сиденья регулировалась под рост ученика. Посетители музея наверняка запомнят шкаф с чучелами пингвинов – это подарок вдовы выпускника школы, работавшего в Арктике. Этот шкаф когда-то стоял в кабинете физики. Сохранились в музее огромное напольное зеркало и шкафы из школьной библиотеки.

Второй зал иллюстрирует советский период жизни школы. Третий зал посвящен выпускникам школы: академику

Дмитрию Лихачеву и членам семьи Рерихов. В 2018 году Музей истории школы К. Мая приобрел статус государственного, он стал филиалом Музея-института семьи Рерихов, поскольку оба музея соседи и в школе Мая учились пять мальчиков из этой семьи.

Настольную лампу отца, гимназическое издание «Майский сборник №1», журнал, академическое издание сочинений А.С. Пушкина 1937 года передала музею дочь известного филолога, майца Льва Борисовича Модзалевского. Как-то в музей зашел посетитель и подарил глобус XIX века, изготовленный в Германии, – этот подарок очень порадовал, ведь география была любимым предметом Карла Мая. Даритель также пополнил коллекцию музея телефонным аппаратом, аналогичным тому, который висел в кабинете директора.

На рабочем столе директора – три чернильницы. В них наливали чернила разного цвета. Пятерки ставили красными. Если мальчик учился только на пятерки, что случалось редко, то все четвертные оценки выставляли золотыми чернилами. Учившиеся на отлично могли заслужить серебряную или золотую медаль. На аверсе изображалась богиня мудрости Минерва и гравировалась надпись: «Преуспевающему». Реалистам медали не полагались.

Экспозиция, посвященная академику Дмитрию Лихачеву

Шкафы в первом зале раньше стояли в кабинете физики школы и школьной библиотеке

На рабочем столе директора не случайно три чернильницы. Для разных отметок

«ТВОЙ МАЙЧИК»

Над входом в здание красуется барельеф в виде майского жука. Ему же посвящена отдельная витрина, ведь майский жук – эмблема школы. Увы, история не сохранила имени автора этой идеи.

У майцев существовала традиция ставить спектакли, в которых участвовали не только ученики, но и педагоги. Особенно торжественно отмечали 29 октября – день рождения директора. На одном из выступлений двое учеников, одетых герольдами, несли знамена с изображениями майского жука. Директор пришел в восторг, и прозвище «майский жук» навсегда закрепилось за учениками его школы. А сам жучок многократно оживал не только на символах школы, например нагрудных знаках выпускников, но и в личной переписке. Художник Николай Рерих нередко подписывал письма супруге так: «Твой майчик».

Когда ученики переходили в выпускной класс, то проводили конкурс рисунков жука, выбирали лучшие и заказывали нагрудный знак этого выпуска. На обратной стороне гравировали фамилию, год и порядковый номер выпуска. Все майцы обращались друг к другу на «ты» и после окончания школы. В школе Мая учились династиями: 25 детей из семьи Бенуа,

Знаки ордена Святого Георгия и медали «За храбрость», которыми награждались майцы–участники Великой войны

Майский жук – символ школы. Потому музейная экспозиция без него не может обойтись

отпрыски шоколадного короля Жоржа Бормана, купца Елисеева, Семенова-Тян-Шанского. Здесь же учились и три сына композитора Николая Римского-Корсакова. Четвертную ведомость одного из них, Владимира, можно увидеть в музее.

На портрете директор школы выглядит строго и солидно. Художник Александр Бенуа застал его уже в пожилом возрасте. В мемуарах Бенуа писал: «Это был маленький, щупленький, очень согбенный старичок, неизменно одетый в черный долгополый сюртук. Среди нас было немало мальчиков, которые злоупотребляли добротой Карла Ивановича. Но большинство уважало, любило своего директора, нежное чувство возникало сразу с момента первого контакта с ним самим. Во всяком случае, я Карлушу полюбил в первый же день». Директор пользовался большим красно-желтым платком и нюхал табак. Носил прямую челку и, поговаривали, красил волосы – черные как смоль. Во всем его облике Бенуа наблюдал «поэтическую старинность». Директор казался ветхим и моложавым одновременно. Дети любили и директора, и школу, которую один из выпускников – публицист Дмитрий Философов – назвал «государством в государстве, отделенным бесконечным океаном от казенщины».

Когда отец одного из учеников спросил у сына, какое наказание предусмотрено в гимназии за ложь, тот вообще не сразу понял, о чем речь. «За ложь? Нет, папа, этого сделать нельзя – Карл Иванович бы огорчился». «Я нашел в школе нечто ценное: я нашел уют, я нашел особенно мне полюбившуюся атмосферу, в которой дышалось легко», – писал Александр Бенуа.

Дореволюционная парта, созданная в Ревеле: высота пюпитра и сиденья регулировалась под рост ученика

«ПИШИТЕ КНИГУ!»

Никита Владимирович Благово пришел учиться на 14-ю линию 1 сентября 1944 года в шестой класс 5-й мужской средней школы. Блокадные мальчишки не знали слова «аудитория» и поражались дубовым столам с откидными столешницами. Перила лестницы украшали латунные шарики.

«Когда я вошел в здание, – вспоминает Никита Благово, – удивился. Мы стали посещать кабинеты в виде амфитеатров, там были наглядные пособия с двуглавыми орлами. Это породило вопросы: что здесь было раньше? Учителя нам ничего не говорили. Кто-то не знал, кто-то боялся рассказывать. Говорить хорошее о царской школе было не принято. А точнее сказать – опасно».

Директор Музея истории школы Карла Мая учился в этой школе пять лет. Окончив школу и получив высшее образование, по крупицам начал собирать сведения о ней. Прочел «Записки старого петербуржца» писателя Льва Успенского – выпускника 1918 года и золотого медалиста. Сегодня в музее хранятся личные вещи Льва Успенского: письменный стол, лампа, настольный прибор, кресло и документы.

В 1986 году Никита Благово увидел по телевизору выступление Дмитрия Лихачева и, поняв, что тот тоже выпускник школы Мая, записался к нему на прием, на котором и услышал: «Пишите книгу!» Так, получив благословение академика, бывший инженер Никита Благово стал летописцем школы и написал о ее истории несколько книг. Монография «Школа на Васильевском» попала в руки директора Института информатики и автоматизации РАН Рафаэля Юсупова. Институт находится как раз в здании школы Мая на 14-й линии, о чем Юсупов не знал. Он решил, что эта история заслуживает внимания общественности, а значит, необходимо создать музей. Обратился

в 1994-м к Никите Благово, который к тому моменту уже стал пенсионером. И в 1995 году в здании на 14-й линии открыли музей, посвященный истории школы. После открытия музея Никита Благово подготовил новые книги – об истории музея.

«МАЙСКИЙ ДУХ ИСЧЕЗ»

Наступило время собирать коллекцию. Ни музейщика, ни дизайнера в помощниках не было. Изначально музей представлял собой клетушку – одну шестую площади, которую занимает сегодня. Слесарь помог сделать пять витрин, в дело пошли старые чертежные доски – их превратили в стенды. 12 мая 1995 года академик Дмитрий Лихачев открыл первую экспозицию и получил знак «Майский жук» под номером один. Люди, узнав о музее, стали приносить экспонаты.

Школа в этом доме действовала до осени 1976 года. Потом РОНО, не найдя средств на косметический ремонт, отказалось от здания. Помещение отдали институту, который и привел его в порядок. От планировки школы в здании на 14-й линии ничего не осталось – амфитеатры и рекреации ушли в небытие.

Из школы Мая вышли 42 члена Академии наук и Академии художеств. Здесь зародилось объединение «Мир искусства». Тут учились художники Александр Бенуа, Николай Рерих, Константин Сомов, Александр Яковлев, Валентин Серов. В школе учились космонавты – Георгий Гречко и Андрей Борисенко.

«Даже Московский университет строился по проекту нашего ученика, – говорит Никита Владимирович. – Нас включили в Книгу рекордов Гиннесса как учебное заведение, выпустившее рекордное число выдающихся учеников. С приходом новой власти все кардинально изменилось. Для строителей социализма, по мнению советских чиновников, не требовались такие буржуазные предметы, как пение, рисование, лепка. Эти кабинеты уничтожили, копии античных бюстов выбросили. Майский дух исчез».

Дмитрию Лихачеву посвящена экспозиция в третьем зале музея

Уголок Даниила Гранина в музее и подаренная им пишущая машинка

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖУКА

В 1918 году ввели совместное обучение мальчиков и девочек. По новому порядку нумерации с 1922 года заведение Мая стало Советской Единой трудовой школой №217. Система воспитания «майских» педагогов была разрушена. В 1929-м «Ленинградская правда» заклеймила школу как оплот аристократии и буржуазии, обвинила педагогов во вредительстве и «воспитании детей в ненависти к Советской власти». Учеников обвиняли в «благородности лиц» и непролетарском происхождении. Уволили педагогов, разорили библиотеку, старшие классы распределили по другим школам. Разрушения коснулись и школьного здания: был уничтожен барельеф с майским жуком и надпись «Гимназія и реальное училище К. Мая» на фронтоне.

Стенды музея напоминают о том, что в 1937-м в школе разместили 6-ю Специальную артиллерийскую школу (6-я САШ), образованную на добровольной основе из учеников восьмых-десятых классов этой и близлежащих общеобразовательных школ. Выпускники 6-й САШ защищали и освобождали от блокады родной город. Более тысячи майцев сражалось на фронтах Вели-

кой Отечественной войны. На стендах музея – блокадные рисунки ученика школы Николая Ласточкина и портреты 182 репрессированных майцев. Тут же размещены 13 томов ленинградского мартиролога.

С 1 сентября 1944 года – после полного освобождения Ленинграда от блокады – здесь возобновились уроки, но называлось учебное заведение теперь «Мужская средняя школа №5 Свердловского района Ленинграда».

В школе учились космонавты Георгий Гречко и Андрей Борисенко

На таких весах во время блокады ленинградцам взвешивали хлебный паек

* * *

…Карл Май умер в 1895 году. В советские годы его надгробие пустили на поребрики. Двенадцать лет назад по инициативе Никиты Благово надгробие было восстановлено на Смоленском лютеранском кладбище. На обелиске черного мрамора написано на латыни и немецком: «Он был вождем к свету для путников, ищущих его. Самому дорогому учителю от учеников». Со временем музей стал расширяться. Сегодня он занимает 270 квадратных метров и насчитывает примерно 10 тысяч экспонатов: фотографии, документы, предметы интерьера. Перед открытием музея Никита Благово обратился в Художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной, дипломник которого воссоздал утраченный барельеф майского жука. И жук-символ снова украшает фасад здания, в котором когда-то была легендарная школа.

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

АВТОР
ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

К ПОЯВЛЕНИЮ ГОРОДА ОМСКА ПЕТР I ИМЕЕТ САМОЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ. ТАК ЧТО НЕСПРОСТА В ОМСКОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. М.А. ВРУБЕЛЯ 350-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ИМПЕРАТОРА ОТМЕТИЛИ СРАЗУ ДВУМЯ ЯРКИМИ ВЫСТАВКАМИ.

ВЫСТАВКА «ТОТ ШКИпер славный, кем наша двигнулась земля...» формирует представление об эпохе Петра – времени грандиозных перемен, новых открытий и славных свершений.

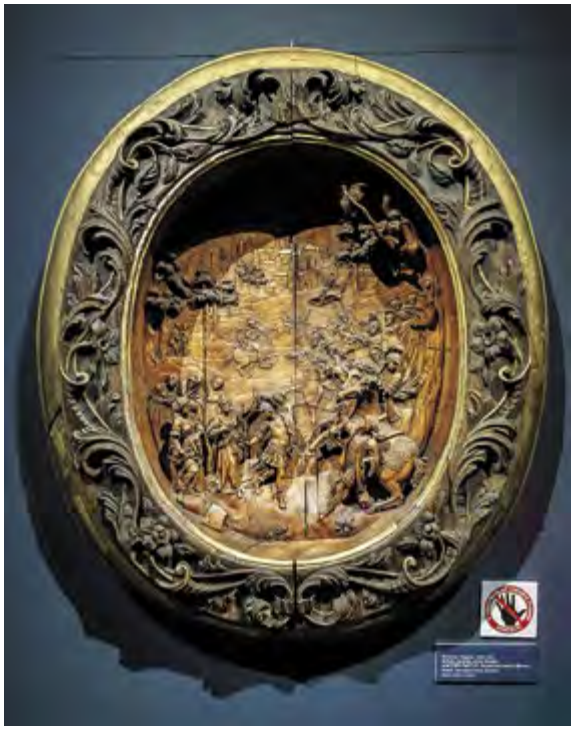
Из названия ясно, что главной в экспозиции стала морская тема. Множество кораблей – на живописных работах и на гравюрах – не просто красивый антураж. Авторы экспозиции позиционируют Омск как морской город. Казалось бы, поводов для этого нет никаких: вокруг степь, до моря очень далеко. Но оказывается, все решения, способствовавшие возникновению Омска, Петр принимал на морских просторах, на кораблях. «Омск возник благодаря распоряжению Петра Алексеевича о снаряжении экспедиции Бухгольца на восток в поисках золота. Стране нужны были ресурсы для новых преобразований и для ведения войны. Указ об этой экспедиции был подписан Петром 22 мая 1714 года на корабле «Святая Наталья» в водах Балтийского моря», – рассказывает куратор выставки, директор Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля Фарида Буреева.

Надолго приковывает взгляд замечательная модель пушечного корабля «Ингерманланд». Один из любимых кораблей царя-реформатора был назван в честь земель, расположенных в устье Невы, которые отвоевали у шведов в начале Северной войны. «Ингерманланд» связан и с событиями, предшествовавшими основанию Омска: на этом корабле Петр написал сибирскому губернатору Матвею Гагарину письмо с поручением оказать Ивану Бухгольцу любую помощь.

Правда, помощь эта запоздала. До конечной цели похода – города Еркента (Яркенда), расположенного на территории современного Китая, – отряд Бухгольца не дошел. Под натиском джунгар он отступил к устью Оми, где и заложил в 1716 году Омскую крепость (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2022 год, статья «На берегу неба». – **Прим. ред.**).

Черновик судьбоносного для Омска указа Петра I о снаряжении экспедиции на восток

Стоящая в витрине модель любимого корабля царя-реформатора «Ингерманланд» кажется летящей по волнам



Единственная в России работа итальянского резчика Андреа Фантони хранится в омском музее

ГОРЕЛЬЕФ ИТАЛЬЯНСКОГО ХУДОЖНИКА И ПУТЬ НА ВОСТОК

В фондах омского музея нет вещей, принадлежавших Петру или его сподвижникам, так что, работая над созданием экспозиции, сотрудники музея проявили немалую фантазию. Вот, например, экзотические экспонаты – кубок из ореха кокоса или сосуд из яйца страуса – это явная отсылка к тому, что в петровские времена для россиян открылось множество новых дорог и возможностей. В этой же связи вспоминаются и планировавшиеся царем-реформатором экспедиции в Индию и на Мадагаскар. На выставке подобные экспонаты-символы создают несколько интересных смысловых пространств.

Пожалуй, самый знаковый из таких экспонатов – горельеф итальянского мастера из Роветты Андреа Фантони «Великодушие Александра Македонского». Именно на него устремлен задумчивый взгляд сидящего в кресле бронзового Петра I работы знаменитого скульптора Александра Опекушина. Кстати, российского царя-реформатора неоднократно сравнивали с этим великим античным полководцем.

Этот горельеф находится в собрании Омского музея изобразительных искусств с первых дней его существования: он поступил сюда из Государственного музейного фонда. Но атрибутировать его удалось только в прошлом году. «Сейчас у нас идет интенсивное взаимодействие с коллегами из Эрмитажа, – говорит старший научный сотрудник музея Евгений Груздов. – Я послал им фотографии неатрибутированных экспонатов. Сюжет этого горельефа был определен как «Великодушие Александра Македонского». Это довольно распространенный сюжет эпохи Возрождения, рассказывающий о том, как после победы над персидским царем Дарием Александр обещает его жене и дочерям свою помощь и защиту. Коллеги также определили, что горельеф был создан в первой половине XVIII века либо во Фландрии, либо на севере Франции». Однако попытки найти этому подтверждение оказались безрезультатными. Тогда Евгений Груздов расширил географию поисков по всей Европе. И оказалось, что работы со сходной стилистикой и композиционными решениями принадлежат итальянскому резчику по дереву Андреа Фантони, чьи инициалы совпадают с буквами AF на горельефе. Потом выяснилось, что существует терракотовый эскиз этой работы, который хранится в итальянском Бергамо. Рядом с Бергамо есть даже музей семьи Фантони – семья резчиков в течение нескольких веков работала на этой земле. Переписка с этим музеем позволила окончательно подтвердить возникшую догадку. Так что Омск оказался обладателем единственной в России работы знаменитого итальянского резчика.

Причем эскиз горельефа был сделан незадолго до того, как Петр принял решение организовать экспедицию за еркентским золотом. Этот факт отразили в инсталляции, размещенной под горельефом. В ней еркентское золото, которое так и не удалось добыть, совместили с исторической картой 1730-х годов, на которой показана Джунгария и прилегающие к ней земли. На карте обозначили и путь экспедиции Бухгольца. Отмечено

Германский сосуд-шутиха в форме страуса сделан из страусового яйца

Кубок из кокосового ореха украшен портретами Петра I, Петра II и Анны Иоанновны

Работы европейских и российских мастеров

место битвы на Ямышевском озере, после которой, не дождавшись подкрепления, Бухгольц вынужден был повернуть назад. Обозначена так и не достигнутая цель – город Еркент. И основанная Бухгольцем Омская крепость – главный итог этого смелого предприятия.

Основатель Омска – личность загадочная, не сохранилось ни одного его портрета. Но на выставке можно увидеть два изображения Ивана Бухгольца. «Одно из них, которое мы традиционно видим на выставках, это собирательный образ человека XVIII столетия. Другое – бюст, созданный омским скульптором Андреем Бородавкиным. Однажды он шел по улице города и обратил внимание на случайного прохожего. Подумал: а может, именно так выглядел Иван Бухгольц? И создал этот бюст», – поясняет Фарида Буреева.

Кстати, в судьбе города на Иртыше свою роль сыграла и победа под Полтавой: среди шведов, попавших в плен после этого сражения, был артиллерист Йохан Каландер. Он оказался прекрасным фортификатором и стал проектировщиком первой Омской крепости...

ПЕТР-БЛОНДИН И КОСТЮМЫ ИЗ ФИЛЬМА «ТОБОЛ»

О Европе, с которой также были связаны петровские устремления, напоминают миниатюрные портреты из коллекции музея. Портрет Людовика XIV тончайшей работы выполнен акварелью на слоновой кости и заключен в оправу из черепахового панциря. Другой замечательный миниатюрный портрет запечатлел саксонского ювелира Иоганна Мельхиора Динглингера. Динглингер принимал в своем доме Петра I, работал с курфюрстом Августом Сильным, его произведения ныне находятся в собрании Дрезденской галереи...

Еще один интересный экспонат – вышивка середины XIX века по мотивам популярной тогда картины Карла Штейбена «Петр I во время бури на Ладожском озере спасает утопающих». По легенде, в ноябре 1724 года, возвращаясь на яхте из поездки на Ладожский канал, у деревни Лахты Петр увидел севший в штормовую погоду на мель бот с женщинами и детьми. Монарх бросился спасать людей, оказавшихся в критической ситуации. В ледяной воде император простудился, и эта простуда оказалась для него роковой. Картина Штейбена в свое время произвела большое впечатление на публику. Эту работу приобрел Наполеон I. А потом король Людовик XVIII приказал воспроизвести ее в гобелене на королевской мануфактуре, которую в свое время дважды посетил Петр. Гобелен был послан в подарок императору Александру I и ныне хранится в Государственном музее-заповеднике «Петергоф». Этот гобелен послужил отправной точкой для создания вышивок, одна из которых представлена на выставке. Подобные вышивки по канве шерстяными нитками хранятся в нескольких музеях. Лицо и руки на них не вышивались, они были прописаны темперой по ткани. Но это замечаешь не сразу.

У вышивки, которая поступила в музей из собрания Омского

Костюм сибирского губернатора Матвея Гагарина, изготовленный для фильма «Тобол»

художественно-промышленного техникума в 1930-е годы, есть одна необычная черта: Петр I на ней представлен… блондином. Почему – неизвестно.

С раритетом пришлось поработать реставраторам по текстилю: был подобран аутентичный материал, который позволил восполнить все утраты. Изначально яркая работа за полторы сотни лет выцвела, потому для реставрации понадобились нити пастельных тонов...

Вообще, омским реставраторам пришлось изрядно потрудиться, чтобы посетители увидели произведения Петровской эпохи во всем их великолепии. Особенно много внимания понадобилось уделить графике – многие листы были потемневшими от времени и загрязнений, но реставраторы прекрасно справились с задачей.

В числе уникальных экспонатов, представленных на выставке, – листы альбома «Исторические события царствования Петра Великаго: Юбилейные картины», происходящего из библиотеки 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. В 1872 году по указу Александра II было организовано празднование 200-летнего юбилея Петра I. Одним из центральных событий праздничных мероприятий стала выставка картин на Марсовом поле. На тридцати огромных полотнах в хронологическом порядке были изображены основные деяния царя-реформатора. Выставка прошла с невероятным успехом. А фотографии этих произведений вошли в красочный альбом, который ныне является одной из жемчужин коллекции омского музея.

Отдельного внимания заслуживают роскошные гравюры из коллекции петербургского академика Евгения Лавренко. Широко известный в ленинградских кругах коллекционеров ученый более шестидесяти лет собирал произведения графики и редкие книжные издания. В 1984 году по рекомендации Государственного Русского музея он принял решение о передаче своего богатейшего (более 3500 произведений) художественного собрания в Омский областной музей изобразительных искусств.

Для того чтобы сделать выставочный проект максимально зрелищным, экспозицию дополнили историческими костюмами из фильма «Тобол», снятого по одноименному роману писателя Алексея Иванова. «Привезти в Омск подлинные костюмы Петра и его приближенных у нас не было возможности, потому мы обратились к костюмам из фильма «Тобол» из собрания Тюменского музейно-просветительского объединения. Ведь в этом фильме представлены наши герои: Петр I, Екатерина I, Иван Бухгольц, Матвей Гагарин. Их костюмы – это точная реконструкция костюмов, которые находятся в собрании Государственного Эрмитажа. Шили их в мастерских Большого театра, над ними работали профессионалы», – подчеркнула Фарида Буреева.

Омская страница петровской истории

Необычная вышивка – на ней Петр Великий почему-то изображен блондином

ПОЧЕРК ИМПЕРИИ

В экспозиции второй выставки музея можно увидеть документы, непосредственно связанные с Петром I: большинство из них он подписывал лично. Это визуальное повествование о новой, петровской России, в которой изменилось очень многое. Ведь с именем Петра I связаны не только появление на карте новой российской столицы, стремительное промышленно-технологическое освоение огромных территорий, возникновение мощного военно-морского флота, но и глубокие преобразования всех сфер общественной жизни.

Кстати, Петр первым среди российских монархов стал ставить свою подпись под документами. А до Петра государственные указы заверялись лишь царской печатью.

Выставка «Почерк империи» открылась в Омске непосредственно в день 350-летия Петра Великого – 9 июня. Экспозиция небольшая, она содержит всего 15 документов Петровской эпохи, причем 13 из них впервые демонстрируются публике. Оставшиеся два документа лишь однажды выставлялись в Государственном Эрмитаже. Артефакты, которые ранее были доступны лишь узкому кругу специалистов, привезли в омский музей из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Вот самый ранний экземпляр – жалованная грамота дворянину Заборовскому от 1684 года. Думный дворянин Сергей Заборовский был одним из тех, кто во время Стрелецкого мятежа 1682 года встал на защиту царевичей Петра и Иоанна. Он получил достойную награду: за то, что «стоял крепко мужественно и со усердным радением по своему отечеству и по породе» Заборовскому по этой грамоте передавались из поместного в вотчинное, то есть наследственное, владение села и деревни в Романовском стане.

В письме кабинет-секретарю Петра I Алексею Макарову Бухгольц докладывал, что в Тобольске ему приходится снаряжать экспедицию не благодаря, а вопреки

Обычно царь-реформатор подписывал свои грамоты просто – «Петр». Но подпись под Манифестом малороссийскому народу об измене гетмана Мазепы отличается от других: «царь Петр». Таких грамот, написанных от руки, было несколько. Ведь они должны были зачитываться старшинами малороссийскому народу и объяснять суть происшедшего.

Еще одна жалованная грамота, подтверждающая права игуменьи Успенского Глуховского девичьего монастыря Мариамны, матери изменника Мазепы, на село Березу с мельницами и угодьями, была писана в июле 1709 года «в обозе под Полтавою» вскоре после победы. И на взгляд человека современного напоминает ребус: на полях размещены золоченые буквы, украшенные растительным орнаментом – «Е», «Ц», «В», «П. Ж. Г»... А ларчик открывается очень просто: «Эти буквы мы расшифровываем так: Его Царского Величества Петра Жалованная Грамота», – поясняет

Астрономические приборы петровских времен

куратор выставки, заведующая Научно-историческим архивом Санкт-Петербургского института истории РАН Татьяна Базарова.

А вот еще одна примечательная грамота, выполненная уже по европейским канонам – в виде диплома. Это копия, но она выполнена в том же, 1715 году, что и подлинник. Здесь Петр I дарует графский титул Федору Апраксину. Вообще, титул графа в России до Полтавского сражения мог получить только тот, кто имел титул графа Священной Римской империи. Но после победы под Полтавой в оформлении государственных документов впервые появляется имперская атрибутика, и в 1710 году Петр присваивает Апраксину графский титул, не советуясь с императором Священной Римской империи. Однако грамота была выдана в 1715 году. Почему так произошло? Дело в том, что в грамоте на семи листах перечисляется происхождение рода Апраксиных, а также его служба государю, вся эта информация, предоставленная Апраксиным в Посольский приказ, требовала проверки, которая заняла немало времени.

Еще одна жалованная грамота датирована 1723 годом. Петр уже император – об этом говорит изображение императорской короны над двуглавым орлом. Императорский титул указан в самой грамоте и на печати впечатляющих размеров из воска и мастики, заключенной в металлический ковчег, который предохранял ее от разрушения. На крышке ковчега также выбито изображение императорской короны.

После 1714 года в России начинают использовать печатные бланки. «В 1714 году состоялось Гангутское сражение – первая в истории победа русского флота. Петр I награждал участников сражения медалями и новыми воинскими званиями, что подтверждалось патентами. Процесс был поставлен на поток, и именно тогда были сделаны первые печатные бланки для патентов», – объясняет Татьяна Базарова.

Таким Петра I увидел скульптор Виктор Думанян

Чтобы оценить масштаб перемен, достаточно сравнить два «загранпаспорта» Петровской эпохи. Проезжая грамота стольника Михаила Оболенского, в 1697 году направленного Петром на учебу в Западную Европу, подготовлена в Посольском приказе на большом листе александрийской бумаги, а заставка, украшения на полях и титул царя написаны золотом. Причем грамота оформлена на Михаила Матвеева – все молодые дворяне отправлялись за рубеж инкогнито. А вот аналогичный документ, выданный в 1719 году Якову Петровичу Шафирову, младшему сыну вице-канцлера, оформлен уже на стандартном печатном бланке. Здесь украшена только заглавная буква царского титула. Причем этот документ уже именуется паспортом.

Представленные на выставке экспонаты охватывают практически всю Петровскую эпоху. Самый поздний из них – патент на чин капитана морского флота, выданный будущему адмиралу Николаю Головину, – Петр подписал в сентябре 1724 года, за четыре месяца до своей смерти…

Омск неслучайно был выбран местом для проведения первой выставки исторических документов петровской поры. «Это сибирский град Петров, город – побратим Санкт-Петербурга, который был основан как форпост для развития государства на восток. Запад очень интересовал Петра, но в не меньшей степени ему было принципиально важно осваивать и благоустраивать восток страны», – отметила на открытии экспозиции заместитель директора по внешним и общественным связям Санкт-Петербургского института истории РАН доктор исторических наук Юлия Кантор.

О РУССКОМ СТИЛЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

АВТОР
ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ВЫ ПОЕДЕТЕ НА БАЛ?» НА ВОПРОС ИЗ ДЕТСКОЙ ИГРЫ, ВОПРЕКИ ПРИНЯТЫМ В НЕЙ ПРАВИЛАМ, ХОЧЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ОТВЕТИТЬ «ДА!». ТЕМ УДИВИТЕЛЬНЕЕ ЗНАТЬ, ЧТО В ФЕВРАЛЕ 1903 ГОДА ПОЧТИ 100 ЧЕЛОВЕК ИЗ 481 ОТВЕТИЛИ ОТКАЗОМ НА ПРИГЛАШЕНИЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В КОСТЮМИРОВАННОМ БАЛЕ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ, КОТОРЫЙ ВПОСЛЕДСТВИИ СТАЛ САМЫМ ЗНАМЕНИТЫМ БАЛОМ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРАВЛЕНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ.

ИЗ НЕСКОЛЬКИХ СОтен роскошных костюмов в старорусском стиле, в которые были одеты первые лица державы на том памятном балу, пережили катастрофы XX века и уцелели… лишь 13. За исключением двух все они хранятся в Государственном Эрмитаже. Увидеть эти наряды и попытаться представить за «единицами хранения» живых персон можно в Галерее костюма Реставрационно-хранительского центра музея «Старая деревня» в рамках экспозиции «Русский стиль: традиции и трансформации».

«Наша выставка оформлена в виде диалога, – объясняет заведующая сектором прикладного искусства Отдела истории русской культуры и хранитель коллекции костюма Эрмитажа Нина Ивановна Тарасова, – диалога костюма народного, подлинного, с костюмом стилизованным».

Экспозиция, построенная по принципу «реки времени», на «левом берегу» знакомит посетителей с традиционной одеждой разных губерний Российской империи (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2022 год, статья «О русском стиле замолвите слово». – **Прим. ред.**). Среди представленных здесь одежд есть и подобные тем, что сто с лишним лет назад вдохновили участников бала на создание костюмов в старорусском стиле. А «правый берег» целиком и полностью посвящен разнообразным стилизациям народного в форменной, светской и маскарадной одежде знати Российской империи, а также в костюмах, созданных советскими художниками и современными модельерами.

Окончание. Начало см.: «Русский мир.ru» №9 за 2022 год.

Костюм мундирный императрицы Екатерины II по форме адмирала российского флота

Заведующая сектором прикладного искусства Отдела истории русской культуры и хранитель коллекции костюма Эрмитажа Нина Ивановна Тарасова

«НЕТ ОДЕЯНИЯ ПОЧЕТНЕЕ И ДОРОЖЕ МУНДИРА»

На «правом берегу» по русскому обычаю первой встречает гостей хозяйка дома, а точнее – костюмы основательницы Эрмитажа, выдающейся правительницы Екатерины II. Три великолепных мундирных платья: синее с красным по форме лейб-гвардии Конного полка, полностью зеленое по форме лейб-гвардии Семеновского полка и зеленое с белым по форме адмирала российского флота, которые она надевала в дни военных побед, полковых праздников, памятных дат на протяжении всего царствования. «Русский дух» этим нарядам придают введенные императрицей элементы традиционных одежд – откидные рукава и украшенная золотыми галунами центральная линия костюма, напоминающая декор русских сарафанов. «Именно Екатерина Великая, первая из российских монархов, поняла политическую и военную смысловую нагрузку костюма, особенно его народных элементов», – замечает Нина Ивановна.

Во времена императрицы камер-фурьеры никак не могли

определиться с названием для этих знаковых нарядов. Они были скроены по образу военных мужских мундиров, но для женщины. Поэтому в церемониальных журналах при описании, «во что была одета Екатерина II в дни полковых праздников» можно встретить и «длинный гвардейский кафтан», и «гвардейский зеленый длинный мундир», и «адмиралтейское длинное платье», и «морской длинный белый сюртук». До сих пор неизвестно, как выглядели головные уборы, дополнявшие эти костюмы.

Из форменной военной одежды в национальном духе, принадлежавшей российским самодержцам, на выставке также представлен мундир по форме лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона последнего императора, Николая II. Он скроен по подобию кафтанов допетровской эпохи с глубоким асимметричным запахом. К нему полагались широкие шаровары с напуском, которые заправлялись в сапоги. Такая военная форма была введена летом 1882 года императором Александром III, чье «пристрастие ко всему тому, что является типично русским» широко известно.

Основная цель смены обмундирования состояла в том, чтобы сделать его менее роскошным и более приспособленным к условиям военной службы. Однако мундиры, напоминавшие мужицкие зипуны или чекмени и шаровары-порты, не понравились щегольской военной элите. «Такой крой был хоть и удобен, но не эффектен, – поясняет хранитель. – Гвардия потеряла свой вид. Известно много случаев, когда гвардейские офицеры подавали в отставку из-за костюма». Николай II в начале XX столетия провел обратную мундирную реформу и вернул гвардейцам блестящий внешний вид.

Словом «мундир» обозначают не только военную, но и гражданскую форменную одежду. В экспозиции музея представлено несколько костюмов нарядной униформы, ориентированной на прообразы древнерусских одежд. Это костюмы певчих, бытовавшие в период правления Николая II. Малинового цвета чекмень с откидными рукавами, украшенный золоченым галуном, принадлежал мальчику-певчему Придворной певческой капеллы. В свое время ее хор расценивался музыкальным и художественным критиком Владимиром Стасовым как «замечательная редкость нашего отечества, не имеющая себе подобных в Европе». Певчие капеллы обеспечивали разнообразные нужды двора: пели при больших выходах императорской фамилии, при наречении на царство, на богослужениях, торжественных приемах и даже маскарадах.

Еще один замечательный костюм – красный кафтан с синим воротником и зеленым кушаком, на котором закреплены розетки со стилизованными двуглавыми орлами, – принадлежал певчему знаменитого Федоровского городка в Царском Селе. Живописный архитектурный ансамбль, состоящий из Федоровского Государева собора – домовой церкви семьи последнего императора – и домов для причта, был построен и оформлен в начале XX века в древнерусском архитектурном стиле. Костюмы служащих и певчих должны были органично вписываться в общую атмосферу русской старины. С их созданием блестяще справился художник Виктор Васнецов. Взяв за основу кафтаны стрельцов допетровского времени, он задумал костюмы, которые будут «просты, историчны и красивы» и будут выглядеть «без маскарадности». В итоге эскизы Васнецова получили высочайшее одобрение как «одеяние действительно русское».

Мундирные платья императрицы Екатерины II по форме лейб-гвардии Конного и Семеновского полков из шелка с откидными рукавами

Кафтан певчего Федоровского городка в Царском Селе

«РУССКИЕ ПЛАТЬЯ»

Идея придания русскости придворной одежде российского императорского двора впервые зародилась в период правления Екатерины II. «Причем потенциал женской одежды в глазах императрицы, – по замечанию современного исследователя костюма екатерининского времени Ксении Бордериу, – был гораздо более значителен, чем мужской».

В 1770 году, согласно камер-фурьерским журналам, государыня впервые надела русское платье. Светлое нижнее платье со сборчатыми рукавами, как у княжеских и боярских одежд XVI–XVII веков, она дополнила ярким распашным верхним платьем с откидными рукавами и широким цветным кушаком. В таком виде императрица появилась перед подданными в день годовщины коронации, освещенной сиянием череды блестящих побед русского оружия в Русско-турецкой войне, дабы подчеркнуть статус «Матери Отечества». По сути, «русское платье, – как заметил историк Ричард Уортман, – присоединило к вечерним платьям западного стиля национальные элементы, заимствованные из нарядов XVII века».

Платья придворные парадные. Розовое бархатное с серебряным шитьем императрицы Александры Федоровны. Платье цвета «крем» из дворца Бобринских дамы, не имевшей придворной должности

Фрагмент придворного платья с узором из ирисов

Начиная с 1775 года патриотичный наряд стал образцом церемониальной и праздничной одежды, а также своеобразным гражданским «мундиром» не только для государыни, но и для всех женщин императорской семьи и придворных дам вплоть до последних Романовых. Автор изобретения – Екатерина II – к русскому придворному платью «рекомендовала надевать кокошники с белым вуалем», поясняет Нина Ивановна.

История не сохранила для нас русские платья императрицы и придворных дам периода ее правления. Однако в Галерее костюма можно увидеть более поздние модификации, для которых екатерининские наряды послужили примером. «Чудесное голубое платье происходит из коллекции Юсуповского дворца, – рассказывает хранитель. – Скорее всего, оно принадлежало княгине Зинаиде Ивановне Юсуповой. По силуэту мы видим однозначно, что это 30-е годы XIX века, сразу после указа Николая I, когда парадное платье состояло из двух частей: нижнее платье белое атласное, а-ля сарафан, а сверху надевалось верхнее

с откидными рукавами. Линия талии должна была соединяться в центре кушачком, но, каким он был, мы не знаем. К нам оно поступило в растерзанном виде, с отсутствием деталей. И наш реставратор Татьяна Викторовна Грунина-Шкварок практически заново его собрала, и получилось вот такое чудо».

В отличие от предыдущего наряд из дворца Бобринских для приезда ко двору дамы, не имевшей придворной должности, цвета «крем», с узором из изящных ирисов на ткани, дошел до наших дней в удивительной сохранности. «Моя предшественница, легендарный хранитель Эрмитажа Тамара Тимофеевна Коршунова, никогда его не выставляла. Она говорила, что пусть хоть что-то останется в таком нетронутом виде. Придет время, и ты его выставишь. И вот оно пришло. Это премьера», – поясняет Нина Ивановна.

Рядом с ними представлено русское придворное платье последней императрицы – Александры Федоровны. Роскошное, розовое с серебряным шитьем, оно тоже никогда ранее не выставлялось. Правда, причина была совсем иная. Все дело в невыводимых пятнах на длинном (4,2 метра), невероятно красивом шлейфе наряда. Как поведала Нина Ивановна, «в революционные годы после разграбления гардеробной Александры Федоровны, все, что там осталось, сложили в сундуки, естественно, не так, как надо, и отправили хранить в неотапливаемое, сырое помещение. Да, есть пятна, но это история вещи и это история нашей коллекции, об этом мы тоже должны помнить».

Парадные придворные платья императрицы Александры Федоровны в русском стиле

Перчатки к маскарадным костюмам князя Ф.Ф. Юсупова и графа А.А. Бобринского

ТОТ САМЫЙ БАЛ

Возле этой группы нарядов, представленных в экспозиции, посетители останавливаются надолго. После вздоха восхищения возникает неодолимое желание рассмотреть поподробнее, сравнить по памяти с широко известными фотографиями, описаниями очевидцев и даже… с изображениями на колоде карт, которая так и называлась – «Русский стиль». Те самые 11 костюмов с того самого бала 1903 года.

Современникам Костюмированный бал в Зимнем дворце 11 и 13 февраля 1903 года, для которого вся знать одного из самых блестящих дворов Европы переоделась в стилизованные русские костюмы времен царя Алексея Михайловича, запомнился как «необыкновенное по красоте и роскоши зрелище», ставшее «одним из самых блистательных эпизодов в истории светской жизни». Для нас, живущих в XXI веке, «этот бал, – по выражению директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского, – может служить не только символом изысканного сочетания искусства и игры, удачного союза роскоши и изящества, но и образцом того, как должно уважительно обращаться с наследи-

Кокошник маскарадный Н.В. Безобразовой

ем прошлого и всегда помнить о величии своего отечества».

История грандиозного празднества во многом удивительна. В утвержденном императором Николаем II еще в начале ноября 1902 года графике придворных балов зимнего сезона никакого костюмированного бала запланировано не было. Идея его проведения возникла спонтанно – за завтраком в присутствии императорской четы после спора художника Павла Жуковского (сына знаменитого поэта) и барона Владимира Фредерикса об уместности традиционных национальных костюмов в церемониальной жизни двора. Как вспоминал директор Императорских театров Владимир Аркадьевич Теляковский, Жуковский настаивал, что «национальные русские костюмы много художественнее наших фраков и шитых придворных мундиров». Барон же защищал нововведения Петра I, «говоря, что если бы мы теперь все были одеты в русские костюмы, то походили бы на китайцев, посольства которых, приезжая в своих национальных костюмах, возбуждают в Европе смех».

Императрица Александра Федоровна сделала свой выбор, и костюмированный бал в русском стиле решено было провести 11 февраля 1903 года. Его приурочили к уже запланированному вечеру в Эрмитажном театре, который должен был открываться вторым актом оперы «Борис Годунов» с Федором Шаляпиным в главной роли.

Вероятно, на решение императрицы повлияли и доводы Жуковского, и общий подъем интереса с середины XIX века в светских и художественных кругах к национальной культуре и искусству – в русском стиле строят дома, оформляют интерьеры, проводят балы-маскарады. Кроме того, Александре Федоровне, скорее всего, были известны рассказы участников, в первую очередь вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и чудесные фотографии со знаменитого бала 25 января 1883 года во дворце великого князя Владимира Александровича, на котором приглашенные были в русских костюмах XVII века. Пресса тогда писала: «Казалось, вся допетровская Русь воскресла и прислала своих представителей», причем костюмы отличались роскошью и исторической точностью. А знавшая толк в балах Мария Федоровна отмечала, что бал «представлял нечто такое прекрасное, что только можно себе представить».

Так или иначе вопрос был решен, и 1 января 1903 года, за пять недель до события, Гофмаршальской частью было разослано более 400 приглашений. Согласно отчету Церемониальной части высочайшего двора, «первоначально было предложено всем приглашенным прибыть на бал в костюмах исключительно времен царя Алексея Михайловича, но затем словесно было распространено <…> разрешение прибыть <…> в костюмах и более отдаленных эпох – начиная с царя Иоанна Грозного».

Маскарадные костюмы княгини Е.В. Голицыной («Боярыня XVII века») и графа А.А. Бобринского («Боярин XVII века»)

Летник маскарадный с бархатным узором, расшитым золотой нитью, великой княгини Ксении Александровны

«НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПО КРАСОТЕ И РОСКОШИ ЗРЕЛИЩЕ»

Несмотря на грандиозность предстоящего торжества, почти 100 человек отказались принять в нем участие. Одна из причин состояла в том, что «русские костюмы стоят сумасшедших денег – шелковая камчатая ткань, сукно, расшитое золотом и серебром, меха очень дороги», – записал в дневнике на следующий день после объявления о бале директор Императорского Эрмитажа Иван Александрович Всеволожский (в дальнейшем он стал главным советником императорской фамилии по части маскарадных нарядов. – **Прим. авт.**).

Те приглашенные, кто не побоялся расходов, «занялись поисками семейных портретов, начали посещать картинные галереи и рассматривать старинные гравюры. Усердно изучались исторические труды», – писал в мемуарах один из участников бала, Владимир Звегинцов. Ему вторил граф Петр Шереметев: «Все читают Савваитова, Забелина, Висковатова». Великая княгиня Мария Георгиевна вспоминала, что «все изучали старинные изображения и гравюры, рыскали по музеям, советовались с известными художниками по поводу малейших деталей платья, которые носили триста лет назад». Большей исторической точностью отличились маскарадные костюмы членов императорской фамилии. «Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи XVII века», – констатировал великий князь Александр Михайлович.

Вечером 11 февраля 1903 года Павильонный зал Императорского Эрмитажа заполнился боярами и боярынями, сокольничими и стрельцами, воеводами и стольниками. Светлый мрамор стен с позолотой лепного декора меркнул перед сиянием драгоценной узорной парчи и шелков одеяний, обильно расшитых золотым и серебряным шитьем. «Впечатление получилось сказочное, – восторгался комендант государя Владимир Воейков, – от массы старинных национальных костюмов, богато украшенных редкими мехами, великолепными бриллиантами, жемчугами и самоцветными камнями…». Открывал бал русский танец под старинные русские мелодии, которые «перенесли нас в те времена, когда европейская мода еще не была введена в России», – вспоминала участвовавшая в танце княжна Варвара Долгорукова.

Император Николай II был в костюме, стилизованном под парадную одежду царя Алексея Михайловича Романова. Этот наряд единственный дошел до наших дней в первозданном виде и хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Маскарадный костюм императрицы Александры Федоровны, представшей на балу в образе царицы Марии Ильиничны Милославской,

Платье маскарадное княгини З.Н. Юсуповой из шелка с серебряным шитьем

Кафтан графа А.А. Бобринского из шелка с воротником-козырем

Кафтан маскарадный князя Ф.Ф. Юсупова («Боярин XVII века»)

первой супруги царя Алексея Михайловича, ныне являет собой сердце экспозиции Галереи костюма Эрмитажа. Он был создан по эскизу художника Императорских театров и знатока русского костюма Евгения Петровича Пономарева, чей рисунок костюма почти полностью повторял изображение царицы Марии Ильиничны на иконе «Поклонение кресту» 1677 года из Теремной церкви Распятия Московского Кремля.

Наряд императрицы сохранился практически полностью: платно (царская одежда XVI–XVII веков для торжественных церемоний. – **Прим. авт.**) из золотой парчи, отделанное серебряным глазетом и вышивкой серебряной нитью, коруна, расшитая искусственным жемчугом, туфли с золотым шитьем. На балу роскошный наряд дополняло наплечное украшение в виде широкого круглого воротника – бармы, расшитые изумрудами и бриллиантами и украшенные бахромой жемчужин. Для их изготовления были привлечены мастера прославленной фирмы Фаберже, которые отобрали лучшие драгоценные камни из «не знающей равных коллекции российской короны».

Иногда некоторые посетители экспозиции сетуют, что сохранившиеся в Эрмитаже маскарадные костюмы первых лиц Российской империи выглядят не столь роскошно, как на фотографиях с бала. В Галерее костюма терпеливо поясняют, что в изобилии украшавшие наряды коронные и фамильные драгоценности, подлинные старинные пуговицы и пояса были сняты с костюмов вскоре после празднества и большей частью канули в Лету в годы революционного лихолетья.

В центре фото костюм маскарадный императрицы Александры Федоровны «Одежда царицы Марии Ильиничны» (платно, коруна и убрус)

На выставке в изяществе кроя и изысканности отделки соревнуются бальные боярские платья великой княгини Ксении Александровны и княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой. Оба наряда исполнены выдающимися портнихами царской России: поставщицей высочайшего двора Авдотьей (Евдокией) Ивановой и поставщицей Ея Императорского Величества Александры Федоровны Надеждой Ламановой (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2017 год, статья «Королева иглы и нитки». – **Прим. ред.**). Об Ивановой говорили, что «она отличалась изящным вкусом и особым умением шить длинные платья». А о работе Ламановой для бала княгиня Варвара Долгорукова вспоминала, что «одни из самых красивых костюмов были сшиты Ламановой на заказ. Они до мельчайших подробностей повторяли старинные наряды».

Среди сохранившихся и представленных в экспозиции мужских костюмов с наибольшей исторической точностью сдела-

Туфли к костюму императрицы с цветными стеклами, имитирующими изумруды

ны наряды графа Алексея Александровича Бобринского – боярский костюм с подлинными пуговицами XVIII века, и князя Дмитрия Борисовича Голицына – костюм начальника царской охоты с воротником-козырем и вышитыми золотом на груди и спине двуглавыми орлами.

13 февраля 1903 года с большим успехом бал был повторен уже в более просторном Концертном зале Эрмитажа. «Как и следовало ожидать, столь замечательное событие сразу же вошло в историю», – вспоминала позднее великая княгиня Мария Георгиевна, чей немного театральный костюм «крестьянки города Торжка» также красуется на выставке. «Сон наяву», «единственный в своем роде» – именно таким запомнился этот праздник его участникам и современникам.

Спустя годы скитаний после революции 11 маскарадных костюмов в русском стиле, как спасшиеся после кораблекрушения пассажиры, вышли на берег и обрели постоянную прописку там, где блистали на том самом историческом балу. А посетители Галереи костюма Эрмитажа получили уникальную возможность их увидеть.

Костюм маскарадный начальника царской охоты XVII века князя Д.Б. Голицына

В РУССКОМ СТИЛЕ

«Правый берег» выставочного пространства привлекает не только знаменитыми маскарадными нарядами. Здесь представлены редко встречающиеся костюмы царских кормилиц. «В инвентарные книги их записывали как «костюмы мамки», – рассказывает Нина Ивановна, – и это правильно, потому что в формулярных (послужных) списках указано: род занятий – «мамка».

В собрании Эрмитажа таких костюмов целых восемь. Все они парадного свойства – для торжеств, когда «необходимо было представить царственного младенца». Их покрой напоминает традиционные народные одежды: сарафан, телогрею, кокошник, а по стилю и богатому декору они схожи с придворными нарядами – приталены, сшиты из дорогих тканей – шелкового штофа, муара, парчи, украшены золотым и серебряным кружевом, искусственным жемчугом.

Парадные костюмы царских кормилиц

Палитра костюмов в русском стиле – от нарядов великих княжон до платьев В.М. Зайцева

Не обошлось на выставке и без детских костюмчиков цесаревичей и великих княжон. В маскарадном боярском кафтанчике из серебряной парчи с застежкой на три бубенчика и отделкой мехом соболя и лихо заломленной набок собольей шапочке цесаревич Алексей Николаевич позировал для фото в Царском Селе в возрасте 7 лет. Рядом с костюмами кормилиц представлены рубашечки-косоворотки наследников царского престола, подпоясанные монастырскими поясками с благожелательной молитвой. Это были верноподданнические подношения, и их, как правило, не носили. Миниатюрный костюмчик «в русском вкусе» из кофты и передника, сшитых из вышитых крестом красных, синих и белых полос, а также кружевных вставок, принадлежал одной из княжон последних Романовых. Такой костюм стал популярен в городской среде и аристократических кругах с 70-х годов XIX века. Прообразом для него послужил народный костюм, поэтому для определенных кругов он воплощал собой связь с народной традицией.

Кокошники маскарадные и кокошник кормилицы *(справа)*

Эта связь не прервалась и после революции. Более того, в 1923 году бывший модельер царской России и основоположник советской школы моделирования Надежда Петровна Ламанова в статье «Русская мода» заметила, что «национальный костюм более или менее отдаленной древности по мановению ока может стать самоновейшею модою». Ведь «основные формы народного костюма всегда мудры». Но работы первых советских модельеров в русско-народном стиле на выставке, к сожалению, не увидеть. «XX век мы потеряли полностью. У нас его нет. Советский период мы не собирали, только сейчас спохватились, когда уже, собственно, поздно. Многое перешивалось, снашивалось», – сожалеет Нина Ивановна.

Тем не менее здесь представлены прекрасные костюмы художников Ленинградского дома моделей одежды 1980-х годов. Вневременное по стилю платье из павловопосадских платков с крупными розами Лилии Нефедовой 1986 года вполне могло бы соперничать с современными цветочными нарядами дизайнеров известных брендов. Обращение к национальным истокам выделяет костюмы певца русского стиля в отечественной моде Вячеслава Михайловича Зайцева. В Галерее костюма модели из знаковых коллекций мэтра: «Тысячелетие Крещения Руси», «Тайны гармонии», «Истоки».

В Эрмитаже текстильное «наследие прошлого» нашей страны, будь то императорские мундиры, светские платья, маскарадные наряды или советские костюмы, бережно сохраняют. Пополняют фонд и работами современных российских модельеров. Ведь Государственный Эрмитаж, как заметил его директор, «кроме всего прочего, музей русской истории и русской культуры, и это и есть его стиль». Русский стиль во всей полноте традиций и трансформаций.

На охотничью тропу Валерий Яковлевич вывел сына Павла и дочь Марию

ВОЛЧАТНИК

АВТОР
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ИЗБЕ СУМРАЧНО. НЕ РАЗБЕРЕШЬ, ТО ЛИ НОЧЬ, ТО ЛИ РАННЕЕ УТРО. ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ, СТАРАЯСЬ НЕ ШУМЕТЬ, НАТЯГИВАЕТ ВЫСОКИЕ РЕЗИНОВЫЕ САПОГИ. ИЗ КОМНАТЫ РАЗДАЕТСЯ НЕДОВОЛЬНЫЙ ШЕПОТ: «ТРИ ЧАСА УТРА! ПАПА, ДАЙ ЧЕЛОВЕКУ ПОСПАТЬ!» ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ВОПРОСИТЕЛЬНО СМОТРИТ НА МЕНЯ, НО Я УЖЕ ОДЕЛСЯ И ГОТОВ К ВЫХОДУ.

НА УЛИЦЕ ЗЯБКО. В НЕбе висит бледный полумесяц. Мы пробираемся через поле по заросшей, мокрой от росы тропинке. «Волки-то тоже не любят по росе ходить, – негромко говорит мой спутник. – Дороги предпочитают». Поэтому чтобы подманить волков, Валерий Яковлевич обычно выбирал место на перекрестке. К дереву пристраивался и выжидал. Слушал, что вокруг происходит, а затем начинал вабить. Пока волчатник шепотом рассказывает все это, мы доходим до опушки. Здесь еще клубится туман. И мне кажется, что тут, на границе темного леса, Валерий Яковлевич поведает главную тайну вабы – искусства подманивания волков. Расскажет, как он вабит, а волки ему отвечают и, приняв за своего, выходят на зов, забыв об осторожности…

ВАБА

«Отец вабил в два колена, – говорит Валерий Яковлевич. – И друг его Николай Горюнов – тоже. А я – в три колена». Он складывает ладони в рупор, подносит их ко рту и протяжно выдает: «Оу-оу…» Передохнув, продолжает чуть громче: «Оу-уо...» И, наконец, третье колено, еще громче: «У-у-у…»

Меня предупредили, что двигаться во время вабы нельзя. Я стою и внимательно вглядываюсь в темную громадину леса. Жуткое ощущение. Если бы я не знал, что рядом со мной волчатник, то был бы уверен, что слышу вой серого хищника. Валерий Яковлевич шепчет мне в ухо, словно волки рядом: «Я сейчас вполсилы подал голос, надо стоять и слушать. Нет реакции, можно еще раз повторить. Если и в этот раз ответа не будет, значит, волков нет поблизости. С места не сходи. А то они подойдут бесшумно. Ружье наготове надо держать…» Но ружье волчатника осталось дома – в чех-

В лесную деревушку Каймар волки не заглядывают, но их вой сюда доносится

ле на стене. Я забеспокоился. А Соснин продолжает шептать, что как-то раз вабил, волк ответил, а откуда донесся его вой, понять было сложно. Соснин пошел наугад по взгорку. Видит – волк стоит. Заметил человека – и ходу. «А вот еще случай был. Ехал рано утром на велосипеде. Шатун скрипит. И вижу: четыре волка стоят на дороге. Смотрят. Скрип велосипеда их привлек. Но такое редко бывает… Ну, пойдем еще прогуляемся. Эх, ноги плохо ходят!» – жалуется Валерий Яковлевич, которому исполнился уже 81 год.

У высохшего пруда Соснин нашел место, где кабаны разрыли землю. Здесь он вабит еще раз. Но отклика нет. Даже деревенские собаки молчат. Соснин машет рукой и говорит, что пора возвращаться. Совсем рассвело, туман рассеялся, и уже видны крыши деревни Каймар. Лет десять назад в это время по ее улицам гнали на выпас табуны лошадей, а теперь в ней доживают век 15 человек. В том числе и Валерий Яковлевич с дочерью Марией.

Вообще-то на такую длительную прогулку волчатник решился впервые за лето, так как тяжело переболел зимой. «Коленки как деревянные. В горку идешь, а назад – уже постоять тянет», – вздыхает Соснин. Мы бредем в деревню. Волчатник по привычке высматривает места, с которых можно было бы провабить. «Бывало, и признаков волков нет, идешь ночью при луне и подвываешь наугад. Вдруг какой-нибудь волк откликнется. И откликались», – вспоминает он прошлые времена. В голосе его слышна тоска. Волки не откликнулись и в это утро. Последний волчий след нашла его дочь Мария недели две назад. Она ночевала в палатке в лесу у пруда – караулила бобров, чтобы сфотографировать. Услышала, как волк провыл четыре раза, где-то у линии ЛЭП, идущей через лес. Вместе с отцом они потом осмотрели это место и нашли на дороге след, уже замытый дождем. В тот же день поздним вечером отец и дочь провабили. Но никто не откликнулся… «Вот, выл, а деревенские собаки даже не среагировали», – жалуется Валерий Яковлевич дочери, когда мы возвращаемся в избу. «Слышала!» – отвечает Мария. Пока мы гуляли, она выходила на крыльцо и слушала вабу отца. Дочь знает ее от первой до последней ноты, но не упускает случая послушать ее. Говорит, что всегда какая-то новая «струна» прозвучит. В том, что отец точно копирует волчий вой, у Марии сомнений нет. Она уже много лет учится у него вабить. Вот и сейчас они обсуждают детали вабы. Валерий Яковлевич, словно учитель пения, показывает Марии какие-то приемы. Ну где еще услышишь, как отец учит дочь выть по-волчьи?

Соснину не нравится, когда дочь употребляет слово «ваба». «Отец мой слово «ваба» не употреблял, он говорил «отзывать волков», – ворчит он. Кстати, скоро у Соснина появится еще одна ученица: в Каймар

Для того чтобы рассказать историю своей династии, надо выпить не один чайник и не один самовар

из Тулы приедет кандидат биологических наук Ольга Терешкина. И я догадываюсь, с чего начнется обучение. Наверняка Ольге расскажут о дедушке Марии – Якове Павловиче Соснине. Он так искусно подражал волчьему вою, что его приглашали обучать вабить охотников в разные регионы. В Каменской области – была такая между Воронежем и Ростовом-на-Дону – он даже курсы вабы организовал. На хранящейся в семейном архиве Сосниных фотографии основатель династии волчатников стоит в парадной форме лейб-гвардейского полка и с обнаженной шашкой.

ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

Яков Павлович Соснин родился в семье кузнеца в волжской деревушке в 1889 году. Из-за высокого роста попал служить в один из гвардейских полков и был направлен в Варшаву. Демобилизовался в 1914-м. Но с началом Первой мировой пришлось вернуться в строй. В 1917 году, увлекшись революционными идеями, Соснин вступил в партию большевиков. В 1936 году после окончания Ленинградского коммунистического университета, где он нашел себе жену, с семьей был направлен в Саранск директором совхоза. «Был он человеком могучим. Отличный рост, внушительная фигура, 110 килограммов веса», – вспоминает Валерий Яковлевич. В силе уступал только популярному борцу Федору Кожемяке, получившему известность в 1920-е годы. С ним он боролся, когда известный силач выступал на гастролях в Нижнем Новгороде.

В 1945 году обком партии поручил Якову Соснину организовать борьбу с волками. Во время и после войны беда была с серыми, наносившими серьезный урон хозяйствам. Случалось, и на людей нападали. Соснин-старший собирал жалобы с мест, выезжал, вабил. Если волки откликались, то определял, где флажки развесить, откуда загон делать, где стрелков ставить. Выполнял функции окладчика – главного человека в облаве на волков. Облавы Соснин обдумывал как военные операции: изучал карты, рисовал схему загона, стрелковую линию. Все заносил в специальные тетради. Валерий Яковлевич помнит, что когда отец брал его с собой, то волчатника везде встречали как почетного гостя, угощали медом и стерлядью.

Вабить Яков Павлович учился у самих волков и по книгам: о вабе и окладчиках писали Иван Бунин, Егор Дриянский, Николай Зворыкин. И неожиданно для себя заработал репутацию колдуна. Дело было так. У села Малые Манадыши Атяшевского района Яков Павлович добыл двух волков. Тогда было принято благодарить волчатника бараном, но председатель колхоза отказался, сославшись на то, что стадо неукомплектовано. «Ну, пусть вам стадо волки укомплектовывают», – ответил бывший гвардеец и ушел. А через неделю оставшиеся волки 36 овец за-

Искусство вабы требует многолетней практики

драли. Вот и пошла молва, что Соснин от обиды натравил серых хищников.

Позже Яков Павлович перестал и облавы организовывать – после того, как охотники возмутились, что Соснину, как окладчику, премиальных больше доставалось. Рассердился волчатник и с тех пор решил охотиться на волков только с сыном, из которого воспитал себе помощника.

Первый урок вабы отец преподал Валерию в Капасовском лесу Атяшевского района. Яков Павлович неожиданно прошептал на ухо сыну: «Попробуй, провабь!» Мальчик зажмурился, набрал воздуха и завыл. Волки откликнулись хором. «У меня в груди так и заходило все… Нутро перевернулось. Мне, семикласснику, волки откликнулись!» – вспоминает волчатник.

Валерий Яковлевич говорит, что отец приносил из Общества охотников разные книги о волках. Но эта литература, по мнению Соснина, скучновата. Валерий Яковлевич еще в молодости начал разрабатывать свою методику, прилежно штудировал все книги, какие мог найти, советы проверял на практике и многое отсеивал. «Отец меня называл фанатиком, – вспоминает он. – А мать ему отвечала, что он сам такой. Все свое свободное время я тратил на походы в лес, искал волчьи следы, слушал вой. Волки и стали учителями».

Отец рассказывал сыну, как он однажды всю ночь перекликался с волком. Устал и уснул у дерева. Проснулся от того, что кто-то покусывает кончик его сапога. Волк! Зверю стало интересно, кто с ним перекликался. Сын над отцом из-за этого случая подсмеивался, пока сам не попал в такую же ситуацию. Он тоже всю ночь перекликался с волком. Присел у стога сена отдохнуть и задремал. Разбудило его какое-то шмыганье: прямо перед ним стоял молодой волк. Только потянулся за ружьем, как зверь сбежал…

Валерий предложил отцу между собою в лесу по-волчьи перекликаться, чтобы обмануть волков. Заходят они в лес. Отец вабит – волки молчат. Сын ему с расстояния в полкилометра отвечает. И только тут волки начинают подхватывать. Идут на вабу, чтобы разобраться с чужаком, зашедшим на их территорию.

В искусстве подражания волчьему вою Валерий превзошел не только отца, но и всех знакомых охотников. Некоторые из них пользовались кувшинами без дна или стеклом керосиновых ламп: дули в него, вставали на колени, чтобы звук стелился над землей. Но над всеми этими дедовскими способами Соснин только смеялся.

В 1962 году у села Лысая Гора Ельниковского района волки 102 овцы уложили. Резонанс от этого волчьего разбоя был большой. Председателя регионального общества охотников вызвали местные власти и потребовали ликвидировать стаю. Он с другом неделю ездил на мотоцикле и подвывал волкам. Однако зверей не нашли.

Мария перенимает мастерство вабления у отца

И явились на поклон к Якову Павловичу. Но бывший лейб-гвардеец ехать отказался, показал на сына – студента биологического факультета: «Вон – молодой. Если с ним договоритесь…» На самолете Ан-2, «кукурузнике», Валерий долетел до райцентра Старое Синдрово, пошел на Лысую гору, за которой раскинулся бор. Начал вабить. Не откликаются волки. Валерий понял, что его предшественники насторожили их, когда с мотоцикла выли. Соснин волков все-таки выследил, организовал облаву с флажками. Волков подстрелили, люди успокоились. Правда, декан биологического факультета, на котором учился Валерий, узнав о подвиге своего студента, лишил его стипендии за самовольную отлучку с осенних сельхозработ. Так к Валерию Яковлевичу пришла слава. И понимание, что охота на волков – труд неблагодарный.

Свидетельством тому – скромное убранство избы волчатника. Единственные ценные бумаги здесь – почетные грамоты за отстрелянных волков. А единственное украшение дома – красивые пучки сухих трав под потолком. Собрала их Мария – ботаник по образованию. Все рассказы отца о том, как он подманивал волков, ей известны с детства. Она и ее брат-близнец Павел выросли среди разговоров о волках и рядом с самими волками. Ведь отец часто приносил домой волчат…

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Я привез Сосниным сюрприз. Перед тем как отправиться к Валерию Яковлевичу в гости, я списался с другом его юности. Биолог Павел Бородин из Кирова прислал описание вабы Валерия Соснина, свидетелем которой он был. «В 1966 году Валера решил посетить район предполагаемого волчьего выводка в 15–20 километрах от биостанции Мордовского госуниверситета. Мы добирались два дня. На присутствие волков указывали их следы. Придя под вечер в лес, мы разделились для подслуха. Я расположился рядом с квартальным столбом, чтобы можно было наблюдать за происходящим на пересечении просек. В сумерках прошла группа из 10–15 работниц лесничества, которые, смеясь, направлялись домой после рабочего дня на подсочке сосен. И тут раздался вой взрослого волка, его подхватил хор волчат с тонкими голосами и подлаиванием – в общем, та еще полифония. Я представил себе, как где-то на полянке стоят и, задрав головы, воют крупные звери, способные в одиночку загрызть человека, а их обступили и копируют щенята. Обычно эти звуки вызывают страх у людей. Но на поведение женщин вой не оказал никакого влияния. Работники лесничества уже привыкли к такому, а это говорило о постоянном месте расположения выводка. И вот тут густым басом завыл Валера. Волки ему откликнулись. Новый солист в этом ансамбле стал

Анатолий Яковлевич Митронькин *(слева)* тоже когда-то учился у Валерия Яковлевича Соснина, как подманивать волков

для женщин неожиданным, пугающим, они всполошились. Остановились, стали что-то обсуждать, а затем потрусили назад к лагерю. Через некоторое время они быстрым шагом прошли мимо меня, но уже в сопровождении мужчины с топором. Он громко успокаивал женщин: «…если выскочит волк, то я его». «Да, был такой случай, – улыбается Соснин, прочитав письмо. – А однажды в меня стреляли как в волка». В Ардатовском районе за рекой Алатырь Соснин вышел при закате солнца на какую-то луговину. Завыл. Вдруг – сноп огня. На кордоне в окне лесник с ружьем кричит: «Только сейчас волк выл!» Соснин признался, что он это вабил…

В СССР за убитых волков выплачивалась денежная премия. «Росохотрыболовсоюз» объявлял конкурсы на добытых волков. Были времена, когда Соснин добывал более 16 волков за год. В один год добыл 34 волка. За особые достижения у Валерия Яковлевича было разрешение охотиться на волков в запретные для других охотников сезоны.

Яков Павлович умер в 1986 году, счета убитым серым не вел, но с сыном, чье превосходство признал, на волков ходил до последнего. От него Валерий узнал, что волки не только воют, но и… ругаются. Первый раз столкнулся с этим явлением, когда под селом Мурань Кочкуровского района вечером на вабу отца откликнулись волки. Валерий сидел в кустах на краю поляны. На закате на старую вырубку вышел матерый волк. Отец шепчет сыну: «Не стреляй. Облаву созовем». Следом за волком прошла волчица. За ней – шесть волчат. Прыгнули на мать с разных сторон. Поиграла она с ними и стряхнула. Ушли волки. Когда стало темнеть, звери назад прошли своим же следом. А когда отец с сыном расположились на ночевку на кордоне, услышали, как гавкает волчица. Соснин-старший послушал и объяснил сыну: «Волчица нас ругает». Валерий до того и не подозревал, что волчица может гавкать как овчарка. Непривычно и жутко было слышать такое ночью…

С семейством Сосниных я знаком давно – еще с тех пор, как они жили в городе в своем деревянном доме. Помню, что, навещая их зимними вечерами, заставал хозяина за разматыванием катушек с красными флажками. Помню и его супругу – библиотекаря Ольгу Германовну. Первая жена Соснина не разделяла его страсть к охоте на волков. Зато во второй он нашел верную соратницу.

Лет двадцать назад Соснины перебрались из города в деревню: жизнь в городской суете дороже и утомительней, да и спокойствия хотелось, ведь дом семьи находился рядом с железной дорогой. Переехали Соснины в Каймар, где Валерию Яковлевичу предоставили должность егеря.

В деревенскую школу помимо Марии и Павла Сосниных, ходил только один парень старше их на шесть лет. С Сосниными он не общался.

Своим детям 81-летний волчатник оставит славу своей фамилии и любовь к природе

А летом на дверях школы повесили большой замок. Как выяснилось, единственный старшеклассник получил образование, содержать школу в вымирающей деревушке ради двух детей местные власти посчитали нецелесообразным. Родителям предложили отдать детей в школу соседнего Старого Синдрова или самим туда перебраться. Но Соснины уже завели большое хозяйство, огород, скотину. Так что пришлось заключить контракт с районным отделом образования и самим обучать детей по школьной программе. У Валерия Яковлевича – высшее биологическое образование, у жены – филологическое. Отец преподавал точные и естественные науки, мать – гуманитарные. В конце каждой четверти детей возили в школу соседнего села, где их знания проверяли, а по итогам испытаний продлевали контракт. Эта домашняя школа действовала четыре года. Проверять Сосниных приезжал глава района, увидел дружную семью, пироги с клюквой и большую библиотеку. С удивлением узнал, что в деревне живет один из лучших волчатников страны, в переписке с которым состоял известный журналист Василий Песков.

Жили они, надо сказать, сурово. Чай варили из трав, конфеты заменяли сладкими кореньями, обед обычно составляла дичь, добытая отцом. Дети помогали заготавливать дрова. По вечерам просили мать вслух читать им любимого «Робинзона Крузо». А когда глава семьи уходил на охоту и долго не возвращался, то мать и дети садились у окна, барабанили пальцами по стеклу и вслух звали папу.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Последние три класса близнецы ходили в среднюю школу соседнего Старого Синдрова. Утром 12 километров в школу по лесной дороге, после занятий – обратно. Зимой иногда удавалось выпросить у соседей лошадь, которую запрягали в сани, иногда выручал старенький «запорожец», но он так часто ломался, что чаще полагались на лыжи. В сильный дождь или снегопад Ольга Германовна встречала детей на половине дороги.

Домашнее обучение в лесу не помешало близнецам выдержать экзамены в высшее учебное заведение. Приезжая с последним автобусом в Старое Синдрово, они шли пешком в деревню. Отец их по привычке спрашивал: «Волчьих следов не видели?» За время жизни в Каймаре он с волками сталкивался считаные разы. Как-то, преследуя волков, он сорвался зимой в глубокий овраг и, получив множество переломов, решил, что его карьера закончена. Но, выздоровев, понял, что останется волчатником. Пару раз он отстоял деревню от волков, когда они повадились таскать собак и загрызли скот.

Была у Сосниных традиция: в августе или сентябре вся семья уходила глубоко в лес. Отец вабил, и они все вместе слушали волчьи концерты. Большой любительницей волчьего воя была Ольга Германовна. Мария

Из черепа убитого волка получится сувенир...

вспоминает, что иногда она подолгу просиживала у открытого окна, слушая завывания какого-нибудь одинокого волка. Любимой книгой Ольги Германовны было сочинение Фарли Моуэта «Не кричи: «Волки!». Иногда Валерий Яковлевич брал жену с собой на охоту. Бывало, волки, привлеченные вабой мужа, к ней на расстояние вытянутой руки подходили. Ольга Германовна оставила красочное описание волчьих хоров: «В сумерках пришли с мужем на место. «Оля, ты только ничего не бойся и ни в коем случае не отходи от меня, ладно?» Очень многообещающее начало... Немного выждав, муж начал вабить, то есть искусно подражать голосу волка, подзывая его. И вдруг, внезапно, слева от нас, да какой там слева! – весь лес наполнился сильными мелодичными и радостными голосами (ни капли волчьей тоски не слышалось). Это совсем рядом откликнулась, запела волчья стая! Пело не менее шести прибылых. Словами передать нельзя. Могу сравнить с весенним трубным кличем журавлей на болоте рано утром или с органной музыкой! У меня вмиг возникло желание пойти к этим лесным певцам! Смолкли... Муж подзадорил их еще. Опять весь лес наполнился пленительными чарующими звуками. Хорошо поют! Но тут откуда-то издалека донесся протяжный вой матерого волка. Соснин ответил и приготовился. А в лесу меж тем совсем темно стало. Но волка, бежавшего навстречу нам, можно разглядеть».

…Ольга Германовна умерла этой зимой. Мария оставила работу в Мордовском государственном природном заповеднике и теперь ухаживает за отцом, ведет хозяйство и присматривает за редкими видами орхидей, любовь к которым привила ей мать. В 2014 году она обнаружила в Каймаре большие плантации ладьяна трехраздельного из семейства орхидных, который считается исчезающим видом и включен в Красную книгу 47 регионов России. Чтобы его сохранить, Мария ратует за создание особо охраняемой территории в окрестностях села Каймар.

Она рассказывает, что не боялась ходить в загон на волков еще девчонкой, выучилась у отца вабить. Иногда Мария пользуется вабой в необычных целях. Например, нынешним летом, спасаясь от жары, она ушла спать из избы в палатку на улице. А у соседа-охотника всю ночь брехали собаки. Спать не давали. Мария провабила молодой волчицей. Собаки испугались и больше голоса не подавали.

Зоологу Ольге Терешкиной Мария тоже покажет свое искусство. И я догадываюсь, каким голосом завоет ее отец, когда на окраине леса будет давать уроки новой ученице. Будет ли это утром или вечером, при луне или в полной темноте, но над лесом, где он любил бродить со своей женой, разнесется полный тоски голос старого одинокого волка. И в нем не будет ни одной фальшивой ноты.

АТМАНОВСКИЕ КУЛАЧКИ

АВТОР
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

В ТАМБОВСКОМ СЕЛЕ АТМАНОВ УГОЛ ТРАДИЦИОННЫЙ СХОД СТЕНКА НА СТЕНКУ ПРЕВРАТИЛСЯ В БОЛЬШОЙ ЭТНОФЕСТИВАЛЬ «АТМАНОВСКИЕ КУЛАЧКИ».

«КАК САМОЧУВствие? – интересуюсь утром у Сергея Владимировича Подчуфарова. – Чувствительно бьют?» Поглаживая бока, Сергей Владимирович улыбается и отвечает: колотят сильно, но не калечат. Рука и ребра побаливают, кое-где синяки выступили. Но Подчуфаров доволен: вчера в кулачных боях по народным правилам мог выступить любой желающий. А вот на сегодняшних боях он будет только зрителем: в спортизированном кулачном бою стенка на стенку участвуют только профессионалы.

…Палаточный городок, в котором разместились гости этнофестиваля «Атмановские кулачки», постепенно просыпается. Способствует этому и волшебный аромат свежего плова, который готовится на углях в огромном казане. Вокруг него собираются бойцы, обсуждают вчерашнюю стенку, демонстрируют синяки и ссадины. Сергея Владимировича уважительно хлопают по плечу: «Живой дед! Молодец!» Между прочим, Подчуфаров – известный боец, последние десять лет геодезист из Мытищ постоянно участвует в соревнованиях. Вчера перед началом схода стенка на стенку ведущий торжественно назвал его имя и возраст – 60 лет! Правда, он не самый старший участник нынешнего фестиваля: тамбовчанину Владимиру Пучкову – 63 года!

КИЛА, РЮХИ И ДРУГИЕ

Слова «Атмановские кулачки» здесь можно встретить на чем угодно: на флагах, полотенцах, инкрустированных ларцах, деревянных ложках, кувшинах и уж тем более на футболках. Как и поговорки «В кулаке обмана нет» или «Добро должно быть с кулаками». И везде – многочисленные рисунки внушительных кулаков. Так что неудивительно, что, увидев зеленую футболку с надписью «Земляные работы особого назначения», я поспешил познакомиться с ее владельцем. Анатолий Тедорадзе – член оргкомитета традиционных игр «Атмановские кулачки», член правления Федерации этноспорта России. Он зафиксиро-

вал и описал феномен русских традиционных игр «Атмановские кулачки», которые в 2013 году внесены в реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. Перекрикивая стук молотков и визг бензопил – в одном углу готовится площадка для старинной русской игры в рюхи (городки), в другом переделывают дощатую вышку для телевизионщиков, – Анатолий Тедорадзе объясняет, что происходит на центральном поле. Сейчас там играют в килу – старинную русскую игру с мячом, известную еще со времен Новгородской республики. Чуть морщась, Анатолий говорит, что кила – это игра типа регби. Ему не нравится это сравнение, но так легче объяснить зрителям, на что они смотрят.

…Ветер полощет узкие белые флаги с красными ромбами и надписями, выставленные по углам центрального поля, зелень которого прочерчена белыми линиями. Мимо проходит юный скрипач – картуз, ремень, сапоги, футляр за спиной, рубашка в цветочек, бубен на цепочке. На поле, где играют в килу, он бросает мимолетный взгляд и шагает дальше. Вот появилась стайка девушек в венках. Им тоже не до килы. С бóльшим интересом они наблюдают за парнями, проходящими вдоль ограды центрального поля. Голые торсы, лямки рюкзаков, банданы. Это бойцы, которые спешат взвеситься и зарегистрироваться для участия в кулачных боях. И они почти не обращают внимания на килу, за исключением тех моментов, когда игроки сходятся врукопашную. Президент Федерации килы Дмитрий Черняк такое невнимание к любимой игре понимает: зрители приехали посмотреть на кулачный бой стенка на стенку. А кила только возрождается и еще наберет популярность, уверен он. На фестивале «Атмановские кулачки» эту игру показывают впервые.

«Кулачки вечером – неправильно! Ждать долго!» – жалуется сосед по лавке. Он провожает взглядом юношей в белых косоворотках, которые несут поленья – после кулачного боя будет примирительная трапеза для соперников. Зрители, по-прежнему игнорируя килу, все чаще смотрят в сторону ринга, где идет взвешивание бойцов для вечернего кулачного боя по народным правилам.

Рядом со мной присаживается старожил села – 70-летний Николай Васильевич Шиндяпин. Разговорились. Оказывается, раньше в селе было 850 дворов. Кулачные бои проводили на Троицу, бились с соседним селом Троицкая Вихляйка. «Лежачих не били. Кто руку подымет, тот выходил из игры. Сначала один на один бились. И я дрался один на один», – разглаживает усы старый боец. И продолжает рассказывать. Престольный праздник в Атмановом Углу – Успение Пресвятой Богородицы. На Успение сельчане бились между собой. Раньше в селе жили отхожими промыслами, но как бы далеко ни работали мужики, приезжали домой на кулачки. Бились как раз на этой поляне, где сейчас в килу играют, «парадкой» ее называли. Участники боев надевали новые рубахи, хотя жены, конечно, ругались. На кулачки все село собиралось. В последний раз Шиндяпин выходил на кулачный бой в 1975 году. Потом ушел служить в армию, а когда вер-

нулся – традиционных боев уже не было. «В конце 1980-х обиходные драки пошли, хулиганские, правила нарушали. Пряжками били. Из рогаток стреляли. Кольями били. Но это уже неправильные драки», – хмурится старик.

Меж тем игра в килу подходит к концу. Победителям вручается приз – «Братина сильнейших» в форме двуглавой утицы из меди. Она была сделана в 2015 году, на ее донышке выгравированы названия ватаг-победителей прежних лет. Братину наполняют сбитнем, все участники игры встают в круг и пьют из нее. Атаман победившей ватаги замыкает круг, пьет последним, а остатки сбитня выливает на землю.

ДЕРЖАТЬ СТРОЙ!

Братину уносят. Игроки в килу уходят. На изумрудном поле – там, где веками бились на кулачках сельчане, – выстраиваются друг напротив друга группы разномастно одетых бойцов. Ведущие коротко объясняют правила народного кулачного боя. Не бить взашей, не бить в спину, не бить сбоку. Удары наносить только руками. Беречь товарищей. Бить в лицо или ниже солнечного сплетения нельзя. Бить упавшего запрещено.

Раньше по традиции кулачный бой начинали малыши, затем бились подростки, потом – женатые мужики. Мастера кулачного боя вступали последними. На фестивале же участвовать в боях могут только те, кому больше 18 лет. «Дети у нас в спортивных клубах занимаются, – объясняет Анатолий Тедорадзе. – На массовых мероприятиях у нас действуют ограничения».

Под песню «Сказ об Атмановских кулачках», в которой используется заговор на кулачный бой XVIII века, бойцы выстраиваются на поле. «Черная» и «белая» стенки готовы к схватке. Народ волнуется, ждет. Ведущие еще раз напоминают о том, что это не драка, а народная традиция, в которой надо соблюдать правила.

Бойцы каждой стенки выстраиваются в несколько рядов: впереди стоят семь-восемь человек, а в каждом следующем

строе число людей возрастает. Стоят не плотно – в кулачном бою удары размашистые. «Пошире становись! – призывают распорядители. – Задача кулачного боя – сбить противника с ног или вытеснить его за пределы площадки. Встречаетесь в центре поля. А мы посмотрим, какая стенка другую оттеснит!»

Участники боя выглядят поразному. У одних кулаки обмотаны бинтами, у других – нет. Кто-то с голым торсом, кто-то в футболке, а кто-то – в косоворотке. Кулачники ведут себя дисциплинированно, но заметно, что им не терпится сойтись в схватке. «Это что! Так, потолкаются, – машет рукой Николай Васильевич Шиндяпин. – А раньше как пойдут хлестаться! То наши погонят чужих за речку, то наших сюда погонят». Старик ворчит, что раньше традиционный костюм кулачника состоял из бойцовской рубахи, пояса, портов, сапог и картуза. А запястье обматывали шерстяной ниткой либо надевали специальные вязаные перчатки, оставлявшие пальцы открытыми. «Ну кто ж тут сейчас допустит настоящую драку!» – расстраивается Николай Васильевич. Однако с любопытством вглядывается в ряды бойцов, в нетерпении потирает руки и снова ворчит: «Мы так долго не говорили перед боем! Речей не вели! Сразу сходились. А перед боем была схватка лучших кулачников один на один!»

Словно услышав его, ведущие вызвали из каждой команды сильнейшего кулачника. Таких называют «надежа-боец». Василий из Раменского и Дмитрий из Москвы первыми начнут выяснение отношений на фестивале. Бойцы обмениваются ударами, но, говорит Шиндяпин, слишком частят. Затем сходятся пары кулачников. Эти бьются с размахом. Затем – трое на трое. Наконец, начинается первый кулачный сход стенка на стенку. И через несколько минут становится понятно, что «черная» стенка разбила «белую» на две части, прорвала ее центр, передний ряд рухнул, а задние бойцы не сумели заменить передних. Скоро битва перетекает из боя стенка на стенку в одиночные бои, которые идут под визг гармошки, вой скрипок и удары бубна. Это старается подмосковная фолк-группа «Туда-Сюда», чей руководитель Илья Ахрамеев, кстати, бьется в «черной» стенке.

Бойцы перегруппировались, вновь выстроились в многорядные стенки и под крики «Держать строй!» опять сошлись. На этот раз «белые» продавили «черных» так, что отвоевали у них половину поляны.

Начинается новый сход под барабаны и бубны. Слышны крики: «Давим! Давим!» Заметно, что кулачники устали, и зрители подбадривают утомившихся бойцов. Надо сделать еще один сход, а бойцов в стенках стало меньше: кто-то, не выдержав, покинул ряды.

Наконец стороны разошлись в разные углы. И становится понятно, что биться в стенке на стенку – очень тяжелое дело. Все кулачники выглядят помятыми. Они вытирают лица, падают на колени, ложатся отдохнуть на землю. Кулачники рвут траву, чтобы приложить к свежим ссадинам. Иные, как в детстве, ищут подорожник. Но что правда, то правда: счетов после боя друг с другом не сводят, не ссорятся, никто ничего не выясняет. Все мирно. Обид нет. Крови и разбитых носов

сегодня замечено не было. Машина скорой помощи дежурит у поля, но работы у врачей нет. По словам старожилов села, это сейчас газон вырастили для кулачек. А прежде на поляне пыль поднималась клубами во время кулачек. Мужики выбегали с поля боя, а рубаха в клочья, картуз потерян, волосы взлохмачены. А тут жены их поджидают, да еще наподдают за порванные рубахи. От речки Пишляйки сегодня один ручей остался. А раньше в речке умывались после драки.

К нынешнему кулачному бою у старожилов Атманова Угла, по сути, одна претензия: никто из кулачников им неизвестен. Вот раньше всех бойцов село знало по именам.

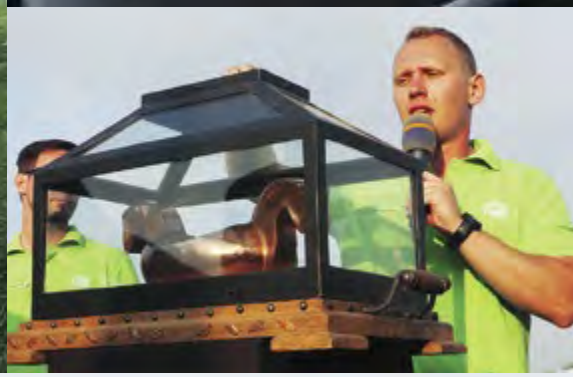
«Если сейчас на Троицын день прийти в Вихляйку, то там найдутся те, кто выйдет на кулачный бой. Даже не сомневайтесь! Наши ровесники соберутся обязательно», – мечтательно говорят жители села Неверовы, поглядывая на свои кулаки. Своего односельчанина Шиндяпина они рассмотрели издалека, но здороваться не стали. Старые счеты… У него, по их словам, со школы прозвище Ликер. На уроке химии надо было сказать «селитра», а он сказал «ликер». Под этим прозвищем Шиндяпин и выходил когда-то на кулачки.

Память старожилов сохранила говорящие прозвища атмановских кулачников. Василий Агафин – Жеребец, Сергей Квасов – Бык, Николай Колесников – Котик, Алексей Бурлин – Конёк, Иван Квасов – Драка. А значение прозвища бойца Александра Пивоварова с уличного порядка «Крым» – Санёк Заклишка – старожилам пришлось объяснить. Образовано оно от глагола «заклинивать». Заклинщик – это тот, кто вбивает клин. Прозвище свое Пивоваров получил за использование тактического хода во время кулачного боя стенка на стенку: вклинивался в стенку противника и проделывал в ней бреши, расталкивая всех локтями…

БОЙЦОВСКАЯ РУБАХА

В 1648 году традиция кулачного боя была привнесена переселенцами на тамбовскую оборонительную линию белгородской засечной черты. Основателем села Атманов Угол считается Савва Атманов «со товарищи». А вторую часть названия село получило за то, что углом врезается в большой глухой лес. Эта удаленность от больших городов и позволила сохранить здесь бойцовские навыки, несмотря на то, что советская власть искореняла традиции кулачных боев. В 1990-е годы атмановская традиция была подхвачена и возрождена на уровне самодеятельного этноспортивного движения Анатолием Тедорадзе.

«Кулачный бой в этом селе предстал перед нами не обиходной дракой, во что обычно перерождается традиция кулачных боев в отрыве от этнокультурного обряда, а «примерным боем», включенным в праздник села. Как и все населенные пункты в прошлом, Атманов Угол поделен на противоборствующие партии – сотни. Эти партии противостояли друг другу в коллективных кулачных боях. В Атмановом Углу сотни «Поволжье», «Крым», «Лягушачье» и «Промартель» выступали против сотен «Вшивка», «Терешата», «Соловьята» и «Село». Праздник проходил в центре населенного пункта, где с самого основания села бились на кулачках. Партии являются трансформированными реликтами муж-



ских союзов, в далеком прошлом ориентированных на функции военной дружины». Этот отрывок из книги «Исчезающие образы народных традиций и фольклора Тамбовского края» прочла мне вслух ее составитель, член РОО «Тамбовское общество любителей краеведения» Людмила Юрьевна Евтихиева.

На фестивале «Атмановские кулачки» она вела мастер-класс по шитью атмановской бойцовской рубахи. С начала 1990-х годов Людмила Юрьевна вместе с Анатолием Тедорадзе ходила по селам Сосновского района Тамбовской области в этнографические экспедиции. Анатолий был тогда студентом исторического факультета Тамбовского госуниверситета им. Г.Р. Державина, а она преподавала там этнографию. Тогда они и «открыли» традиции Атманова Угла и Троицкой Вихляйки. Старики утверждали, что шили в Атмановом Углу бойцовские рубахи: на горле застежка, рукава прямые.

Людмила Юрьевна разыскала натуральную бойцовскую рубаху в тот год, когда в Атмановом Углу провели первый большой фестиваль. У какой-то бабушки под крышей сенника висел узелок, из которого торчали сухие стручки фасоли. Людмила Юрьевна заинтересовалась – что это? «Да лохмотка какая-то, не знаю, куда деть, если ты залезешь сама и снимешь, забирай», – ответила бабушка. Людмила Юрьевна залезла. А когда развернула, то увидела, что это та самая бойцовская рубаха: следы крови не выцвели, множество заплат. Выяснилось, что рубаху бабушка шила племяннику, который приезжал из Москвы на праздники. На кулачки эту рубаху он надевал. Край обшивки ворота и горловина – малинового цвета. Вышиты они желтыми и синими нитками. «Встречь друг другу», – запомнила странные слова хозяйки Людмила Юрьевна. Когда прошлась иголкой по ниткам и выявила орнамент, ахнула: показались волчье ухо и пасть. Оказалось, это волки идут рядком – морда в морду. Чередуются – синий с желтым. Тогда и стало понятно, что имела в виду старушка, когда говорила «Встречь друг другу».

«Теперь эта бойцовская рубаха в моей коллекции, не продам ни за какие деньги! Это наш раритет, – объясняет Людмила Юрьевна. – Настоящими бойцами-кулачниками были не юноши, а семейные мужчины. Жена шила мужу бойцовскую рубаху и наносила инициалы. Это было в традициях семейной родовой культуры. Как тут гордятся бойцами! Вот был такой кулачник по прозвищу Вожжюня – Василий Петрович Квасов. Жилистый, среднего роста мужичок, без заметных мускулов. Мы со студентами ходили к нему. Он показывал, как нужно скручивать кулак. Как скрутил – так жилы у него в рукаве будто зазвенели. Я такое первый раз в жизни видела».

До палатки, в которой Людмила Юрьевна на мастер-классе представляет реконструкцию бойцовской рубахи, гости фестиваля обычно доходят редко. А зря. Она кроит рубаху в строгом соответствии с тем самым раритетом, найденным у бабушки. Но сегодня – знаменательный день. Нашлись ребята-кулачники, которые пришли и заказали ей целую партию рубах. И Людмила Юрьевна верит, что на следующих «Атмановских кулачках» одна из стенок выйдет на поле в настоящих бойцовских рубахах, по вороту которых будут бежать «встречь друг другу» синие и желтые волки…

ОСТРОВ ЕДИНЕНИЯ

АВТОР
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ МИКЛУХО-МАКЛАЯ К ПАПУАСАМ, МЫ РЕШИЛИ СЛЕДОВАТЬ БОЛЬШЕ ДУХУ ЭКСПЕДИЦИЙ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ЭТНОГРАФА И ГУМАНИСТА. ПО ВОЗМОЖНОСТИ И СПОСОБЫ ПУТЕШЕСТВИЯ НАХОДИЛИ СХОЖИЕ. НА ИНДОНЕЗИЙСКОМ ОСТРОВЕ СУЛАВЕСИ ПРЕДСТАВИЛАСЬ КАК РАЗ ТАКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ. ОТСЮДА, КАК И В XIX ВЕКЕ, МОЖНО ОТПРАВИТЬСЯ К ПАПУА – НОВОЙ ГВИНЕЕ НА КОРАБЛЕ.

ДО ЗНАМЕНИТОГО ПУтешествия к папуасам в 1871 году у Николая Николаевича Миклухо-Маклая был незначительный опыт дальних экспедиций: Канарские острова и Красное море. Остальные его странствия ограничивались Европой, где молодой Миклухо-Маклай получал образование. С 1869 года он стал членом Российского географического общества (РГО), где в октябре того же года одобрили проект экспедиции Миклухо-Маклая на Тихий океан. Главным образом потому, что Николай Николаевич показал себя перспективным ученым, написав немало серьезных научных статей на разных языках. Денег на экспедицию, правда, выделили недостаточно – 1200 рублей (предполагаемые расходы оценивались в 5 тысяч рублей. – **Прим. авт.**). К тому же Морское ведомство отказалось менять маршрут корвета «Витязь», на котором 24-летнему Миклухо-Маклаю предстояло отплыть из Петербурга: ученого согласились доставить только до Батавии (ныне – Джакарта), откуда до Новой Гвинеи он

Николай Миклухо-Маклай с немецким ученым Эрнстом Геккелем на Канарских островах. 1866 год

должен был добираться самостоятельно. Мать исследователя, Екатерина Семеновна Миклуха, отказалась выделить деньги на поездку даже в счет полагающегося сыну наследства. Так что Николаю Николаевичу пришлось продать за 300 рублей в Зоологический музей свою коллекцию морских губок. Некоторые члены РГО предоставили Миклухо-Маклаю приборы для научных исследований, кое-какие суммы пожертвовали меценаты. Поддержала ученого великая княгиня Елена Павловна. С ее помощью вопрос изменения маршрута «Витязя» с заходом на Папуа был решен положительно.

Незадолго до отплытия с Миклухо-Маклаем встретился великий князь Константин Николаевич, который пообещал, что через год после высадки на острове русское военное судно зайдет на Новую Гвинею и заберет ученого или то, что от него останется...

Главный собор евангелической церкви в Битунге

ПО СЕВЕРНОМУ «ЩУПАЛЬЦУ»

Сделав несколько пересадок, мы приземлились в столице Северного Сулавеси – городе Манадо. Уже по дороге из аэропорта остров предстал во всей красе: кокосовые пальмы, горные джунгли, дымящиеся вулканы. Проехали совсем рядом с гигантом Клабат – самым высоким (2 тысячи метров) вулканом острова. Это один из самых сейсмоактивных регионов Индонезии, последнее крупное извержение вулкана здесь произошло в 2016 году. Тянуло в джунгли, в предгорья этих вулканов. Как и во времена Миклухо-Маклая, эти леса богаты эндемичными животными и растениями.

Окраины Битунга похожи на деревню с примесью городского стрит-арта

И все так же у северной и южной части острова очень разные культурные традиции.

Остров Сулавеси, имеющий необычную форму, представляет собой эдакого «осьминога», распластавшегося на 800 километров. При этом центральная часть острова наиболее гориста и труднопроходима даже пешком.

Первыми европейцами на Сулавеси были португальцы, высадившиеся на острове в 1512 году. Они же назвали остров «Целебес» – так он звался вплоть до конца колониальных времен (во второй половине XIX века остров все еще оставался голландской колонией. – **Прим. авт.**). Для северной оконечности острова до сих пор в ходу историческое название «Минахаса».

Миклухо-Маклай побывал на Минахасе в 1872–1873 годах. Команда шхуны, на которой путешествовал ученый, почти в полном составе заболела малярией, и корабль должен был остаться в порту острова Тернате до выздоровления экипажа. Стоянка растянулась на полтора месяца. Николаю Николаевичу тоже нездоровилось, но он отправился исследовать Минахасу и высадился в порту Манадо. Интересовали Миклухо-Маклая и уникальная природа, и коренное население. Этнический состав Минахасы разнообразный,

его населяли восемь племен. Но жили они, судя по названию, мирно: «Минахаса» буквально означает «единение».

Мы пересекли северное «щупальце» сулавесского «осьминога» и оказались в портовом городе Битунг. Сразу стало ясно, что обустроиться путешественнику здесь непросто. Даром что крупный порт, на английском языке почти никто не говорит. Индонезийский язык мы только начинали осваивать. Пришлось форсировать процесс на месте.

Еще сложнее было подключить мобильный интернет в смартфоне. Сим-карты продают свободно, но в наших телефонах они не работают. Как выяснилось, всякий мобильный телефон, ввезенный в Индонезию, должен предварительно пройти регистрацию. Нашли в сети государственный сервис регистрации телефонов. Все данные заполнили, в итоге получили qr-код, который, как следует из предписания, нужно показать на таможне в аэропорту. Какой-либо иной способ зарегистрировать телефон продавцам сим-карт неизвестен. Не знаю, что бы мы делали, если бы не местный умелец, решивший вопрос за десять минут.

В Битунге люди улыбчивые, очень непринужденные, тут и там веселые компании – при церквях, во дворах; кто песни поет, кто в футбол играет. Архитектура напоминает игрушечную: церкви с множеством мелких псевдоготических украшений, миниатюрное подобие Эйфелевой башни…

Внимание местных к нам было повышенным. Проходящие и проезжающие на мотоциклах махали нам руками, расплывались в улыбке, а то и смеялись. С нами постоянно пытались сфотографироваться. Особенно увлекались селфи с нами в супермаркете – и покупатели, и продавцы. То же самое продолжалось и в уличном кафе, куда мы зашли поужинать. Зато повар здесь помог выбрать хорошую рыбу из разложенных на льду тушек и тут же приступил к ее приготовлению: жарил на углях с использованием комнатного вентилятора.

Глубоководная гавань Минахасы, куда заходят большие суда

Между тем мы столкнулись с первыми проблемами. В ходе онлайн-переписки с пароходной компанией выяснилось, что в ближайшие дни до отхода корабля офис и кассы компании не работают, а для иностранцев нет других способов купить билет. Наутро первым делом отправились в этот офис. К счастью, кассы все же работали, но остались только билеты первого класса. Пассажирские суда на Папуа отсюда ходят примерно раз в три недели, за два дня до отплытия билеты в третий и второй класс были распроданы. При этом местные спокойно брали билеты третьего класса без места. Бывалые путешественники утверждали, что теплоход огромный, свободного пространства на палубах много – место всегда найдешь. А кассир заверил, что на корабле свободное место в каюте найти будет проще. Поверили, купили билеты без места.

Угли повар раздувал комнатным вентилятором

Перед отплытием нужно было запастись лекарством от малярии. Вопреки ожиданиям, ни в аптеках, ни в госпитале ничего, кроме хинина, не было. Вот уж не ожидали: тот же самый хинин, который принимал еще Миклухо-Маклай! Фармацевт сообщил, что на Сулавеси почти нет малярии, потому и лекарств мало, а современные средства найдем на Папуа – там малярия обычное явление.

ЗА ДОБЫЧЕЙ

Как путешествовал Николай Миклухо-Маклай по Минахасе и чем занимался здесь, неизвестно. Дневниковых записей не сохранилось, остались только рисунки. Судя по подписям на них, побывал он в некой деревне Рурукау, где исследователя впечатлил воин в боевом облачении. Миклухо-Маклай тщательно зарисовал его, а головной убор с клювом птицы-носорога зафиксировал отдельно. Ученый купил снаряжение у воина. Эти уникальные предметы сохранились и, как утверждают специалисты, находятся сейчас в Кунсткамере в Петербурге.

До отхода нашего корабля оставалось два дня, и мы решили окунуться в традиционную жизнь Минахасы, для чего отправились на остров Лембех, что всего в километре от Битунга.

На Лембехе мы так ни разу не попробовали сладких бананов

Островитяне любят выкрашивать дома в яркие цвета

В порту Битунга нам повезло: мы познакомились с семейной парой. Хазрат и Эрфина пригласили нас в свой джип и пообещали доставить в деревню на Лембехе, где они живут. Знанием английского языка супруги не отличались, так что мы объяснялись на индонезийском с помощью электронного переводчика. Затем Эрфина позвонила своей племяннице, которая живет на острове Бали и хорошо говорит по-английски.

Лембех растянулся вдоль Сулавеси на 25 километров. Нам предстояло проехать в самую дальнюю, северную оконечность острова. Виды открывались впечатляющие: узкая дорога петляла сквозь горные джунгли, шла по краю обрывов и ныряла в ущелья. Сквозь широкую листву бананов просматривались живописные бухты. Через каждые несколько километров – небольшие деревни с яркими цветными домиками. Проехали и «деревню мертвых». Кладбище в самом деле смотрелось как некое поселение. На склоне горы в отдалении от деревень стоят небольшие приземистые домики из металла и каменных

блоков – такие же, что и дома живых, только в уменьшенном виде.

Остановились в родной деревне Хазрата. Наш гостеприимный хозяин надел ковбойскую шляпу, сунул сигарету в зубы, взял мачете и отправился за добычей. Это в бытность Миклухо-Маклая здесь ходили добывать кабана, питона или на худой конец обезьяну. Крупных животных на острове давно не осталось. Теперь главная добыча – фрукты. Хазрат срубил банановую пальму, показав мне, что добыл большую ветку бананов. Совершенно зеленых. Затем пришла очередь папайи – тоже неспелой, зеленой. Набрали ведро зеленых же манго. Только добытые кокосы смотрелись съедобно.

До деревни Лиранг на северной оконечности острова добрались к вечеру. И поняли, что не зря такой путь проделали. У деревенского причала пестрили оригинальные лодки с аутригерами – бамбуковыми выносными балансирами. Горы отражались в зеркале уютной бухты. С одной стороны мангровый лес, с другой – крохотные скалистые острова…

Местные племена используют аутригеры с незапамятных времен. С ними гораздо безопаснее в неспокойном море

КОКОС – ВСЕМУ ГОЛОВА

Дом Хазрата и Эрфины стоит на пригорке на самом краю деревни – за ним шумит кокосово-банановый лес. Хозяева выделили нам отдельную комнату. Хотя конструкция дома такая, что отдельной ее не назовешь: есть стены, но отсутствует чердачное перекрытие, словом, «потолок» у всех комнат единый – железная крыша. Соответственно, шумоизоляция отсутствует. Впрочем, как и «изоляция от москитов». Днем на солнце комнаты разогреваются по принципу духовки – накаляются вместе с крышей.

В первую очередь хозяева были озабочены тем, как накормить нас. Для начала нам дали выпить кокосы, затем – съесть мякоть ореха, потом взялись за зеленое манго… Оно оказалось немного кисловатым, но вполне вкусным. Манговых деревьев в деревне, кстати, множество. Зеленое манго здесь что-то вроде полудиких яблок у нас. Гуляющие у берега дети рвут их с деревьев или подбирают упавшие, моют в море, снимают кожуру и едят фрукты в качестве перекуса.

А привезенные зеленые бананы пошли на… обжарку. Эрфина нарезала бананы тонкими ломти-

Кокосы, готовые идти на расколку и первичное обжигание

Ходить по кораллам на берегу оказалось не так опасно, как думалось. Такой тонизирующий массаж стоп

ками и обжарила их в кипящем масле. Получились натуральные чипсы! С картофельным вкусом, немного сладковатые.

Вечеринка набирала обороты. Пришла старшая дочь хозяев, 16-летняя Рату. В переводе ее имя означает «королева». И подходит девушке: Рату очень любит красоваться, фотографироваться, позировать. Затем пришла сестра Эрфины с мужем. Последний работает на рыболовецком судне, а потому принес свежей рыбы. Эрфина и Хазрат думали, что мы сможем свободно общаться с их родственником: он год работал на Тайване, хорошо говорит на южнокитайском. Полагали, что мы знаем китайский…

Работа в Китае натолкнула рыбака на бизнес-идею: продавать в Поднебесную мясо ласточек. Сбывать можно по тысяче долларов за килограмм. Хазрат взялся за дело серьезно, строит рядом с домом большой каменный птичник для ласточек. Впрочем, не особенно торопится. Сейчас он устроен хорошо: работает техническим специалистом на кораблях Военно-морского флота Индонезии. Семья живет в основном в Битунге, в деревенский дом они приезжают на выходных.

Рыбу жарили на углях из… кокосов. Не думал, что скорлупа зрелого кокоса такие хорошие дрова – и загорелась легко, и давала приличный жар. Деревьев здесь, конечно, тоже хватает, но древесину, как правило, используют в качестве стройматериала. Даже стволы кокосовой пальмы. У птичника как раз лежал такой ствол, распущенный на четыре полукруглых сегмента. В общем, кокос тут всему голова. Его пьют, едят, жгут, из него строят. Он же используется порой как основа местных лекарственных снадобий.

Для лазания по гладкой пальме островитяне делают зарубки на стволе

Рыба на кокосах получилась очень вкусная. Зеленая папайя к ней шла как овощ – твердая, хрустящая, напоминающая морковь. Трапезничали до глубокой ночи.

ПИКНИК НА КОРАЛЛАХ

Еще с вечера хозяева нам объявили, что рассвет будет в 5 утра, купаться пойдем в 6 часов, в 9 часов – служба в церкви по случаю воскресного дня. Рассвет мы, конечно, проспали, разбудили нас хозяева. Получилось так, что мы отправились не просто купаться, а на пикник. Эрфина набрала большую сумку еды с собой, Хазрат вытащил канистру бензина, и мы спустились к пристани, где стояла семейная лодка с аутригерами. На ее борту аккуратно выведено название Tri tunggal, что означает «Троица». Судя по тому, сколько воды было в лодке, ею давно не пользовались. Воду вычерпали, завели мотор и направились к ближайшему острову. Издали казалось, что на острове белая мелкая галька. Когда высадились, стало понятно, что это кораллы. Толстый слой мелких мертвых кораллов, вынесенных на остров волнами.

Выгрузили вещи и пошли купаться. Хазрат привез с собой маски для подводного плавания, что было очень кстати: коралловые рифы здесь в изобилии. Надо сказать, что пролив Лембех, отделяющий остров от Сулавеси, считается в Индонезии одним из лучших мест для дайвинга. Прежде всего из-за скопления редких обитателей моря: рыб-лягушек, осьминогов, морских коньков, голожаберников… В бухте Лиранга такой суперэкзотики не наблюдалось, но место для ныряния приятное: заводь очень

тихая, никаких волн. Налюбовались коралловыми рыбами, морскими звездами, змеями и прочими обитателями экваториального моря.

Когда мы вышли из воды, дети разжигали костер на берегу. Главным образом, чтобы согреться. На тенистой части острова, где мы остановились, все еще было прохладно. Развели огонь, используя большие сухие листья, которые кидали охапками. Затем подтащили сухой бамбук. Мы грелись у костра, закусывая банановыми чипсами.

Тем временем пристань начала оживать. На берег высыпала детвора, для которой это любимое место гулянья. Есть у них и своя «детская» лодка – без аутригера, с высокой посадкой.

Исследовав окрестности, мы нашли место для условного кемпинга на узком скальном полуострове. Палатку здесь предлагается ставить на невысокий топчан из бамбука, чтобы ее не смыло ливнем. Все это больше похоже на мечты местных властей о туристах. Не верилось, что они сюда заглядывают: топчаны уже наполовину развалились. К слову, после аэропорта мы вообще не видели ни одного туриста, ни одного европейца.

По своему тону проповеди в церквях часто напоминают пламенные речи политических ораторов

ПРОПОВЕДИ, ПЕСНИ И WI-FI В ГАМАКЕ

На самом краю Лембеха над обрывом установлен внушительный металлический крест, подсказывающий, что это христианский остров. Церквей здесь много, только в деревне Хазрата их три. Все протестантские. Огромная новая церковь возвышалась прямо за домом Хазрата и Эрфины. Ничего, что мы опоздали к началу, служба растянулась до полудня.

Два этажа новой церкви были заполнены прихожанами всех возрастов. Местные жители довольно религиозные, в воскресное утро в деревне безлюдно – народ в церквях. В церкви, куда мы пришли, главным пастором была женщина. С кафедры она произносила пламенные речи, некоторых прихожан они доводили до исступления и стенаний. Накал страстей снижали более спокойные проповедники и песни – легкие, под музыку в поп-обработке.

Кое-кто пришел в церковь не за пищей духовной, а за… интернетом. Выяснилось, что эта церковь – едва ли не единственное место в деревне, где есть общественная сеть Wi-Fi. Правда, по случаю огромного числа жаждущих подключиться сеть «легла». Так что страждущие интернета разлеглись в гамаках за оградой церкви, ожидая, когда народ разойдется.

Служба завершилась песней «Святое Воскресение», после чего прихожане начали накрывать столы для общей трапезы. Это был настоящий пир! Все принесли сами прихожане: пять видов рыбы, жареный тофу, тушеные овощи с пряными соусами… Пили свежевыжатый сок дыни – зеленого, очень яркого, почти кислотного цвета. Не верилось, что он натуральный. Однако после осмотра местных дынь выяснилось, что их мякоть по цвету идентична соку.

Как и в Битунге, люди здесь реагировали на нас очень позитивно – улыбались и смеялись. Среди прихожан нашлась англоговорящая девушка – учительница школы в Битунге Грейс, приехавшая на выходные к родне в деревню. Она пригласила нас поучаствовать в воскресном совместном труде. Мы согласились и отправились к месту действа.

ТРУДОВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В целом дома в деревне очень схожи – незатейливые прямоугольники из бетонных блоков под железной двускатной крышей. Творчество порой проявляется в конструкции веранды и забора. Например, один забор был уставлен каменными футбольными мечами. Хозяин лежал в гамаке в тени манго и, заметив наш интерес, движением ног продемонстрировал, что он футболист. Само собой – бывший.

К месту воскресного совместного труда мы подошли, когда работа была в самом разгаре. Люди разместились на крыльце одного из домов и на горе кокосовой скорлупы рядом. Работа была незатейливая: одни привозили на тачках немного обожженные половинки орехов, другие специальным ножом выковыривали мякоть. Ее складывали в одну кучу, скорлупу – в другую. В дальнейшем все это отправится на рынок в Битунг: скорлупа пойдет на дрова, мякоть – на переработку в кокосовое масло и стружку. Собственно, вот и весь цикл основного подсобного хозяйства Лиранга. Разбивают кокосы (предварительно использовав сок) и обжигают для легкого удаления волокон с его поверхности. Мне поручили отделять мякоть ножом. Правда, задерживаться мы не стали – желающих поучаствовать было больше, чем ножей.

Пока Хазрат «добывал» фрукты, народ выходил из домов подивиться на нас

Работают островитяне тоже весело

Неподалеку на кухне женщины занимались «печеньем»: очищали зеленые бананы, тонко нарезали и жарили в масле. Надо сказать, сладкие бананы здесь не в чести, их любят употреблять в качестве овоща и чипсов.

Складывалось впечатление, что в деревне царит дружная, почти общинная жизнь. Как говорят, взаимопомощь и доброе отношение к соседу здесь норма на всем острове. Исторически так сложилось во всем регионе: Минахаса – остров единения многих племен.

А на Лембехе большинство населения составляют не минахас-

цы, а сангиры и лолода. Первые мигрировали сюда незадолго до визита Миклухо-Маклая. На родном острове Сангихе, что на 200 километров севернее Минахасы, в 1856 году произошло мощнейшее извержение вулкана. Минахасцы приняли беженцев-сангиров в свою большую семью. Лолода прибыли с другой стороны – с острова Северное Малуку. В середине XX века там вспыхнули межэтнические столкновения и часть лолода переехали на остров, где все едины.

Райские гавани Лембеха служили пристанищем пиратам до 1640 года, когда бандиты были разгромлены знаменитым адмиралом Хенгкен У Наунгом

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ

Дневной зной лучше было переждать не дома, а в кокосовом лесу. Может сложиться впечатление, что заросли кокосов и бананов здесь хаотичные и дикие. На самом деле каждое дерево кому-то принадлежит, иногда они даже помечены. Во времена Миклухо-Маклая сангиры вешали на пальмы специальных кукол «уро», которые, согласно народным верованиям, охраняют кокосы и в случае кражи будут ментально преследовать вора. Сейчас в куклах нет необходимости, островитяне живут дружно, асоциальные элементы здесь встречаются редко.

В кокосовом лесу, где мы укрылись от жары, стоял сарай фермера, заваленный огромной кучей кокосов. Хозяин, видимо, давно не появлялся – некоторые кокосы начали прорастать. Лес располагался на краю обрыва, и сильный ветер с моря приносил прохладный воздух. Бродить среди пальм было одно удовольствие. Только нужно было смотреть, чтобы кокос не упал на голову.

Тем временем пасторы в церквях вновь взялись за проповеди. На сей раз через громкоговорители – так, чтобы всей деревне было слышно. Такое здесь повторяется каждое воскресенье.

Эрфина нашла нас в кокосовом лесу. Она прибежала, чтобы сообщить нам о том, что проповедница только что упоминала нас в своей речи. Благодарила за визит – как первых русских, побывавших на их отдаленном мысе. Мне же хотелось удивить местных рассказом о действительно первом русском, побывавшем в этих краях 150 лет назад. Жаль, возможности такой не представилось. Рассказать в деревенской школе о Миклухо-Маклае у нас получилось уже на Папуа...

На общей трапезе в церкви мы были званными гостями

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.ru

Во всех почтовых отделениях России:
через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:
электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка
(доставка курьером):
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
https://rusmir.media

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru